

ВЛАДИМИР ГРЖОНКО

СВАДЪБА

Роман

© Copyright Vladimir Grjonko, 2002

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Грязная шероховатая ладонь тучи плотно прижимала небо к крышам домов, вдавливая спешивших прохожих в подъезды и магазины. Эта же самая ладонь, казалось, давила и на затылок старого китайца с велосипедом – развозчика заказов при маленьком ресторанчике. Собственно говоря, китаец был не таким уж и старым, но весь его вид – руки, неуверенно державшие руль, личико, съезжившееся в беспомощную щенячью мордочку, и отстраненность, которая отделила его от улицы – все это делало его похожим на старика. Древнего старика.

Он повернул руль и, с трудом удерживая равновесие (на руле висел тяжелый пакет, от которого пахло чем-то приторным), выехал в переулочек. Ветер раскачал пакет, и велосипед завалился, завалился по дороге. Четырнадцать – двадцать девять – подумал китаец и привстал в седле, сильнее нажимая на педали, – адрес: четырнадцать – двадцать девять. Еда остывала, и ее нужно было быстрее доставить по адресу, потом вернуться, передохнуть и снова ехать с очередным заказом. Вторая половина дня, рабочий день уже закончился. Народ в такую погоду сидит по домам, телефон в ресторанчике разрывается – всем хочется пообедать чем-нибудь этаким, горячим и недорогим.

Старик доехал до конца упирающегося прямо в берег моря переулочка и повернул направо. Туча так давила, что голова отказывалась удержать четыре цифры. Неделью назад один из соседей по комнате раздавил в темноте его очки, и теперь записывать адрес на бумажку было бесполезно. Конечно, он сам виноват, нечего класть очки куда попало. Единственные очки, эх! Отвлечшись на эти рассуждения, он вдруг сообразил, что номер дома, который он повторял всю дорогу, вылетел, растворился, подхваченный упругим ветром с моря. Куда теперь ехать, где ждут этот, распространяющий внезапно опротивевший ему запах, пакет, он совершенно не знал. Клиенты всегда ругаются из-за остывшей еды; хозяин, хоть и родственник, ругается тоже. Значит вернуться и еще раз спросить нельзя. Невозможно.

Он медленно поехал вдоль моря, изредка безнадежно взглядывая на дома. Потом поднял голову, увидел повисший вдалеке над деревьями мост – там, далеко впереди – снова наклонился над рулем и сосредоточенно закрутил педалями, словно смысл поездки был только в движении. На плешь, просвечивавшую сквозь седину, упали первые капли дождя. И следом тотчас хлестнули холодные струи, пронизившие одежду насквозь. Зато тяжелая ладонь на затылке сделалась легче, и, когда старик окончательно вымок, исчезла. Щенячьи складки разгладились, и вдруг снова всплыл забытый адрес: четырнадцать-двадцать девять. Это означало, что он проехал с десяток лишних домов, и еда (старик потрогал облитый водой пластик) почти совсем остыла. Нужно было немедленно возвращаться.

Велосипед замедлил движение, старик раздумывал: на узком тротуаре развернуться трудно, а съезжать на дорогу (проклятые очки!) он не решался. Наконец он неловко затормозил одной ногой, поставил другую на асфальт, ошутимо ударившись о раму, и стал поворачивать велосипед, приподнимая переднее колесо и двигаясь рывками вбок. Он уже почти совсем развернулся, когда жесткая педаль неожиданно провернулась сама по себе и ударила его под колено. Он дрогнул, чуть поджал ногу, увесистый пакет

качнулся сильнее и велосипед вырвался из рук. Звякнул кругляш на руле, и старик, велосипед и ожидаемая где-то еда оказались на мокром тротуаре.

Лежать на асфальте было мокро и холодно; он приподнялся, встал на четвереньки. Вот ведь беда, – подумал он. Старый китаец, старый разболтанный велосипед и никуда уже теперь не годный смятый и мокрый пакет. Беда, конечно, невелика. Можно вернуться в ресторан: ну ругнется посильнее хозяин и отошлет поскорее отвозить заказ заждавшимся клиентам. Какая уж тут беда – так, мелочь.

Старик сел, вытер грязные оцарапанные руки об изношенную куртку и потрогал все еще крутящееся колесо. Как странно все устроено: он упал, испортил заказ, промок и ударился так, что саднят ладони и колено, а колесо все еще крутится себе, как будто продолжает ехать куда-то, не связанное ни с велосипедом, ни со стариком, ни вообще с чем-либо на этой земле. Почему-то, ему вспомнился Конфуций. Он никогда не читал трудов великого земляка, просто он представил себе стоящий в Чайнатауне бронзовый памятник, бесстрастно глядящий узкими глазами на своих американизированных потомков. И старику стало холодно – он-то ведь не бронзовый! – и потянуло домой, но не в крохотную комнату с суетливыми, как тараканы в помойном ведре, соседями, а в далекую свою провинцию в Южном Китае, куда теперь уж и не попадешь никогда. Да и незачем, вообще-то. Он давно уже потерялся во времени и пространстве. Уехал в Америку еще не очень старым, но и не таким молодым. А здесь почти и не выучил невероятный язык, не приуловился... Ну что ж делать, он завис, отвыкший от знакомого, родного окружения, но так и не привыкший толком, не приспособившийся к этой непонятной стране. Когда с ним говорили по-английски, он внутренне делал шаг назад и, быстро уставая вслушиваться, ориентируясь только на жесты и мимику, сам придумывал весь разговор. Не угадывал, а именно придумывал. Говоривший в такие минуты казался окутанным серой дымкой, а в голове выстраивался разумный, полный смысла и уважения к собеседнику монолог, в который он изредка вставлял свои замечания, не заботясь, понимает ли другой человек его наречие. К его удивлению, часто то, что он выдумывал, оказывалось довольно близко к тому, что ему говорили на самом деле. Хотя иногда этого и не случалось. Его охватило безразличие. Наверное, оттого, что он промок, ударился и снова забыл адрес, по которому теперь не понятно уж что и доставлять. Безразличие бронзового земляка. Он неторопливо собрал вывалившееся из коробочек и бесстыдно раскисшее под дождем варево. Спокойно проехал велосипедным колесом по печальной луже, которая еще совсем недавно была горячим супом, встряхнул пакет, уплотняя остатки (или останки?), и снова повесил его на руль. В седло он уже не садился, а так и шел, прихрамывая и придерживая велосипед далеко отставленной рукой.

Он возвращался назад, автоматически поглядывая на номера домов, и в сознании снова вынырнул тот самый – все время злодейски ускользавший – четырнадцать-двадцать девять. Это уже где-то совсем близко. Да вот и он. Невысокий двухэтажный домишко с широкой внешней лестницей, ведущей на балкончик второго этажа. Старик остановился, немного подумал, потом прислонил велосипед, взял бесформенный пакет и стал медленно подниматься по ступенькам. Какая разница, – вяло подумал он, сохраняя бронзовое философское спокойствие, – вот колено теперь разболится, да и это не важно. Ну, разболится, так разболится. Старый я, вот и все. Какая разница. Послали меня, вот и приехал. Заказали, вот и привез. Никакой разницы.

Из пакета, не смотря на полиэтилен, подозрительно капало, и старик, ожидая, пока откроют дверь, безразлично смотрел на растекающееся по носку его мокрой

кроссовки пятно, жирное и неторопливо застывающее. За дверью послышались шаги. Старик честно раскрыл пакет, так, чтобы было видно его перемешавшееся раскисшее нутро и, когда дверь отворилась, обеими руками протянул его через порог.

Как он и ожидал, возникла пауза. Потом женские руки приняли пакет. Он медленно поднял глаза и посмотрел на хозяйку спокойно и внимательно, как через прорезь прицела. Толстая, а может быть просто пышно одетая в траурный белый цвет женщина что-то быстро говорила ему, держа на весу ненавистный пакет. Ее невнятная речь булькала как вода, не затекая старику в уши, но он и так понимал, что им недовольны. Он подождал немного – с ним должны были расплатиться за доставленное, но женщина в трауре, не останавливаясь, говорила и говорила. Без очков для старика ее лицо было так же мутно, как и водянистая речь.

Вдова что ли, – подумал он, но тут же спохватился, – тьфу ты, ведь здесь же в трауре носят черное! И сам удивился тому, как далеко ушел мыслями от серой бруклинской улицы. Он постарался улыбнуться, чтобы хоть как-то извиниться перед клиенткой, но получилось плохо, как будто кто-то засунул ему в рот грязные пальцы и потянул углы рта к ушам. Плохо, плохо. Зачем только ему вздумалось нести в этот дом испорченный обед? Но разве он виноват? Велосипед упал сам, уронив и его, и пакет. Все испортилось, и он ударил колено. Так кто же виноват? Грязные пальцы вылезли у него изо рта, и он еще раз поймал на мушку стоявшую перед ним женщину. Та, видимо, выдохлась и, вытирая лицо чем-то белым, зажатым в кулаке, умолкла, по-прежнему держа другой рукой доставленный заказ.

Старик еще немного подумал, потер рукой коленку и, разгибаясь, достал из кармана привезенный еще из Китая складной нож. Хлипкое источеное лезвие легко вывалилось наружу. Он поднес его поближе к глазам. Белая женщина умолкла. Прищурившись, он в свой прицел неожиданно увидел растянутый отвалившейся челюстью рот и рядом – покрытые ярким лаком ногти, расслабленно держащие платок. Тогда он повернулся и заковылял к оставленному велосипеду. Когда он приседал, колено хрустнуло, и боль из него метнулась сразу и вверх, и вниз. Велосипед следовало наказать непременно. Он с силой ткнул ножом в колесо. То самое, которое так безмятежно крутилось, пока он, ударившийся и мокрый, лежал на тротуаре. К сожалению, нож был старым и тупым, а резина – твердой и упругой. К тому же, присев на корточки, старик не рассчитал сил и потерял равновесие. Лезвие дрогнуло и согнулось, руку отбросило и старик, не имея возможности удержаться, стал заваливаться на спину. А сверху на него падал велосипед.

Он не видел, как женщина отшвырнула пакет, как она сбежала с лестницы. Только почувствовал, что ему помогают подняться, снова услышал ее малопонятную, но на сей раз успокаивающую речь. Она не позволила ему еще раз попробовать наказать проклятое колесо. Так и оставив велосипед лежать на асфальте, они стали подниматься вверх к открытой двери. Старик не сопротивлялся и даже хитренько подумал, что, может быть, ему сейчас дадут денег и отпустят обратно. И это даже хорошо, что он стар, потому что молодому ни за что не стали бы помогать подниматься и с асфальта, и по лестнице. Кто бы стал вот так поддерживать молодого? А молодой бы, конечно, и не ушибся так как он, и его не за что было бы жалеть. Ни самому себе, ни белой хозяйке. Как хорошо, что он придумал наказать этот велосипед!

Женщина завела его в большую, начинающуюся прямо от дверей комнату и усадила на жесткий стул, стоящий прямо посередине. Больше в комнате ничего не было. По крайней мере, он не сумел ничего разглядеть. Только в углу под окном стояла

огромная корзина с белыми цветами. Судя по запаху – астрами или хризантемами. Старик не очень разбирался в названиях и запахах цветов. Усадив его, женщина отошла на несколько шагов, посмотрела, чуть склонив голову, как художник, собирающийся рисовать, и снова подошла поближе. Теперь она заговорила значительно медленней, и он сумел различить знакомые слова и кое-как представить то, о чем ему рассказывают. Она упомянула о том, что кто-то страшно опаздывает, что она давно уже ждет и проголодалась, и потому заказала китайскую еду. Но это неважно, это совершенно не имеет значения. Главное, что тот, кого она ждет, все не едет и не едет. А она... Как показалось старику, вылавливающему из жидкой кашицы чужого языка редкие комочки смысла, она ждала мужчину, а он ... скорее всего, он вообще не придет. И она это знает, вернее – чувствует, но все равно надеется: ведь он же обещал, он не может не прийти, это совершенно невозможно, чтобы он не пришел совсем. Такого не бывает! Не должно быть!

Впрочем, по привычке, старик уже сам придумывал за женщину ее грустный, недоумевающий рассказ. Она любила его, он – не очень. Но вот, наконец, он все-таки решил на ней жениться. Тут было много обстоятельств: и недовольство родственников, ее родственников, и тот факт, что она беременна... Нет, пожалуй, она просто очень любит его, а годы идут... и он, в общем-то, не подлец и не пустой человек, да только... К тому же он несколько моложе ее. Но главное – он постоянно подвергается опасности, потому что уже несколько лет скрывается от народной милиции. Он был хунвейбином в молодости, но потом... Потом понял, что все это – подлая глупость и вышел на демонстрацию... И ежедневно – вот уж сколько лет – он рискует жизнью. А она, она просто женщина, которой хорошо с ним. И она хочет его уберечь, помочь ему и родить сына, который, может быть, будет жить лучше и правильней, чем они. И на сегодня у них назначена свадьба – маленькое, тихое торжество, а его все нет и нет.

Старик шевельнулся на жестком сидении и сочувственно произнес:

– Так бывает, не переживай. Он придет, этот твой жених. Мало ли какие дела могли задержать его. У него трудная жизнь, ты должна понимать это. Он обязательно придет. И, знаешь, я отдам вам в подарок велосипед, тот, который я так и не успел наказать, и теперь рад, что не успел. Потому что жених посадит тебя на него, и вы уедете отсюда, и все будет хорошо. Поверь мне. Ты же видела, как я хромал, потому что ушиб коленку. Это означает, что я стар, и поэтому знаю, что говорю.

Голосом старик пытался смягчить свое резкое кантонское наречие, и это, кажется, удалось, потому что женщина приблизила к нему свое лицо и закивала, а старику удалось рассмотреть, что она и действительно не очень молода, но еще хороша: щеки пухлые и красные и красивые глаза с тенью ресниц. Будь он помоложе, он заставил бы ее забыть о исчезнувшем женихе. Хе-хе!

Старик прекрасно понимал, что он в Америке, в Бруклине, и нет здесь никакой народной милиции, равно как и хунвейбинов. И не было никогда. А жениху, если он все-таки появится, совсем не нужен его старый велосипед (на хорошей машине, наверное, приедет). Да только так ему представлялось, такой эта история выплывала из знакомого серого тумана. И ему нравилась именно такая история. Ведь это даже удобно – не понимать чужой речи. Можно строить беседу как угодно. Вот и женщина, сейчас глядящая на него, тоже ничего не понимает. Какая разница?

Женщина снова заговорила, на этот раз дрогнувшим, неуверенным голосом. А может быть, – говорила она, – мне совсем не стоит ожидать беспутного жениха, ну действительно, что могло его задержать, ведь не эти же... как их... хунвейбины, в самом

деле. Наверное, ох, почти наверняка, он уж не придет, у него важные дела, а, возможно, и другие женщины. Но тогда... тогда мне совершенно незачем сидеть и ждать в этом пустом и неудобном доме. И если велосипед все еще лежит там, перед дверью... Может быть нам следует уехать на нем прямо сейчас. И это ничего, что у старика болит колено, она сама будет крутить педали, если это потребуется. И они уедут. Куда? Куда-нибудь. Разве это важно? Конечно нет! Важно, чтобы случилось то, чего ожидаешь с самого утра, чтобы скрипел старый велосипед, а дом остался бы позади, хотя его и чуточку жаль.

Вот такие вещи говорила старику эта женщина – та самая, которой он привез отвратительную китайскую еду, остывшую и грязную. И старик уже хотел было ответить ей, а может и погладить по голове эту славную и беспомощную девочку, но жест не получился, потому что оказалось, что он до сих пор держит в руке сломанный нож и, главное, потому, что в этот момент раздался гулкий и неожиданный для старика звук – в дверь позвонили.

Женщина тоже вздрогнула (он это ясно видел), что-то еще коротко ему сказала (он не успел придумать, что именно) и пошла открывать. Ну вот, подумал старик, похоже, пора возвращаться в ресторан. А мы так славно говорили...

Он вздохнул и начал подниматься со стула. Дверь распахнулась, выстудив непросохшую одежду залетевшим снаружи, от моря, ветром, и в комнату ворвались двое мужчин. Он, наверное, потому и подумал «ворвались», что ощущение от их появления было неприятным. Холодным и мокрым, как его куртка. Толком рассмотреть вошедших он не смог – как-то они не ловились на его прицел. Понял только, что один – крупный, среднего возраста и какой-то неуловимо фальшиво солидный, как владелец мелочной лавки. А второй, высокий, совсем молодой и дерганый; что это значит – старик и сам не понял. И, конечно, все они сразу заговорили. Вернее, сначала быстро-быстро затараторил дерганый. Ему отвечала женщина, правда, повернувшись при этом к солидному. Тот что-то медленно сказал, потер руки и рассмеялся. Никто на его смех не отозвался, а женщина стала говорить, уже не обращая ни к кому конкретно, а ко всем сразу, включая так и не вставшего со стула старика.

Ну вот он и приехал, говорила она, а задержался только потому, что слишком многое нужно было успеть сделать перед свадьбой: ведь придут гости. И перепоручить никому ничего нельзя. А дерганый молодой – это его помощник, доверенное лицо. И сейчас они все поедут, наконец-то поедут играть свадьбу. Теперь все хлопоты позади и можно веселиться. И старик обязательно останется с ними. Какая же свадьба без старика, который ей почти как родной отец. Он ведь не откажется, правда?

Она посмотрела на старика и замолчала. А он увидел в ее взгляде сомнение и надежду. Как он может ответить отказом на такое приглашение! Он наклонил голову и сказал:

– Я все равно дарю вам мой велосипед. Как свадебный подарок он не очень годится, но сейчас у меня больше ничего нет. И поэтому старый велосипед становится очень дорогим подарком! Вы понимаете? А за столом я обещаю вам улыбаться и, если меня посадят справа, я обязательно спою Главную свадебную песню, которую сейчас все забыли, но которая до сих пор хороша.

Как же все-таки славно, подумал он, что они ничего не понимают. И вообще: день, начавшийся столь неприятно, неожиданно заканчивается так, как он и помыслить не мог – тепло и радостно (ведь свадьба – радостное событие, не так ли?).

Пришедшие мужчины снова заговорили, причем дерганый младший махал руками и громко смеялся своим же собственным словам. Солидный тоже заулыбался, а женщина (старик не видел ее лица) выглядела растерянной. Ничего удивительного: невеста, да еще счастливая, просто обязана быть растерянной и смущенной.

Младший из мужчин достал фотоаппарат, и старик понял, что тот хочет всех сфотографировать перед выездом к месту торжества. Конечно, он тоже с удовольствием сфотографируется с ними, ему будет только приятно. Он подошел поближе к женщине и даже боязливо дотронулся до ее плеча. Но жених почему-то не присоединился к ним, а расхохотался и ушел куда-то вглубь квартиры. Ну понятно, ему ведь не стоит оставлять своих изображений на бумаге: в его положении не следует забывать и об осторожности.

Неожиданно резко полыхнула вспышка. Он совсем не успел приготовиться и придать лицу соответствующее выражение. Нельзя, чтобы он, пожилой человек, который на этой свадьбе будет петь традиционную песню, выглядел на торжественной фотографии нелепо. Да и невеста в момент съемки смотрела не в объектив, а на него. И он бы сейчас же попросил этого торопливого молодого человека дать им время, чтобы принять нужное положение, но вспышка, ударившая его по незащищенным глазам, секунда белого, расходящегося кругами света, почему-то не проходила и не проходила, и въедалась в глаза все сильнее и сильнее. Он мотнул головой и поднял руку, заслоняя лицо от буравящей боли, но тут же все кончилось. Он успел подумать, что, может, вспышка не была такой неожиданно длинной, а просто глаза сегодня почему-то чувствительнее, чем обычно. Но когда эта слепящая секунда все же кончилась, он увидел, что невеста уже не стоит рядом и сбоку, а держит его за руку, наклонившись, лицом к его лицу. И когда последние отголоски вспышки, полиняв и съездившись, исчезли из глаз, он увидел, совсем близко, усталую кожу на ее лбу, а выше – редкие, непонятного цвета волосы. И вообще, подумал он, вблизи она совсем не выглядит как невеста:

и немолодая, и какая-то... слишком спокойная, что ли? Кроме того, жениху может не понравиться, что я так поспешил согласиться петь на их свадьбе.

И зачем он только связался с этими людьми! Он повернул голову, чтобы посмотреть, вернулся ли из глубины квартиры жених и сейчас же объяснить ему, что, к сожалению, его присутствие на свадьбе совершенно невозможно. Ему нужно срочно ехать обратно в ресторан, где его заждался родственник-хозяин. Но жениха он так и не увидел, а фотографировавший их юноша безразлично отошел к двери и, спиной к ним, укладывал фотоаппарат в сумку. Но зато оставалась женщина, которая ему окончательно разонравилась. Старик попытался встать, но она, все так же наклонившись к нему, немедленно взяла его ладонь в свою, и он снова уселся на жесткий стул. Он услышал за собой голос и узнал жениха. Женщина ему ответила, спокойно и мягко. Снова заговорил молодой и дерганый.

– Машина вот-вот придет, – пробормотал он, нервно поправляя сумку на плече, – мы можем встретить ее на улице.

Потом он посмотрел на китайца и, улыбнувшись, добавил:

– Вы, конечно, не возражаете, если мы отправимся на свадьбу все вместе, в одной машине. Это не совсем по традиции: жених и невеста должны ехать отдельно, но так уж получилось, да и молодым будет приятно, если такой почетный гость составит им компанию.

– Да-да, – закивал старик, – ничего тут не поделаешь, я понимаю. Только я, наверное, не смогу присутствовать на свадьбе. Велосипед подарю, а вот присутствовать не смогу. У меня болит колено и вообще...

И вдруг поперхнулся, потому что ему показалось, что этот молодой и дерганый человек говорил с ним на его родном кантонийском наречии. Правда, с изрядным акцентом. А это могло означать, что все его стариковские дурачества про им же выдуманную свадьбу...

Молодой человек не стал наслаждаться его позором и растерянностью, потому что тут же распахнул дверь и закричал старику и остальным, уж совсем непонятно на каком языке:

– Поехали, поехали, машина уже здесь!

Они вышли из дому все вместе, жених с невестой бережно поддерживали ослабевшего старика под руки. Когда проходили мимо лежащего велосипеда, старик повернул голову и открыл было рот, чтобы напомнить о подарке, но невеста улыбнулась, покачала головой и что-то сказала. Ее непонятная интонация насторожила китайца. Наверное, он все придумал неправильно: не было ни приглашения на свадьбу, ни слов, произнесенных по-китайски. Тем не менее, его куда-то везут.

Они усадили старика в обшарпанный микроавтобус с задернутыми шторками на окнах и расселись сами. Какой-то странный, липкий запах бродил по салону. Когда водитель захлопнул дверцу, тоже уселся и довольно грубо тронул автобус с места, старик сообразил, что это за запах – так пахнет утекающий из морозильной установки фреон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, миссис Элизабет Вильсон, рост пять футов и шесть дюймов, вес... э-э... сейчас посмотрим... вес – сто сорок восемь фунтов... М-да, многовато. С другой стороны, когда тебе сорок... а если честно признаться – почти сорок один, то трудно ожидать, что фигура останется прежней. Но – спортивный зал, тренажеры, бассейн, наконец... Здоровый образ жизни... может быть это, в первую очередь – здоровый образ мысли? А что это означает? Наверное – быть довольным своей жизнью.

Она отступила в сторону, и стрелка напольных весов заметалась в поисках нулевой отметки. Пора было одеваться и ехать на работу. Но она медлила: очень уж приятно стоять вот так, голой, на теплом влажном полу ванной. И даже собственное отражение в зеркале сегодня не раздражало. Ни все ниже провисающая грудь, ни безнадежно стареющая шея... А вот зад еще совсем ничего. И спина. Еще можно безбоязненно носить открытые сзади платья. Сегодня она почему-то была снисходительна к себе. Для разнообразия, что ли?

Даже человек очень довольный собой и своей жизнью имеет желания, не так ли? Только, наверное, желания его выполнимы и приятны. Или просто он ничего не желает по-настоящему сильно. Мало ли о чем можно мечтать! Получить миллион в наследство. Или, вот, завести себе любовника. Молодого и красивого. И бить его плеткой, например. Ну что за глупости!

Она провела рукой по предательской шее, увы, не такой гладкой как зад, и стала одеваться. И снова удивилась своему хорошему настроению. Все было прекрасно. Если не замечать мелочей. А их можно не замечать. Хотя бы сегодня. И в самом деле, у нее есть все основания быть довольной собой. И жизнью. Но надо поторапливаться.

Бет быстро и точно (предмет ее гордости) накрасила глаза и губы. Боевая раскраска в пять минут – это надо уметь. Жаль, Джордж уже уехал на работу: он бы оценил, как всегда, такое совсем не женское умение быстро собираться. Она еще раз оглядела себя в зеркале, на этот раз в прихожей. Прекрасно! Пиджачок, недавно подаренный верным Джорджем, смотрелся так, как и должно – строго, но, безусловно, женственно. Потом – юбка, ноги в черных чулках и туфли (на левой немного сносился каблук, но это ерунда, пока еще годится). Вот и все, теперь – на работу.

Как хорошо, что можно, не торопясь, приехать к одиннадцати; в двенадцать – ланч с боссом, потом совещание в филиале фирмы в нижнем Манхэттене, потом... Она и сама не очень понимала, как и зачем существует фирма, позволяющая высокооплачиваемым сотрудникам вести такую размеренно-неторопливую и необременительную жизнь. Джордж говорит, что это правило, закон, по которому чем выше пост ты занимаешь, чем больше зарабатываешь, тем меньше и приятнее работаешь. Но такой взгляд как-то принижает и тебя, и то, что ты делаешь ... А-а, какая разница, в конце-то концов? Особенно сегодня. У нее нет сильных желаний, есть отличная работа, необременительный муж (милый Джордж, знал бы он...) и даже паратройка глупых фантазий, а одна так и совсем... Нет, сейчас, пожалуй, не время думать об этом. За рулем нужно быть предельно внимательной. За рулем, с Джорджем, с сотрудниками и незнакомцами... Иначе возможны разнообразные аварии. Но, тем не менее, это замечательно, что в сорок лет еще остаются мечты...

Она въехала в тоннель Линкольна и, когда на блеклом кафеле стены мелькнула черта с надписями – условная граница между штатами Нью-Йорк и Нью-Джерси, привычно поежилась: над головой сейчас угрожающе зависла тяжелая как беспамятство толща Гудзона. Она сознательно прибавила скорость, но впереди неторопливо, покряхтывая, шел старенький грузовик, и скорость пришлось сбросить. Впрочем, это было ее ежедневное развлечение – попугать себя: представить, что вот сейчас этот ненадежный, такой тонкий, по сравнению с массой воды, округлый потолок тоннеля разойдется и тогда...

Приятно видеть, как из-за поворота медленно (ох уж этот грузовик!) появляется пятно дневного света. Это значит, что еще чуть-чуть, и она выедет по пандусу к светофору на сорок первой улице. И – прощай Гудзон!.. по крайней мере, до вечера. Вот ведь тоже – невротическая фантазия, но, зато как приятно после тоннеля остановиться у светофора, в привычной грязноватой суеде Вест-Сайда. Даже нависающая справа грязная махина Автобусной Станции, похожая на заброшенный цех древнего завода, не производила гнетущего впечатления.

Как всегда, она вырулила на крайнюю правую полосу, рядом с тротуаром, чтобы сразу же, на зеленый свет, свернуть направо, на сорок первую и без особых помех докатить до Парк авеню. Знакомая до каждой выбоины дорога. Но почему-то светофор упрямо светил красным, только этим и выделяясь на сереньком фоне перекрестка и такого же серого низкого неба. Она слегка занервничала, хотя никуда и не торопилась. Держать ногу на педали тормоза и не сводить глаз с упрямого светофора – это совсем не то, что, легко нажимая на газ, проскакивать свободные перекрестки. Как будто ее машина, свеженькая, хотя и не совсем новая «Вольво», может ощущать эту свободную

радость бега, а сама она, Бет Вильсон, совсем не жена и не женщина даже, а часть этого автокентавра. Кроме того, она была уверена, что ее машина – существо женского пола...

В левом окне внезапно потемнело, она повернула голову и увидела наклонившегося человека. Пренебрегая тем, что светофор вот-вот сменит гнев на милость, он знаком просил опустить стекло. Бет слегка удивилась, но окно открыла, потому, что мужчина совсем не был похож на обычных попрошайек, слоняющихся на перекрестках в час пик. Довольно молодой, из тех, к кому хорошо подходит определение «солидный», в хорошем костюме и дорогой сорочке. Ничего, впрочем, необычного – она ежедневно сталкивается с подобными ему на работе – типичный клерк среднего уровня. Милый и стереотипный. Он вежливо улыбнулся и, когда стекло окончательно опустилось, придвинулся поближе. Это что – новый дурацкий способ знакомиться с понравившейся женщиной? – подумала она и на всякий случай улыбнулась в ответ. Средне так улыбнулась, почти не поощрительно.

– Мне ужасно неловко обращаться к вам, ужасно неловко, – промямлил клерк, и голова его вдруг оказалась в салоне, так что она почувствовала запах хорошего одеколона, может быть чуть излишне резкий. Кроме того, нерешительный, заискивающий тон совсем не соответствовал его поступкам. Потому что, не останавливаясь, он еще протиснул внутрь и плечо, ухватив рукой руль. Бет это сильно не понравилось, но паниковать было рано, нужно было только откинуться подальше на сидении. Ведь еще через несколько секунд, загорится зеленый свет, и она будет вынуждена тронуть машину с места. Ну а этому робкому нахалу просто придется вылезать обратно. И быстро. Вдобавок дело происходит не ночью, на пустынной улице, а в разгар дня на оживленном перекрестке.

– Я бы и не стал к вам обращаться, честное слово, если бы не увидел по номерам, что вы тоже из Нью Джерси, – клерк наполовину залез в окно машины и его хорошо выбранное лицо заслонило Бет и светофор, и улицу.

Она попробовала еще дальше откинуться назад и выпустила руль: пиджачная пуговица почти лежащего на ее руках наглеца больно врезалась в запястье.

– Вы понимаете, произошло ужасное недоразумение – и совершенно неожиданно. Я... Так получилось, что мне...

Бет, все еще не понимая, пугаться ли ей, уперлась обеими руками в мускулистую грудь и попыталась сообразить, что же все-таки делать. Сейчас сзади загудят нетерпеливые: вслед за ней собралось много машин. Ну и пусть гудят, это даже лучше. Кто-то – ну хоть кто-нибудь – подойдет к застрявшей «Вольве», может быть полиция. И, главное, совершенно непонятно, чего хочет этот псих!

А псих, тем временем, бормотал что-то о забытых в закрытом «Мерседесе» ключах и совершенно необходимых ему сейчас десяти долларах, которые он ей обязательно вернет, если она оставит ему адрес. А работает он тут вот, за углом, в банке, ему всего десятка нужна, потому что в машине не только ключи, но и бумажник с деньгами и документами, а он...

Бет уже не вслушивалась и даже не спрашивала себя, чего же он на самом деле хочет. Она внутренне съежилась, напрягая мышцы не только рук, но и живота, и горла и, даже, кажется, слегка оскалилась. Она ждала автомобильных гудков, перемежающихся с матом нервных и спешащих водителей. Она ждала, что кто-то вмешается в этот идиотизм, нарушивший нормальное течение унылого осеннего дня.

Но – никто не вмешивался. Стоявшие сзади автомобили покорно молчали. Не может же все еще гореть красный свет. Уже наверняка включиться зеленый, и

автомобильное стадо, помыкивая клаксонами, должно было тронуться дальше. Что происходило слева – она не видела, так же как не видела и светофора, и зеркала заднего обзора. А молодой идиот (она все еще цеплялась за мысль о дурацкой шутке) вдруг прекратил торопливую, как монолог телемаркетингового оператора, речь, мышцы (по крайней мере на груди) расслабились, и он уже не жалко, а удовлетворенно улыбнулся и сказал:

– Такие дела, мадам. Вот такие невероятные дела. И, если вы перестанете прижимать меня к рулю, я сползу к вам на колени, и мы будем напоминать нетерпеливых любовников. Особенно если я прижмусь головой к вашей прекрасной груди. Никакой пошлости мадам, поверьте, только невероятные события и моя любовь к экзотике. Но ведь и вы любите экзотику, правда?

Она все не позволяла себе скатиться к панике, к крикам, к визгу. Это окончательно испортило бы ее день и означало бы, что что-то по-настоящему случилось. А Бет совсем не хотелось, чтобы это «что-то» случилось. Особенно сегодня. Достаточно было просто попасть в нелепую ситуацию. Вполне достаточно! Так, чтобы потом со смехом и без особого смущения (а что она должна была делать, женщина?) рассказать о происшедшем и сослуживцам (в укороченно-подрисованном варианте), и Джорджу (в варианте беззащитно-драматическом).

И самое занятное (а она еще способна видеть в своем положении и занимательность), что и интеллигентная речь, и весь облик нелепого шутника, в общем-то, не казались ей опасными. Он был неуместен, назойлив, он и впрямь сполз к ней на колени, но... Ничего угрожающего, всерьез страшного, такого, что заставило бы ее вырваться из машины или, наоборот, нажимать на газ и в панике врезаться в ближайший столб, не было. Только неприятное изумление и совершенное непонимание того, что происходит. Да еще очень, очень странно, что ни одна машина... Около одиннадцати утра, рабочий день, перекресток на выезде из тоннеля... Светофор уже переключился – мимо и слева суетливо пошли машины – теперь, когда этот придурок сидел у нее на коленях и только ноги в отглаженных брюках свешивались наружу, ей снова открылся почти полный обзор. Она вдруг призналась себе, что сознательно концентрируется на происходящем вокруг машины, чтобы легче перенести то, что творилось внутри нее. Прошедший вплотную автобус наполнил салон едкими выхлопами. Значит там, на улице, все в порядке. Пора что-то предпринимать.

Наконец Бет решила, что нашла в себе правильное отношение к ситуации, постаралась усмехнуться и сказала:

– Если вы сейчас не вылезете, я прямо с вами на коленях поеду на поиски полицейского. Только разъяренные водители, наверное, помогут мне избавиться от вас раньше.

– Ах, мадам... Вы слышите, как что-то тикает? Это, влезая к вам, я предусмотрительно включил аварийный сигнал – чтобы нас никто не беспокоил, как вы понимаете. Кроме того, я активно помахиваю им ногой из окна – жест, не оставляющий сомнений. Нью-Йорк – город очень дисциплинированных водителей. Вы заметили? Нас исправно объезжают. А полицейский... Ну, во-первых, я очень тяжелый, вы это почувствовали. Чтобы свободно действовать ногой и нажать на газ, вам придется меня приподнимать. А это не так просто. Значит – поездка отменяется, скорее всего. Но главное-то не в этом!

Бет почувствовала, что начинает выходить из себя. Если положение не пугает и не становится смешным, оно немедленно начинает раздражать. А ее раздражение окончательно отделило в сторону нежелание усугублять нелепость происходящего.

– Какого черта вам от меня надо?! Убирайтесь! Я буду звать на помощь, если вы не уберетесь с моих колен и из моей машины!

– О, мадам, подумайте, прежде чем кричать, послушайте моего совета. Я ведь могу быть вооружен, например. И представляете, что начнется, если вы позовете на помощь? Зачем вам становится заложницей? Ну что за радость поднимать крик по любому поводу? А если я не только вооружен, но еще и психически ненормален? Сошел с ума от нервного напряжения на ответственной работе? И сейчас кинулся к вам в машину, признав в вас давно умершую мать? Непроизвольно ища защиты от навалившегося на меня сурового мира?

Но ни в его простоватом лице, ни в ярко-синих глазах не читалось ни сумасшествия, ни по-настоящему серьезной угрозы. Бет видела это. В то же время, шутка была слишком наглой, намеренно наглой, и Бет подумала, что вызвана она или болезнью, или действительно безнадежностью, или...

– Что вам от меня нужно, ну что? – почти простонала она, – Говорите же! И слезьте, наконец, с моих колен, мне больно.

– А-а, вот это другое дело, мадам. Совсем другое. В беде, в отчаянии всегда приятно натолкнуться на отзывчивого человека. Но с колен я, к сожалению, слезть не могу. Стоит мне это сделать, как вы неразумно исполните свою угрозу и отвезете меня в полицию или просто убежите. Где я тогда буду вас искать? Нет уж, придется вам потерпеть. А сейчас – небольшой трюк. Я слегка приподнимаюсь, а вы аккуратно снимаете ногу с педали тормоза и нежно – но, прошу вас, мадам, очень нежно – нажимаете на акселератор. Учтите, что мне крайне неудобно крутить руль, сидя боком. Вот так. Замечательно. Только не давите сильно на газ. Тогда вся история из замечательного, неожиданного приключения может обернуться трагедией. Вы же понимаете.

Вот теперь было самое время паниковать. Ее, кажется, похищали. И все равно, сидящий в ее машине похититель настолько не вязался с образом злодея и маньяка... Хотя бы потому, что сидел у нее на коленях! Господи, какая глупость! Он не был вооружен, не хватал ее за горло руками в жутких перчатках. Он даже не прижимался к ее груди, как грозил. Только больно упирался копчиком ей в бедро. Когда машина аккуратно тронулась с места, ее вдруг охватила какая-то фальшивая вялость. Происходящее не совсем напоминало ее фантазию. Ту самую. Не похоже было, чтобы ее собирались насилловать. К счастью! Увы! Но вялость была все-таки не настоящей. Или ей так казалось?

«Вольво» начала делать правый поворот. Но не на сорок первую улицу, как она было подумала, а чуть правее, на ведущий куда-то в недра Автобусной Станции пандус. Машина завихляла по узкой асфальтовой полосе, и Бет испугалась, что вот-вот они зацепят крылом высокий бетонный бортик. Но тут же одернула себя. О чем она думает! Сейчас ее завезут в полутемные лабиринты, со спешащими мимо равнодушными автобусами, в этот мрачный многослойный пирог, прошитый стальными клепанными перекрестьями арматуры. Где-то там, в залах, где толпятся пассажиры, может быть, светло и уютно, но здесь, в вознесенном на несколько этажей автобусном подземелье, где воздух старательно пережеван мощными двигателями, а редкие фонари только обозначают стены...

И все равно, страшно ей почему-то не было. Даже боль, причиняемая его задницей, была какой-то смешной и несерьезной, как и сама поза похитителя, все еще помахивающего ногами в открытом окне. Бред какой-то! Бет поймала себя на том, что ей становится интересно: что же, черт возьми, будет дальше? Какая-то цель-то у этого психа должна быть ... Она представила, как это смотрится со стороны: элегантная «Вольво» с элегантной бизнес-леди и с не менее элегантным мужиком у нее на коленях, заезжающая в сумерки вокзального коридора. Случись что, в полиции ей долго придется объяснять, что она не соучастница, а несчастная жертва. Ну вот, конечно – она совсем не чувствует себя жертвой!

– Еще чуть-чуть, мадам, и мы приедем. Немного терпения. Если это вас утешит, могу сказать, что ноги затекли не только у вас, но и у меня. В общем-то, поза для влюбленных странноватая, а для младенца, приникшего к матери, я все-таки великоват. Сочувствую женщинам: колени – не самое удобное место для любовного воркования. Ну вот, мы и приехали. Здесь отвратительно пахнет выхлопами, поэтому давайте сделаем так: я слезу с ваших колен на сиденье, и мы закроем окно. От этого запаха у меня начинает болеть голова. Только помните, что я вам говорил: не разрушайте милое, но нестойкое взаимопонимание. Иначе нам будет трудно.

В кривом и совсем темном отростке коридора «Вольво» остановилась, уткнувшись носом в стену. Ну вот, подумала Бет, сейчас и доиграюсь. Самое место для грабежа и насилия. Но подумала об этом не всерьез, как будто у нее была возможность сейчас же, по желанию, проснуться и оказаться у себя дома, в теплой и унылой супружеской постели. Что это со мной? Изрядно отсиженная правая нога противно заныла, когда непонятный шутник разместился на правом сидении, едва не задев ее начищенной туфлей.

– Теперь совсем хорошо. Только поднимите все-таки стекло и заглушите двигатель.

Неожиданно по глазам ударил яркий свет: в темной стене открылась дверь. Бет зажмурилась и успела разочарованно подумать, что вот и все: служащий автобусной станции наверняка погонит их отсюда, и ей придется или выскакать из машины, или...

И действительно, к еще открытому окну склонился человек в униформе. Он внимательно посмотрел на Бет, потом на ее спутника и улыбнулся.

– Ты, как всегда, опаздываешь, Джерри! Жаль, что я не твой начальник: у меня бы ты не смог выкрутиться, рассказывая свои жуткие истории, над которыми уже смеется весь отдел. Не понимаю, как тебя до сих пор терпит Кокс. Или снова будешь разыгрывать дубль-сюжет «Маленькая тетушка увидела большую мышку»?

– Милый Роджер, – ответил развалившийся на сидении похититель, улыбаясь и глядя прямо перед собой, – потому-то ты и не мой начальник, как это ни печально для тебя звучит. И потому мистер Кокс – большой человек и руководитель, что может на слух отличить дубль-сюжет от ситуации «три-четыре». Но мне все равно приятно, дорогой мой, что ты, как всегда, вовремя и можешь наслаждаться этим восхитительным воздухом на своем посту.

Бет заметила, что этот Джерри говорил сейчас тем же насмешливо-проникновенным голосом, каким он очаровывал ее, влезая в машину. Но что же происходит? Она не успела ни додумать, ни сформулировать вопрос, как Джерри перегнулся через нее и надавил на кнопку, поднимающую стекло. При этом он умудрился оказаться лицом к лицу с Бет. Она откинула голову, но недостаточно далеко: мешал подголовник. Джерри комично-печально приподнял брови и округлил глаза:

– Вот так, мадам. Уверяю вас, что крем для лица, которым вы пользуетесь, может и разглаживает морщины, но совершенно не подходит вам по запаху.

Нахал и сволочь, – хотела ответить ему в тон Бет, но не успела, потому что он откинулся на сидение, приоткрыл правую дверь и сказал:

– Но, тем не менее, спасибо вам, мадам, от всей моей скучающей и замученной души. Спасибо, что подвезли безнадежно опаздывающего маленького клерка и спасли его тем самым от почти неминуемого увольнения. А уж тогда мне бы не оставалось ничего другого, кроме как прильнуть к вашей груди в поисках защиты от унылой реальности. Ну и, кроме того, мне было уютно на ваших коленях.

Он рассмеялся и, быстро выскочив из машины, скрылся в темноте. Бет почувствовала себя маленькой и оскорбленной. Тошнотворная, как запах проникающих в салон выхлопов, мысль, что ее так несерьезно, так глупо провели, билась в лоб, как волна в бетон, оставляя брызги в уголках глаз. Она, взрослая женщина попала на дурацкий розыгрыш! Этому идиоту просто не хотелось тратить время на то, чтобы обойти здание вокзала и подняться к себе в офис на лифте! А она-то вообразила, что заинтересовала его как женщина... Тьфу! Сама она идиотка! Ну и что теперь?..

Сейчас пригодилась бы сигарета, но она, под давлением Джорджа, уже лет пять как бросила курить. Джордж... Да, он бы и не попал в такую ситуацию. Трудно представить себе этого молодого Джерри, залезающим к Джорджу на колени. Ох, честное слово, лучше бы уж ее изнасиловали! То есть, конечно, не лучше, но... Да ладно, надо выбираться отсюда, ехать на работу и забыть к черту это недоразумение, стереть из памяти, как уже стиралось многое глупое и неприятное, как... ну, как первая ночь с Джорджем, например. Милый Джордж! Чем лучше она находит себя в зеркале по утрам, чем аппетитней выглядит то, что она рассматривает, тем больше раздражения вызывает мысль о милом Джордже! А что вы хотите, – обратилась она к своему всегдашнему невидимому, как публика в темном зале, но так же очевидно присутствующему собеседнику, – да, я уже не совсем молодая женщина, никаких авантюрных приключений в моей жизни не было совсем, а она, жизнь, проходит... Вряд ли, все-таки, этот Джерри влез бы в машину к старушке. Господи, о чем она думает! Почему дурная шутка так вывела ее из равновесия, а, главное, почему она негодует не на похитившего ее идиота, а на себя, на Джорджа, на свою жизнь?! Славную и довольно беспечную, если не замечать мелочей. А зачем их замечать? Или... как это сказал, тот, другой? Маленькая тетушка увидела большую мышку?

Бет еще немного посидела, уставившись в темноту перед собой, постепенно возвращая себе образ здравомыслящей элегантной деловой женщины, глядящей на все с привычного расстояния защищенной уверенности. Потом завела машину, включила фары и стала осторожно подавать машину назад из темного тупичка. Осторожно, потому, что по большому коридору может ехать ничего не подозревающий автобус. Только аварии ей сейчас и не хватало.

Она дисциплинированно повернула голову назад, положив руку на правое сидение. Стоп! Приближался звук мощного двигателя. Через секунду она увидела белосинюю тушу автобуса. Еще секунда – и он проедет. Но к ворчанию мотора прибавился гидравлический посвист тормозов. Автобус остановился, перегораживая дорогу. Бет подождала. Ну сколько времени может стоять автобус на выезде из станции? Пару минут. Общаться с водителем ей сейчас совсем не хотелось. Хотелось быстро уехать отсюда. Чем быстрее уедет, тем быстрее забудет.

Но автобус не торопился. Она услышала лязг распахиваемой двери и оживленные голоса. Много голосов. Из автобуса выходили люди. Отменился из-за поломки рейс? Похоже. В приближающихся голосах слышалось недовольство и раздражение. Бет потеряла все еще ноющее бедро и открыла дверь. Все же придется попросить водителя хоть немного подвинуть автобус.

Она уже почти вылезла из машины, когда в ее тупичок свернули первые пассажиры неудавшегося рейса. Еще не понимая, что происходит, она продолжала, по инерции, движение. Это была галлюцинация, искаженное злой неизвестной болезнью воображение! Все что угодно, но не реальность! Бет застыла на секунду, судорожно вцепившись в ручку, а потом ринулась обратно в машину, потеряв туфлю и зачем-то закрывая замки на всех дверях.

А пассажиры загордившего ей дорогу автобуса, огибая ее машину, уже входили в снова открывшуюся в темной стене дверь. Очевидно, все они были знакомы между собой, потому что Бет видела, как один парень хлопнул другого по плечу и что-то сказал, оборачиваясь назад, а две дамы приблизительно ее возраста, склонив друг к другу головы, явно сплетничали о ком-то из присутствующих с ядовито-умиротворенным видом. Шедшая за ними пара постарше споткнулась о потерянную Бет туфлю. Мужчина поднял находку и с улыбкой передал своей спутнице. Та рассмеялась, что-то сказала и легкомысленно отбросила туфлю куда-то в темноту, за машину. Как движущиеся мишени в тире, эти люди появлялись в квадрате света, превращались для Бет в темные силуэты в дверном проеме и исчезали где-то внутри.

Бет показалось, что их много, очень много. Больше, чем может вместить автобус. На секунду ей даже представилось, что они просто ходят по кругу, возвращаясь к автобусу откуда-то с другой стороны. И снова исчезают. Вот, кажется, снова появились сплетницы, а пара постарше, чуть поотстав, теперь держалась за руки, и женщина, улыбнувшись, помахала кому-то. Уж не Бет ли?

В запертой машине стало нечем дышать. Бет чувствовала, как, размывая макияж, по лицу течет пот. С простотой и небрежностью древних греков мимо нее шли обнаженные люди. Которые вели себя буднично и спокойно, как одетые. И лица – осмысленные и разные – никак не позволяли принять их за наркоманов, сексуальных маньяков, больных из лечебницы. А они все шли и шли, по кругу, не кончаясь. Или ей так только казалось?

Это было невыносимо: череда буднично движущихся голых людей, мелькающих в световом пятне, полное отсутствие воздуха в салоне... Бет даже не могла закричать. Тогда она положила обе руки на руль и изо всех сил надавила на прохладные клавиши с изображением горнов. Жутко и неузнаваемо в гулком помещении взревел клаксон. Она опустила голову на дрожащие руки и заплакала, окончательно уничтожая остатки краски на бескровном лице.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Она совершенно не понимала, как оказалась на улице. Точно так же, как не могла понять, что же именно довело ее до истерики. То, что она увидела, можно было объяснить тысячей различных причин. Ну, может быть, не тысячей, но уж... Это могли

быть съемки фильма, например, или... И, главное, этот идиот как угадал привезти ее туда именно в тот момент, когда они, эти люди, приехали. А, может быть, он специально затащил ее на автобусную станцию, чтобы...

Бет не хотелось признаваться себе, что она просто испугалась. И именно потому, что-объяснение-то можно было найти любое, да только это было бы ее объяснением, не более. А так страшно как там – она снова обратилась к своей неизменной воображаемой аудитории – ей, кажется, еще никогда в жизни не было. Эти обнаженные фигуры, мужские и женские, всплывающие в световое пятно двери, видные со всеми, присутствующими реальным людям, анатомическими деталями и недостатками... И от этого жуткие и нереальные. Бет почувствовала, как покрывается пупырышками кожа на руках. Бред, отвратительный бред!

Мыльный пузырь недавно пережитого неожиданно лопнул, и Бет обнаружила, что стоит, упершись бессмысленным взглядом в витрину какого-то магазинчика. Она огляделась: угол сорок второй улицы и десятой авеню. Это означало, что в панике, оставив машину, она выбежала из Автобусной Станции и проковыляла в одной туфле целый квартал. Опомившись, она снова взглянула в витрину, и серое запыленное стекло отразило ее нелепый вид – размазанное ужасом лицо, полускиннутый с плеч пиджак, перекошенную юбку. Босую ногу жгло холодом осеннего асфальта, и ее пришлось поставить на другую, обутую. Что теперь делать? Куда она в таком виде?!

Мимо безразлично и торопливо шли люди. Ко всему привыкшая нью-йоркская толпа старательно обтекала Бет, и только редкие, короткие, как булавоочный укол, взгляды говорили, что ее видят, но стараются держать дистанцию, отстраниться, как отстраняются от пьяной попрошайки. Ей захотелось куда-нибудь спрятаться. Какой ужас! Нет-нет, надо взять себя в руки! И черт с ними, с прохожими! Не объяснять же каждому... Вот и славно, что, не глядяываясь, проходят мимо. Не хватало еще встретить знакомых!

Внутренняя решимость, бесстрашная гордость, подло покинувшая ее в темном тупике Станции, вернулась обратно; Бет выпрямилась, подняла голову и... Наплевать на толпу, на мерзнущую ногу и дурацкий вид. Только вот, куда идти? Появиться на работе совершенно невозможно. Домой? Тут уж никакая гордость и решимость не помогла бы: она оставила сумочку в машине! Со всем содержимым, а главное – с кошельком и мобильным телефоном...

– Вероятно вам нужна помощь, – голос прозвучал совсем рядом, сочувственно, но по-деловому.

Ну вот и полиция, подумала Бет, оборачиваясь. Но это была не полиция. Одного роста с ней, пожилой, но молодежавый мужчина, с густыми седыми волосами, в странной вязанной кофте. Для джентльмена, пожалуй, простоват. Так, милый старичок-пенсионер, вышедший на прогулку за утренними газетами и ощущением городской суеты. Но сегодня с нее достаточно новых знакомств! Ей, похоже, нужно дойти до первого же полицейского...

На пенсионера не произвела никакого впечатления ее гордо вскинутая голова, он только понимающе улыбнулся, сделал шаг вперед и полез рукой в нагрудный карман. Ну вот, будет вполне закономерно, если простодушные старички сейчас станут давать ей деньги. Интересно, во сколько он оценивает ее бедственное положение? Машинально она взглянула на вынырнувшую из кармана руку. И действительно – бумажник. Тьфу ты!

Но милый старичок не торопился вынимать деньги. Рука с бумажником так и застыла на уровне груди.

– Вы неправильно меня поняли, милая. Я не собираюсь помогать вам э-э... материально. По вашему лицу видно, что вы попали в какую-то неприятность. Хотя, судя по тому, как вы гордо поводите плечами, неприятность не такая уж большая. Вот я и подумал, что могу вам помочь. Представьте: вы сейчас отправитесь в полицейский участок – без документов, в одной туфле. Поверьте, вас ждет множество неприятных процедур и объяснений. И лишь после всего этого за вами приедет ваш муж. Зачем это вам? Я живу вот в том доме. Пойдемте, я напою вас кофе и, возможно, найду что-нибудь из обуви. Вы спокойно позвоните мужу и на работу. И, если вам так уж захочется, в полицию.

Какой, однако, похотливый народец эти пенсионеры, – иронически подумала Бет, – так она и пойдет к нему домой. Как же! Она могла оказаться полной дурой с молодым и наглым мерзавцем. Но озабоченный дедок... Это слишком даже для сегодняшнего безумного дня. Впрочем, у дедка было вполне осмысленное, не искаженное похотью и даже интеллигентное лицо. Но, как бы там ни было... Она уже собралась опустить босую ногу на асфальт и двинуться назад, к Автобусной Станции, в полицию, но старичок схватил ее за рукав. Ну, это уже слишком!

Бет не успела громко возмутиться, вознаграждая себя за пережитые унижения, потому что дедок как почувствовал – тут же одернул руку, но зато распахнул бумажник.

– Неужели я так похож на старого дурака? – с укоризной произнес он. – Ведь только дурак стал бы предлагать в наше время женщине, подобной вам... Вот, взгляните.

Он протянул ей раскрытый бумажник. В прозрачном пластиковом кармашке Бет увидела карточку наподобие водительских прав, только в центре по незнакомому гербу шли крупные буквы – ФБР. Такой же герб с буквами отблескивал золотом с крупного значка, прикрепленного рядом с удостоверением.

– Позвольте представиться – вы ведь вряд ли разобрали фамилию на удостоверении – Дуглас Маккон. В настоящий момент почти на пенсии, но все еще, как видите, на посту. И я действительно живу в этом доме, и с удовольствием помогу вам прийти в себя. В конце концов, это моя профессия – помогать людям. Или вы все еще подозреваете во мне старого похабника, ради удовольствия решившегося на подделку государственных документов?

ФБР – подумала Бет, – может быть даже лучше, чем полиция. Она представила себе этих чиновников в форме, казенную обстановку полицейского участка... Но все же чуточку кокетливо спросила:

– А вы помогаете людям только женского пола?

Маккон рассмеялся, спрятал бумажник и галантно предложил ей руку.

– Пойдемте, пойдемте. Ваши подозрения хоть и льстят мне, но заставляют вас лишнее время стоять без обуви на холодном тротуаре. А женщинам, насколько мне известно, переохлаждение особенно противопоказано.

Пока они переходили улицу, он тактично не расспрашивал Бет ни о чем. Ну и вид у меня сейчас – подумала она, когда они подошли к входной двери и швейцар кинулся к ним, с участием спрашивая, не может ли он чем помочь, – наверное я похожа на жертву автомобильной катастрофы...

Они вознеслись в лифте на двадцать какой-то (Бет не обратила внимание) этаж и остановились у дверей его квартиры; Маккон неопределенно хмыкнул и попросил извинить его за некоторый холостяцкий беспорядок. Жена умерла несколько лет назад,

так что... Бет сочувственно кивнула и подумала вдруг, что может она зря соблазнилась горячим кофе. Но дверь уже распахнулась, и в прихожей на нее тотчас же налетела маленькая лохматая собачка, подскочила на задних лапах, коротко лизнула руку и кинулась к хозяину.

– Познакомьтесь, – сказал Маккон присаживаясь и подставляя собаке лицо, – это Тони, глупейший йоркширский терьер, но замечательный друг. Вы, надеюсь, не боитесь собак?

И тут же, спохватившись, повел ее в комнату с огромным, во всю стену, окном. Бет скинула мешавшую ей туфлю и уселась в уютное кресло. Далеко внизу она увидела плоскую крышу Автобусной Станции и нервно рассмеялась. Лохматый Тони беззастенчиво вспрыгнул к ней на колени, внимательно и печально взглянул в глаза, лизнул подбородок и стал смотреть в окно.

– Я тоже люблю этот вид, – неожиданно раздался голос Маккона. Он стоял за ее спиной с дымящейся кружкой. Бет повернулась в кресле и Тони, недовольно гавкнув, спрыгнул на пол.

– Вот ваш кофе, оглядитесь, успокойтесь и, если у вас появится такое желание, расскажите, что с вами случилось.

Маккон уселся на небольшой диван напротив Бет и деликатно, бросив на нее короткий взгляд, стал разглядывать серое небо и унылые пейзажи далекой гавани. Бет послушно посмотрела по сторонам. Довольно уютно. Одну стену закрывали стеллажи с книгами, но не теми, что валялись у нее в ящиках в подвале – в пестрых как бабочки обложках и живущих, как бабочки, один день. Академические издания, солидные переплеты... Кожаные, как крокодилы, книги– долгожители. На другой стене – ковер. Надо же, Бет всегда думала, что ковры на стенах висят только в музеях. Да, уютно, но как-то... официально что ли? Из-за отсутствия женщины этот пенсионер-педант навел здесь какой-то нежилой порядок.

Она натолкнулась взглядом на телефон в дальнем углу, у двери, и быстренько подобралась: нужно сейчас же позвонить, хотя бы на работу. Еще не было случая, чтобы она вот так безбожно опаздывала или исчезала, не позвонив боссу. Бет уже привстала в кресле, но Маккон, угадав ее желание, достал откуда-то из-за спины еще одну телефонную трубку и протянул ей. Она поставила кружку с горячим кофе на пол около кресла, занесла руку над телефонной клавиатурой... И вдруг поняла, что не может сейчас никуда звонить. Тот безразлично-веселый тон, которым, по ее мнению, следовало что-то соврать, никак не вязался с ее состоянием, да и сидящий напротив Маккон сбивал необходимое для вранья вдохновение. А он снова угадал ее мысли и успокоительно сказал:

– Знаете, в звонке наверняка нет никакой срочности. Не торопитесь. Ваше начальство проживет в неведении еще немного. А вы за это время придете в себя.

– Я просто не знаю, что им сказать, – честно призналась Бет. – Если правду, то они скорее всего решат, что я сошла с ума... Да я и сама это подозреваю.

– Ну, если так, – Маккон откинулся на спинку дивана, устраиваясь поудобнее, – то может быть вы расскажете обо всем мне. Ведь если я вам не поверю, то что ж... Незнакомый человек, который даже не знает вашего имени...

Маккон сделал ловкую паузу; она, смутившись как девчонка, представилась, попросив называть ее «Бет» – так она привыкла – и замолкла. Может он прав, и следует все ему рассказать. К тому же, ее машина осталась там, на Автобусной Станции. Машину нужно забрать. Сама она туда уже ни за что не сунется, но может быть он,

работник ФБР, как-то попросит полицию или... Она посмотрела на Маккона: он улыбался.

– Давайте я вам помогу, Бет. В Нью-Йорке каждый день, ну или почти каждый, случается много такого, что... ну, скажем, во что трудно поверить. И далеко не все происшествия становятся достоянием не только прессы или телевидения, но иногда даже полиции. На то есть свои причины. Это я говорю к тому, что не сочту вас сумасшедшей из-за вашей истории. И потом: я видел, уж извините, как вы бежали от Автобусной Станции по пандусу, где вообще и ходить-то опасно. Значит, что-то случилось там, внутри. Верно? Честно говоря, именно это и заставило меня подойти к вам на улице. Несмотря на пенсионный возраст, я по-прежнему любопытен.

– А вы... вы все еще работаете в ФБР? Или...

– Ну, в каком-то смысле, работаю, конечно. Это долго объяснять. Но, если вас волнует мой статус, то – да, и удостоверение настоящее, и... Некоторым образом вы сейчас находитесь не только в моей квартире, но и в моем рабочем кабинете. И, кстати, могу приоткрыть небольшую служебную тайну: сейчас я занимаюсь очень любопытным делом. Даже мистическим каким-то. В понедельник во всем Манхэттене, а затем и в Бруклине, пропали доставщики заказов из китайских ресторанов. Выехали с заказами по адресам и... Полиция только руками разводит. Кому понадобились эти несчастные люди? Причем все как один. Ну вот, дело и досталось мне.

Маккон замолчал, предоставляя Бет судить о странности рассказанного. Потом сделал рукой округлый приглашающий жест, показывая, что он – само внимание. Глупый йоркширский терьер вспрыгнул теперь на колени к нему и уютно улегся, изредка поглядывая на Бет и как бы тоже приготовившись внимательно слушать.

От горячего кофе, удобного кресла и доброго отношения Бет расслабилась и почувствовала, что вполне в состоянии рассказать свою историю. Она начала говорить, готовая, тем не менее, остановиться и вспыхнуть, если Маккон рассмеется. Потихоньку она увлеклась и даже забыла, что перед ней не ее обычная воображаемая аудитория, а реальный и почти незнакомый человек.

– Да, – неопределенно сказал Маккон, когда она закончила, – все это и в самом деле отдает дурацкой мистификацией. Но, насколько я понимаю, сейчас самое главное – забрать оттуда машину и, по возможности, забыть об этом происшествии. Вы ведь вряд ли захотите разбираться с теми шутниками. Верно? Тем более, что в полиции вам скорее всего не поверят. А если и поверят, то ничего существенного сделать не смогут. Ну, пошутили с вами, так ведь не украли ничего. Да и вас не тронули... В общем, никакого криминала. А с машиной я вам помогу. Это ерунда. Прямо сейчас пойду туда и пригоню машину к дому. А вы оставайтесь, располагайтесь как вам удобно и ждите. Постараюсь найти даже вашу туфлю.

Он бодро поднялся, предварительно любовно переложив собаку на диван, поощрительно улыбнулся Бет и вышел из комнаты. Она услышала, как щелкнул дверной замок. Бет вздохнула, поудобнее устроилась в кресле и взяла кружку с кофе. С дивана за ней наблюдал лохматый Тони. Ее охватило дремотное безразличие. В комнате было тепло и тихо, подниматься из кресла, даже для того, чтобы позвонить, не хотелось. Позвонить... ну хотя бы Джорджу. Несчастный Джордж! Она совсем забыла о нем! Может быть оттого, что все это дурацкое и ужасное происшествие настолько выбивалось из ее жизни, существовало в каком-то параллельном мире. Даже и сейчас, сидя в гостях у совершенно незнакомого, хотя и милого, человека, она еще не совсем

вернулась к своему обычному состоянию. И – странно – делать это почему-то не очень хотелось.

Возвращение означало немедленные звонки – и на работу, и, наверное, перепуганному Джорджу. Обычно они перезванивались к моменту ее прибытия в офис. Ничего особенного, так – устоявшаяся привычка, как и утренний чмок в щеку. Ей всегда казалось, что Джорджу тягостен этот обязательный звонок: он всегда торопился закончить разговор, что-то мычал в трубку, даже если звонил сам. Бет представляла, как он с облегчением захлопывает свой мобильник; захлопывает, как надоевший учебник в конце года. Может быть, – подумала Бет, – ему просто нечего ей сказать? В общем-то, в их размеренной жизни с некоторых пор не происходило ничего, что могло бы служить предметом для разговора. Даже когда Джордж оказался без работы и очень переживал. Но Бет его не слишком жалела. Подумаешь, работа! Их сбережений было в принципе достаточно, чтобы они оба могли несколько лет ничего не делать. Джордж же демонстративно нервничал и даже не спал, кажется, несколько ночей. А когда работа нашлась, и лучше прежней, быстро вернулся в свое обычное состояние неунывающего трудоголика. Нечего иронизировать! – перебила себя Бет. – Ты и сама с удовольствием сбегаешь из дома.

Мысли, казалось, потекли по своему привычному руслу, привычно же обтекая коряги неприятностей. Но Бет вытянула ноги и увидела безнадежно порванный чулок на левой ноге. Она сбилась, внимательно оглядела повреждение – чулки надо выбросить конечно, но пока придется обойтись; педикюр, тем не менее, вполне прилично выглядит. Ладно, пора собраться с духом, сообразить, что именно объяснять Джорджу (босс и в самом деле может подождать) и – звонить, говорить, делать... Неожиданно ей захотелось в туалет. Не совсем удобно в отсутствие хозяина бродить по квартире в поисках туалета, но, с другой стороны...

Бет резко поднялась, испугав задремавшего Тони, и решительно пошла по теплому паркету в прихожую. Слева – вход в кухню, необычно для одинокого пенсионера чистую, безжизненную какую-то. А справа, наверное, туалет. Она открыла дверь и увидела довольно большую комнату. Но не спальню, как ей вначале подумалось. Внутри было значительно светлее, чем в гостиной – две стены были целиком стеклянными. В центре стоял стол с включенным компьютером, а в углу Бет заметила странное сооружение, что-то вроде телескопа, только его толстый и длинный объектив опирался не на треногу, а был подвешен к потолку при помощи каких-то сложных креплений, позволяющих передвигать телескоп вдоль стен.

Да-а, – негромко сказала себе Бет, – а старичок-то и вправду работает в ФБР. Она помедлила, но все-таки подошла поближе и оглянулась на дверь. На нее укоризненно смотрел увязавшийся за ней пес.

– Я всего-навсего ищу, где здесь у вас туалет, Тони, – она помахала перед собой руками, то ли отгоняя, то ли подзывая собаку, – ну и любопытно же посмотреть, за кем наблюдает твой хозяин.

Бет взялась за ручки похожего на перископ окуляра, приблизила глаза и тут же почти отпрянула назад. Она и сама не ожидала от себя такой прыти, но в окуляре прямо перед ней возникла рука, держащая карандаш, и угол компьютерной клавиатуры. И хотя она почти сразу сообразила, что обладатель этой самой руки находится в лучшем случае, в доме через улицу, эффект присутствия был совершенно необычный. Бет даже заглянула в маслянистую линзу объектива. Потом посмотрела в окно. Судя по направлению объектива, она подглядывала за чиновником в высоком здании милях в

двух, наискосок через весь Манхеттен. Неплохо! Она еще раз взглянула в окуляр, попыталась сдвинуть телескоп чуть в сторону, но у нее почему-то не получилось. М-да, любопытно! А старичок-фэбээровец наверняка не всегда использовал рабочую технику по назначению. Бет хихикнула. Ну еще бы! Кто бы на его месте удержался? Как хорошо, что они с Джорджем живут в собственном доме, отгороженные от любопытных глаз живой изгородью. Она представила некоторые сценки из своей домашней жизни и рассмеялась погромче.

В какой именно момент к ее смеху присоединился странный повизгивающий и побрякивающий звук, Бет не поняла. Но от неожиданности покачнулась, почувствовав, что вот-вот описается, но кое-как сдержалась и повернулась к двери, откуда, по ее ощущениям, шел звук. В приоткрытых дверях стоял пес Тони, наклонив большую голову и приоткрыв пасть.

– Ты что, – громко спросила собаку Бет, отгоняя от себя испуг, – и смеяться умеешь? И вместе с хозяином работаешь в ФБР?

Тони испуганно попятился, а испугавший ее смех раздался снова, только шел он из угла, правее двери, куда Бет, увлеченная телескопом, вначале и не взглянула. Она резко повернула голову и... теперь уж удержаться не было никакой возможности – она с ужасом обнаружила, что с нее потекло на пол. В углу, в кресле сидел человек.

Это немного позже, когда лиловые мухи испуга растаяли, она разглядела и инвалидное кресло, и высокую худую шею, замотанную шарфом, и старческие руки на подлокотниках. А вначале ей показалось, что кошмар, начавшийся сегодня утром в мрачном коридоре Автобусной станции, увязался за ней и продолжается в этой тихой уютной квартире. Прямо перед ней, в кресле на колесиках, сидел древний старик, скорее всего папа Маккона, а она... Она стояла в собственной луже, запоздало сжав колени и расставив ступни.

– Даг, как всегда, позабыл сказать, что у него существует отец. Пока существует. И, как всегда, Даг приводит в дом любопытных женщин. Напомните мне – вы уже сюда приходили? – старик говорил медленно, неуклюже двигая острым подбородком. Его блеклые глаза смотрели куда-то вверх.

Бет замотала головой: отвечать было не по силам. Она чувствовала себя совсем маленькой и растерянной. Маленькой девочкой, описавшейся в чужом доме. Старик неторопливо сконцентрировал взгляд на ее фигуре, опустил глаза вниз и чуть ухмыльнулся.

– Не волнуйтесь, мэм. Со мной это тоже случается. Теперь Даг надевает на меня специальные... э-э... как это называется? От них у меня появляются опрелости. Он говорит, что и я на него в детстве тоже их надевал. Но это неправда! В его детстве таких гадостей не было, я-то это помню! А он каждый раз спорит со мной. Он вообще много спорит.

Старик продолжал что-то говорить, но понемногу приходящая в себя Бет не слушала его. Она неловко отодвинулась от лужи и стала лихорадочно соображать, чем ее можно было бы вытереть до прихода Маккона. На кухне должны быть бумажные полотенца! Она метнулась за дверь, ворвалась в нежилую, не пахнущую едой кухню и сразу же обнаружила рулон бумажных полотенец, стоявший на столе. Бет схватила его и бросилась обратно, спиной предчувствуя холодный лязг поворачивающегося в замке ключа. Судорожно оторвав от рулона длинную полосу она уже склонилась над лужей...

– Нет! – неожиданно быстро выкрикнул старик, – нет, не трогайте! А то я буду кричать! Пусть! Пусть Даг знает! Я скажу ему, что это я. Тогда он уже не будет надевать на меня... Я мужчина, а не ребенок! Я еще нравлюсь женщинам, а он... Я буду кричать!

Маразматика вряд ли стоило слушать: каждую секунду может вернуться Маккон. А такого унижения она не переживет! Но, стоило ей двинуть рукой с комком полотенец, как старик закричал. Да нет, это был не крик. Почти так же визжала когда-то ее школьная подруга. Настолько тонко и пронзительно, что возможные обидчики отступали, не в силах вынести бывший в перепонки, сгустившийся до твердости гвоздя, звук. Только здесь было еще страшнее и хуже, потому что издавал этот звук древний сумасшедший старик. Лицо его пошло пятнами, кадык дергался.

Бет казалось, что кричит он бесконечно долго. Не могло же быть столько сил у еле живого старого человека! Но, когда он наконец замолчал, то совсем не выглядел усталым, наоборот. И лицо его, несмотря на не сошедшие пятна, было хитровато-торжествующим. А она даже не может убежать из этого дома: ее машина, документы... Но что, если старик все-таки уже выдохся? Она чуть шевельнула рукой.

– Говорю еще раз: не трогайте, Даг должен понять. Или я опять закричу. Никто никогда не верит, что я могу. Даже Даг. И я очень внимательно слежу за вами. Оставьте это и, лучше всего, уходите отсюда. Это дело семейное. Да! Или вы уже член семьи? Даг и об этом мог мне не сказать. Но он еще пожалеет!

Бет не знала, что ей делать. Вернуться в кресло и встретить Маккона так, как будто ничего не произошло? А потом быстро уйти и пусть уж он обнаруживает лужу после ее ухода. А чья она, эта лужа... Вот и собака здесь крутится... Нет-нет, она, черт возьми, взрослая женщина, что за глупости!

Бет искоса посмотрела на маразматика в кресле – он довольно улыбался, похлопывая сморщенной плоской ладонью по подлокотнику. Ну и ладно! Она бросила скомканную бумагу на пол и решительно двинулась к двери. Если будет нужно, она объяснит все Маккону. Противно и нелепо, конечно, да что поделаешь.

– Куда вы, милая, – вдруг подал голос старик, – я передумал, я вас не отпущу. Никуда не уходите, слышите! Это что же, испоганили мне пол и убегаете? А Даг потом будет говорить, что я впал в детство? Нет, не получится! За содеянное будете отвечать, как положено. Не двигайтесь, я сказал! А то буду снова кричать. И могу умереть от этого, да!

Старик беспокойно задвигался в кресле и захихикал. Тусклые, как бы полустертые глаза снова сконцентрировались на замершей Бет. Глупо, смешно, отвратительно! Но Бет почувствовала, что почему-то этот ужасный выживший из ума человек обладает неоспоримым правом приказывать. Да что же это такое? Наверное, она просто выбита из колеи...

– Я, голубушка, высаживался в Нормандии, потом был в Корее. Мне подчинялась не одна сотня людей, которых я посылал на смерть. И они шли... И не только потому, что я был их командиром. В бою разное случается. Тут важна психология... А вы... Это Дагу выгодно считать, что я совсем выжил из ума. Но мы-то с вами понимаем, что и как. Вы, конечно, можете подумать, что я вас шантажирую... Хе! Конечно! Вот именно: я вас шантажирую. М-да, в другое время мы бы и говорили по-другому, а сейчас... Но кое-что вы еще для меня сделать можете, да!

Старик оживился, его голова, поникшая, как позавчерашний цветок, приподнялась, глаза зажглись и неожиданно Бет показалось, что он бодр и крепок, что инвалидное кресло и трясущийся подбородок – не более чем подлое притворство. И еще

она почувствовала, что смотрит он на нее вполне определенным тяжелым мужским взглядом. Ее передернуло. Старик это заметил и уж совсем откровенно расплылся в улыбке.

– Милая, я достаточно опасен, да. Но Даг не подпускает ко мне женщин, и мне приходится онанировать. Этого не было со мной даже в Корее! Полковник Маккон ведет себя как распущенный школьник! А что делать?

Бет почувствовала отвращение. Тут было все сразу: прилипшие к телу чулки, выживший из ума похабник и его никак не возвращающийся скользкий сынок...

– Кроме того, что вы оставили неоспоримый след, что, конечно, выдает вас с головой, вы, милая, еще и не та, за кого себя выдаете, да. Только мой простодушный Даг мог поверить вашим нелепыми сказкам. Но не я! Я ведь все слышал. Но... мы можем договориться. Если вы будете благоразумны. В противном случае... В противном случае...

Что-то случилось: то ли он поперхнулся, то ли ему больше не хватило энергии, но старик слегка дернулся, широко раскрыл рот с яркими фальшивыми зубами и замолчал. Только кадык, вынырнув из-под шарфа, метнулся вверх и медленно спрятался обратно. Бет испугалась. К тому же, в и без того душноватой комнате вдруг так отвратительно запахло, что она, не рассуждая, бросилась к выходу. Оказавшись в прихожей, она совершенно бессознательно, стараясь воздвигнуть между собой и чудовищным стариком с его запахом преграду, захлопнула дверь и услышала, как коротко щелкнул замок.

Бет чувствовала себя так ужасно, что уже собиралась выскочить из квартиры, но, неожиданно, взвизгнула собака и в сумерках прихожей она увидела, что собаку держит на руках неслышно вернувшийся хозяин, прислонившийся к стене рядом с комнатой старика.

– Вы знаете, Бет, – сказал Маккон с трудом удерживая старающегося лизнуть его в губы Тони, – ваша история и действительно очень странная.

Его тон, его поникшая поза и то, что он старательно смотрел на не желающего успокоиться пса, заставили Бет забыть об оставшейся за спиной мерзости. Выглядело это так, словно Маккон собирался сообщить ей о какой-то неприятности. Как если бы кто-то умер.

Маккон опустил собаку на пол и медленно, с неохотой полез в задний карман брюк. Потом поднял глаза и взглянул на Бет так странно, что она бы не удивилась, если бы Маккон достал и навел на нее пистолет. Но он вытащил какую-то бумажку и протянул ее Бет.

– Тут сто долларов, можете не возвращать – деньги не мои, а из специальных фондов для непредвиденных расходов. Такси я уже вызвал. Садитесь в машину и езжайте домой. Придумайте что-нибудь для мужа и начальства, вы же неглупый человек. Все, идите вниз.

– Но я же... – начала было Бет и осеклась. Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы этот любезный и уверенный в себе человек, да еще и работник ФБР, так резко изменил манеры. Бет не решилась спросить о том, что же случилось и куда же девалась ее машина, которую Маккон с такой легкостью пообещал ей пригнать всего каких-нибудь полчаса назад. Она молча взяла у него деньги и, как была, босиком, пошла к двери.

– Да, и еще, – остановил ее голос Маккона, когда она уже шагнула за порог. – Как, вы сказали ваша фамилия? Вильсон? Придумайте себе что-нибудь попроще, ладно?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К моменту, когда Бет попала домой, все происшедшее перестало казаться ей даже дурным сном. Она взяла себя в руки. Только прилипшая телу влажная юбка да вконец изодранные чулки свидетельствовали, что что-то с ней все же случилось. Но, тем не менее, уже в такси, двигаясь по безличным деловым улицам, она почти совсем вернулась в свое обычное состояние. Так что даже не повернула головы, когда снова проезжала мимо Автобусной станции. Пожалуй, теперь она знает, как обо всем этом рассказывать: легко, но с мрачноватым оттенком мистики. Как в детском лагере, в лесу у костра. Страшновато, но понятно ведь, что ерунда, несерьезно, и все смеются и пугают друг друга, чтобы отвлечься и поскорее вернуться к реальным и простым вещам – к костру, близкому ужину и завтрашнему солнечному дню. О машине и странном поведении Маккона она старалась не думать; в рассказе это место следовало просто опустить. В самом крайнем случае она попросит Джорджа, и тот что-нибудь придумает с ее «Вольво». А нет, так машина полностью застрахована. И хотя Бет к ней привыкла, купит себе другую. Только и всего! Вот что значит трезво взглянуть на вещи!

Дома Бет стало совсем хорошо. Она быстро прошла в ванную, скинула прямо на пол ни в чем не повинный пиджак, отвратительную влажную юбку, содрала с себя белье и нырнула под душ.

Только когда она, почувствовав, как морщится распаренная кожа на пальцах, вылезла из-под горячей воды и по привычке взглянула в затуманенное зеркало, размытая голая фигура вызвала тень тревоги. Но она мотнула головой и стала энергично вытираться большим махровым полотенцем, подаренным Джорджем. Кстати, Джордж! Она вышла в гостиную и проверила сообщения на автоответчике. Ни Джордж, ни ее замечательный босс не обеспокоились позвонить домой. Интересно! А если она лежит с высокой температурой? Бет разозлилась. Ну не звонили, так пошли они все!.. А она сейчас возьмет, да и ляжет спать. А что? До возвращения Джорджа осталось еще много времени, и она успеет замечательно выспаться. Раз уж так получилось.

Подниматься на второй этаж, в спальню, не хотелось. Она вообще не любила их огромную – необъятную какую-то – постель, всегда напоминавшую ей раздавленного слона, укрытого пестрым покрывалом. Да и милый, добрый, романтичный Джордж (вот полотенце подарил, например, ко дню Святого Валентина – очень романтично!) был прочно привязан к «дохлому слону» запахами, следами на простыне, идиотской газеткой на тумбочке. Нет уж! Не так часто она остается совсем одна в своем собственном доме! И поэтому позволит себе понежиться на любимом диване, в небольшом закутке, соединяющим гостиную с кухней.

С этим диваном произошла занятная история. Шесть лет назад, когда они только купили дом и заказали в «Симонсе» новую мебель, им, по ошибке, привезли два дивана вместо одного. Честный Джордж целых полгода названивал в «Симонс», прося забрать лишний диван. Но кто-то там не хотел признавать свою ошибку или просто запутался. В общем, нераспакованный диван (ведь его вот-вот заберут) стоял прямо посреди комнаты, мешая ходить, до тех пор, пока Бет не плюнула и, примерившись, не впихнула его в этот самый уголок, под окно в крыше, и уютно улеглась, глядя прямо в небо.

– Тогда, – сказал Джордж подрагивающим голосом, означавшим, что он сердится, но пытается сдержаться, – тогда придется заплатить и за этот ненужный нам диван. А ты ведь знаешь, что мы и так превысили лимит наших расходов!

Бет, не отрывая взгляд от вечернего неба, возразила, что если они в «Симонсе» полгода не побеспокоились, то теперь она вправе считать его своим. Джордж, вышагивая перед Бет и смешно двигая широкими бедрами, долго говорил о порядочности, очень напоминая пастора в англиканской церкви. Но она понимала, что беспокоится он в основном о том, чтобы не было потом неприятностей с магазином. Впрочем, все кончилось как обычно – ничем, и диван остался стоять под выпуклым колпаком окна. Бет полюбила его (теперь это был «ее диван») может быть еще и за чуточку криминальный оттенок связанной с ним истории.

Сейчас Бет, поправив халатик, укрылась до подбородка стареньким пледом, потянулась и посмотрела в низкое небо. Как приятно в такую погоду лежать в сухом тепле! Сухом... Бет, не желая того, вспомнила о дедке Макконе. Фу, гадость! Ладно, подумаю об этом завтра! И рассмеялась: тоже мне, Скарлетт!

...Сквозь дремоту к ней пробилось беспокойство. Беспокойство заползло в уши и шевельнулось в мозгу. Бет вынырнула из полусна оттого, что где-то наверху, в доме, разговаривали. Вернее, она различила только один голос, но, даже не слыша слов, поняла, что собеседников как минимум двое. Конечно же, это были не воры. Вряд ли те произносят длинные монологи на месте преступления. Да Бет и не успела всерьез предположить плохое, потому что узнала голос Джорджа. Он говорил в своей обычной торопливо-неуверенной манере, всегда как будто оправдываясь, всегда на грани то ли истерики, то ли агрессии.

Происходило что-то совершенно невероятное: Джордж вернулся домой значительно раньше времени, да еще и не один. Похоже, что ее, лежащую в своем закутке, Джордж не заметил, а может просто не захотел будить, и увел гостя в спальню. И все это совершенно невозможно: Джордж никогда не приходил с работы днем, никогда не приводил неожиданных гостей и, тем более, никогда не заводил их наверх.

– Я замечательная жена, – подумала Бет, – мысль о том, что Джордж просто привел в дом женщину, представляется мне абсурдной шуткой. Милый Джордж! А интересно, что бы я стала делать, если бы такое действительно случилось? Готовить свежую простыню и полотенца, а потом отпаивать кофе или успокоительным приведенную даму? Если она, конечно, не убежала бы в самом начале представления...

Когда-то – теперь кажется, что бесконечно давно – в их первую брачную ночь обнаружилось сразу несколько неожиданных мелочей. Оказалось, что для Джорджа эта ночь и в самом деле была первой. Он сам, смутившись, сказал ей об этом. Наверное, Бет усомнилась бы в этом, но почти сразу за признанием последовала еще одна «мелочь», и не поверить молодому мужу стало совершенно невозможно.

Когда, отчаянно уставшая от венчальной суеты и волнений, Бет в очаровательном белье наконец-то оказалась под роскошным шелковым одеялом; когда робкий, но решившийся наконец Джордж сообразил освободить ее от этого белья, постукивая зубами, улегся сверху и ухватил ее потной рукой за грудь, когда Бет честно раздвинула ноги и приподняла бедра, чтобы помочь ему, махнув сегодня рукой на себя саму... В общем, в тот момент, когда вяло, но усердно супружеский долг начал исполняться, случилось страшное... и смешное.

Джордж округлил до этого полуприкрытые глаза, странно заурчал, рванулся в сторону и... Бет обдало неожиданным (и потому особенно жутким) запахом. Джордж

понял, что опоздал, а, может быть, просто впал в ступор от неожиданности и ужаса. Он стоял на коленях прямо над ней, а по его ногам и вбок толчками хлестало жижей и вонью. Прямо на свежайшие простыни, предназначенные сегодня совсем для других пятен!

Бет не сразу осознала, что произошло. Даже, втайне гордясь своим прошлым опытом, на секунду решила, что Джордж просто не успел (с мужчинами в первый раз это бывает). И только когда рывком приподнялась, увидела в свете ночника, что именно случилось... Она пришла в себя спустя несколько минут, под душем в ванной. Еще через несколько минут она сообразила, как все это смешно, и хохотала до икоты. Чуть позже бедный, милый Джордж тоже был допущен в ванную (о, десять лет назад она вполне могла показаться мужчине обнаженной при ярком свете!), белье свернуто и выброшено, и к концу ночи все как-то успокоилось.

Потом, в небольшом мотеле на Кейп-Коде, куда они уехали на неделю, необъяснимый казус повторился еще раз. Джордж был в отчаянии. А Бет просто отказывалась верить, несмотря на отвратительную очевидность. Врачи вцепились в Джорджа мертвой хваткой. Были использованы последние ценнейшие (судя по счетам, во всяком случае) достижения медицины в лечении непонятной болезни. Через три месяца, в течение которых Джордж то ходил как наказанный щенок, то возгорался надеждой, они попробовали еще раз. Лечение не помогло. Врач жмурился, хмыкал, заглядывал в лицо разбитому на куски Джорджу, но ничего сделать очевидно не мог. Объяснил, что это уникальный случай, когда сексуальное возбуждение почему-то вызывает неукротимую перистальтику со всеми печальными последствиями. Конечно, причина сугубо психологическая. И посоветовал, переждав некоторое время, попробовать снова, предварительно поставив, на всякий случай, клизму. А что? Это хорошая идея!

Тогда выявилась вторая уникальная особенность таинственной болезни: после клизмы... (Бет чувствовала себя доброй самаритянкой, делая процедуру, б-р-р!) Так вот, после клизмы Джордж просто ничего не мог! Они попробовали еще раз, потом еще... Бет использовала весь свой опыт, все, что знала о науке возбуждения мужчины на брачном (ха-ха!) ложе. Ничего не получалось. Тот же доктор сказал, что это вполне логично, потому что очевидна и обратная связь перистальтики с приливом крови и отсюда... Но даже он выглядел несколько смущенным: такого в своей многолетней практике он еще не встречал.

Исхудавший от бесконечных процедур Джордж совсем перестал их стесняться и даже как-то пошутил, что они, кажется, изобрели новый вид интимных отношений. С Бет снова была истерика от смеха; она призналась себе, что по-другому представляла исполнение своих супружеских обязанностей.

Тот странный период их жизни давно закончился. Они просто махнули рукой на секс. Какое-то время Бет еще делала робкие попытки устранить эти проклятые психологические причины, но, стоило ей до него дотронуться, Джордж либо отшучивался, либо испуганно смотрел на нее, и у него начинало угрожающе урчать в животе.

Бет иногда и сама не понимала, почему она не бросает милого Джорджа. Потому ли, что пришлось бы выдумывать причину для родителей и подружек или, вспоминая свое «самаритянство», чувствовала, что за это время Джордж стал вызывать в ней почти материнское чувство. Толком она не знала. В остальном же они жили как все. Ну или почти. Кроме того, говорила себе Бет, за это время секс с Джорджем все равно бы так

приелся, что разница сейчас была бы невелика (Бет почитывала умные статьи про это в женских журналах).

Нерастрченная сексуальность иногда (особенно в мечтах) донимала Бет, но она сбегала от нее в работу, в аэробiku... и лишь изредка давала себе волю под душем. А потом, в минуты раскаяния, считала себя отчаянной извращенкой (журналы утверждали, что тут нет ничего дурного, но Бет, как любая женщина, верила только тому, с чем могла согласиться).

Мучался ли Джордж, она не знала. Единственным видимым последствием его неудач было то, что он стал панически бояться визитов к врачу. Любому врачу. Он даже отказался сопровождать ее к дантисту. Говорил, что ему страшно отдавать свою жизнь в руки неуверенных в себе людей. А не уверены только те, кто не знает, что делает. Вот он, например, всегда может объяснить ту или иную ситуацию в своей компании, проанализировать, сделать выводы. Это – свидетельство профессионализма. А врачи... Они даже не знают, есть ли у человека душа. Чего же можно от них ожидать?

Они никогда больше не говорили об этом. Также, как ни разу не обмолвились о детях. Сама Бет не торопилась становиться матерью – разве что когда-нибудь в будущем – и старалась не задумываться о том, как это физически должно произойти. Она-то не торопилась. Но часто видела, как Джордж страдальчески щурится при виде рекламным бутузов. И – молчал, как обычно. Они вообще мало разговаривали. То есть, конечно, болтали, по телефону и так – по вечерам перед телевизором, если Джордж не приходил поздно и очень уставшим. А он часто задерживался на работе. Может быть слишком часто.

Последняя мысль вернула Бет к реальности. Что могло заставить Джорджа так рано вернуться с работы, да еще с компанией? Уж не испугало ли его ее отсутствие в офисе? И не помчался ли он домой выяснять, что с ней случилось? Но почему тогда он шушукается с кем-то в спальне?

Она сбросила плед и отправилась на разведку. На лестнице она приостановилась: не хотелось появляться перед гостем (кто бы он ни был) в старом купальном халате, да еще с припухшим после сна лицом. Хотя, не все ли равно? Ну кого мог привести с собой Джордж? Сослуживца? Она поднялась еще на несколько ступенек и, споткнувшись, чуть не упала: из-за прикрытой двери до нее отчетливо донесся женский голос.

Этого просто не может быть! Бет сразу забыла о том, что она замечательная жена и, схватившись за перила, кинулась вперед. Но, почти добежав до двери, остановилась. Погодите, это становится интересным. А что, если Джорджев «казус» (так она привыкла называть про себя его чудо-болезнь) случается только в постели с ней? Может ли быть, что Джордж именно ее винит во всем? Нет, скорее всего, он только сейчас додумался затащить в постель другую женщину. Ну что ж, это действительно любопытно.

Признаться себе, что ей просто страшно войти в спальню и обнаружить очевидное, Бет не хотелось. Куда проще прикинуться любопытной и подождать в коридоре. А потом, если «казус» случится, безжалостно, изо всех сил высмеять неудавшихся любовников. Ну, а если все получится, то тогда... В конце концов она даже не знает, каков Джордж как мужчина. Это после десяти лет замужества! Конечно же, любопытно!

Медленно-медленно Бет подкралась к двери и заглянула в щелку. Она увидела край кровати и сидевшего на ней Джорджа. Женщины видно не было.

– Мистер Вильсон, – сказала невидимая женщина. (У-у, как официально, с облегчением подумала Бет: не только до постели, до имен еще не дошли, бедолаги!) –

Дорогой мистер Вильсон! Поверьте, что это в ваших же интересах! Ну неужели мы стали бы тратить свое и ваше время впустую? (А вы и не тратьте, – совсем уже весело подумала Бет). Конечно, все, что вы говорите – правда. Конечно, есть некоторый риск. Но подумайте, знаете ли вы другой выход из ситуации, в которой мы находимся? (Он что – совсем дурак, рассказал ей о своем «казусе»? – Бет даже немного обиделась.)

– Конечно, я понимаю! Но... Но вы многого не знаете, вы просто не знаете ее, совсем не знаете! А я знаю!

Стоп! – мысленно прокричала себе Бет, – кого это – ее? О ком они говорят?! Обо мне?! А что – Джордж вполне мог считать меня виноватой во всем. Мужики всегда обвиняют жен в своих проблемах, особенно сексуальных, слышали о таком, слышали!

– Давайте сделаем так, – после паузы предложила женщина (Бет вся подобралась), – вы будете свидетелем происходящего, насколько это возможно. Вы ведь понимаете, что в некоторых случаях мы можем только предоставлять вам информацию о ней. Но если вам покажется, что что-то делается не так, вы сразу же вмешиваетесь и все приостанавливаете. И мы с вами обсуждаем, что именно не так. Хорошо?

Эта женщина говорила, как говорят профессиональные учителя или психологи – уверенным обволакивающим тоном, четко выговаривая окончания и как бы ставя точку после каждого слова. Бет очень захотелось взглянуть на нее, но узенькая щелка, как она не крутила головой, позволяла ей увидеть только Джорджа. Подтолкнуть дверь было страшно: скрип немедленно выдал бы ее. А Бет не хотела пока обнаруживать свое присутствие. Хотя, казалось бы, самое простое – это войти сейчас в спальню (в собственную, заметьте, спальню) и самым естественным образом спросить, что здесь происходит. Тем более, что подозрение в измене, похоже, отпало. Но что-то продолжало удерживать Бет на пороге. Там происходило что-то загадочное, да еще такое, в чем был замешан ее муж. Подслушивать, конечно, некрасиво, но ведь разговор идет, кажется, о ней самой, тайком от нее!

– Ну хорошо, – покорно сказал Джордж, шевельнулся и, кажется, вытер ладонью лицо, – я вам, как ни странно, доверяю. Я должен подписать какой-то документ? Ну конечно.

Он зашелестел бумагой, вздохнул и принялся что-то подписывать. Этого Бет стерпеть уж никак не могла. У них давно было заведено, что даже анкету для очередной кредитной карточки ни один из них не подписывает без ведома другого. У них общее хозяйство и общие деньги, черт возьми! Конечно, Джордж прекрасно разбирается в любой бумажке и сам, всегда въедливо прочитывая столбцы мелкого шрифта, на что у нее, Бет, просто не хватает терпения. И вот теперь... Что за таинственные договоры за ее спиной?!

Она уже выпрямилась и, забыв про халат и заспанное лицо, протянула руку, чтобы толчком открыть дверь. Они, конечно, вздрогнут, а она будет холодно улыбаться и молчать... некоторое время. Что-то похожее она видела недавно по телевизору, в какой-то старой черно-белой трагедии. Бет вспомнила об этом сейчас, потому что не верила всерьез ни в измену, ни в то, что Джордж за ее спиной мог затевать плохое или страшное. Какая глупость!

Так и не успев открыть дверь, Бет вздрогнула от неожиданности, потому что оттуда, из спальни, раздался третий голос – мужской:

– Теперь, когда с объяснениями и формальностями покончено, мистер Вильсон, давайте приступать к делу. И сейчас же. Вы остаетесь здесь, а мы спускаемся вниз, к вашей жене. Думаю, самое время ее разбудить.

Джордж что-то ответил, но Бет не слушала его, вернее – не слышала. Она почувствовала, как мгновенно, появившись ниоткуда, потек по телу пот, а голова показалась раздутым стеклянным пузырем с кучей мелких дробинки, которые, не подчиняясь никаким законам, подпрыгивали, бились в стекло и падали, стекали куда-то к горлу, гоня оттуда позывы к рвоте. Этот мужской голос она просто не могла не узнать. Хотя бы потому, что каких-нибудь пару часов назад... В спальне, вместе с Джорджем и неизвестной женщиной, находился Маккон!

Этого просто не могло быть! Маккон заявляется к ней домой, с ее мужем, заставляет того подписывать непонятные бумаги и сейчас собирается будить ее, оставив Джорджа наверху. Для чего? Что здесь происходит?!

Она додумывала это, а сама стремительно и бесшумно бежала вниз. Ей совсем не хотелось встречаться с Макконом. По крайней мере, без полиции или хотя бы свидетелей.

Мысль о полиции на секунду задержала ее в гостиной, но она тут же сообразила, что попросту не успеет позвонить: наверху закрипела дверь... Бет метнулась в подвал и сразу поняла, что в квадратной комнатенке со старым креслом и ящиками с прочитанными книгами спрятаться негде. Нужно было бежать дальше. Подвал соединялся с гаражом коридорчиком, в котором стояла стиральная машина, а из гаража, если дверь поднята, она могла выбраться на улицу. Бет схватила висящее в углу старое пальто, сунула босые ноги в полуразвалившиеся Джорджевы кроссовки, валяющиеся под вешалкой и, на ходу продевая руки в рукава, кинулась в гараж. Выход наружу был открыт, перед гаражом стоял «Лексус» Джорджа. Она быстро прильнула к стеклу: ключи аккуратный Джордж унес с собой!

Маленький городок – всего пара сотен похожих друг на друга домиков – был совершенно безлюден в этот час. Пустые окна поджидали своих хозяев не раньше, чем часа через два-три. Когда еще усталые, похожие на солдат в своих одинаковых офисных костюмах, служащие доберутся сюда из Манхэттена! Посветлевшее во второй половине дня небо источало неестественный ярко-белый свет без теней. Куда прятаться? Бет отбежала от дома, свернула за угол и остановилась.

Что именно ее испугало? Появление Маккона? Или какое-то, еще неведомое, предательство Джорджа? И вообще: получилось, что, не желая (или боясь?) встречаться с Макконом она убежала из дома. В старом пальто и халате на голое тело. Что делать дальше? Выждать, когда Маккон уйдет и вернуться за объяснениями? Или... Ну конечно, как же она сразу не сообразила! Здесь, совсем недалеко, в соседней деревушке живет ее приятельница Рита! Она недавно развелась с мужем (за такого негодяя с самого начала не следовало выходить!) и сейчас сидит дома, пытаясь выйти из депрессии. Рите можно рассказать если не все, то многое из сегодняшних приключений и решить, что же делать дальше. Бет показалось, что небо утратило мертвенный белый оттенок, и все вокруг оживилось.

Она перешла дорогу, пролезла через кусты, отделяющие шоссе от жилых домов, и бодро зашагала по обочине. Да-а, Рита совсем близко, если ехать к ней на машине, а вот пешком... Ну ничего, она дойдет. Каких-нибудь три мили! И вряд ли, даже если Джордж догадается где она, Маккон сунется и к Рите. Пусть только попробует! Не тот Рита человек!

С Ритой Бет познакомилась не очень давно, наверное, прошлой осенью, но быстро сошлась. Когда-то в детстве, четвертого июля, Ритин старший брат неудачно запустил фейерверк. С тех пор один ее глаз был блеклым и слезящимся, подернутым

пленкой. Рита утверждала, что видит им, хотя и немного. Но это все же лучше, чем искусственный! Бет даже себе не признавалась в том, что из-за этого Ритиног увечья дружить с ней было легче. С Ритой Бет не боялась показаться глупой или несчастной. Даже про «казусы» рассказала. Ну надо же было хоть с кем-то поделиться этим! А рассказав, почувствовала, что у нее теперь есть близкая подруга. У них совсем не было общих знакомых и потому, даже если Рита и не умела хранить секреты, как обещала, то риска для Бет не было почти никакого. Вперед, к Рите!

Огромные разношенные кроссовки хлюпали и болтались на ногах. Бет почувствовала, что пройти в них три мили будет нелегко. Мимо изредка проносились автомобили, и сидящие в них люди с удивлением косились на бредущую по обочине Бет. Она даже не пыталась попросить кого-то подвезти ее. Слишком близко от Нью-Йорка, чтобы кто-то решился посадить в машину незнакомца. Проклятая деревня! Здесь вдоль дороги нет даже телефонов-автоматов. А то Рита, несмотря на больной глаз, лихо водящая автомобиль, подобрала бы ее на дороге. Нет, так ходить невозможно. Бет присела, чтобы поплотнее затянуть шнурки и услышала шум тормозов. А, разогнувшись, обнаружила остановившийся чуть впереди микроавтобус с рекламными наклейками компании по доставке пожилых людей. Правая дверца распахнулась и из машины, перегнувшись, высунулся парень-водитель.

– Давайте подвезу вас, мэм!

Бет быстро оценила обстановку. Парень совсем молодой, улыбочивый, в фирменной синей куртке. Судя по нашивкам, действительно развозит стариков и инвалидов по врачам. Вряд ли ей что-нибудь угрожает. Потому что она всячески отгоняла от себя утреннюю историю, и еще потому, что вокруг был не агрессивный Манхэттен, а сонный нью-джерсийский проселок, она кивнула, улыбнулась и уселась на сидение. Правда, когда она забиралась в кабину, пальто и халат распахнулись, и она успела поймать хитрый мужской взгляд. Обычная ерунда! Но все же, закутавшись поплотнее, она вспомнила, что на ней нет белья и почувствовала себя совсем незащищенной. Как будто, случись что, белье спасло бы ее... Нет, дальше лучше не думать! Внутри пахло не очень приятно, несмотря на освежитель воздуха.

– Мне нужно проехать прямо, совсем немного. К подруге, – сказала Бет и, чуть улыбнувшись, добавила – Она меня ждет.

– Да, конечно, мэм! Никаких проблем! Скажете только, где остановиться. Хотя вообще-то на шоссе останавливаться нельзя, вы же знаете, – он снова хитро посмотрел на Бет.

– Но вы же остановились, чтобы подобрать меня, – в тон ему, но стараясь, чтобы ее ответ не прозвучал уж слишком игриво, ответила она.

– Это все, мэм, дело случая, – двусмысленно ответил водитель и рассмеялся. Может быть чуточку нервно. Или это только показалось?

– А чем это у вас так пахнет в салоне? – спросила она, чтобы отвлечься.

– А-а! Это просто старички, мэм. Многие совсем из ума выжили и до туалета не могут дотерпеть. Да и туда-то, как говорит мой босс, им нужно ходить с картой, компасом и атласом по анатомии. Чтобы найти где, а самое главное – чем!

Он смеялся, щурясь и поглядывая на Бет, ожидая ее реакции, а из-за поворота уже показалась знакомая улица. Третий дом справа – это жилище Риты, ее убежище. Она уже представляла, как будет смаковать подробности, а бойкая, даже в депрессии негибкая Рита тут же начнет разрабатывать план действий.

– Пожалуйста, вот здесь, – начала Бет, но водитель и не думал тормозить, – мне нужно вот на ту улицу!

– Не могу останавливаться на перекрестке, придется проехать чуть вперед.

Бет сразу заволновалась. Этого еще не хватало! Конечно, на бандита и насильника этот парень не похож, но, черт возьми, куда он ее везет?! Тот, утренний, тоже выглядел джентльменом! Дорога была хорошо знакома Бет, и она понимала, что, каковы бы ни были его намерения, завезти ее куда-нибудь в глушь в этом густонаселенном районе он просто не может. Но почему же тогда этот мальчишка увозит ее все дальше и дальше? Да что же это со мной сегодня?! Она, между прочим, два года занималась каратэ!

– Куда?.. – грозным, как ей казалось, тоном начала Бет, но тут же поперхнулась: сзади, из-за спинки сидения, показалась рука – старческая рука! – и неожиданно крепко ухватила ее за колено.

– Голубушка, я же говорил вам, что дела так не оставлю! А вы пытались от меня убежать, глупая! Я докажу вам всем, что я не маразматик, далеко не маразматик! И мне не нужны карта и компас, да! Даже во Вьетнаме, в джунглях!..

Вот теперь от неожиданности у Бет выключилось сознание. Она не упала в обморок, но почти безвольное тело осталось существовать само по себе. С некоторым опозданием до Бет доходил громкий хохот молодого водителя. Пропахший старческими запахами автобус прибавил скорость, унося ее неведомо куда. А за ее спиной отвратительно хихикал папаша-Маккон.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кен давно все позабыл. Он был совсем не старый, хотя часто при столкновении с полицейскими или просто более сильными притворялся, что еле ходит и почти не слышит от старости и болезней. На самом деле Кен все слышал, прекрасно видел и вполне еще был мужчиной. Та самая полоумная воровка, которую однажды ночью он заманил под одеяло, потом еще не раз пробиралась к нему. Зря что ли? Он бы и сейчас пользовался ее натужными и однообразными ласками, если бы они не поругались, когда она, в то время, как он удовлетворенно кряхтел на ней, попыталась стянуть упрятанную в башмак десятку. Кен тогда разозлился и побил слегка эту дуру. Дура, вместо того, чтобы убежать, села и заплакала, потирая ноющую скулу задранной подошмой. Кен плюнул и отдал ей эту несчастную десятку. Но с тех пор сменил место и уже никого из баб к себе не подпускал. Во всяком случае, именно так ему казалось.

Потому что память... Только события прошедшего дня еще кое-как держались в его голове. Но и они к ночи начинали тесниться и налезать друг на друга. А потом куда-то исчезали. (Но не все. Вот злополучную воровку он почему-то запомнил.) Зато к утру (особенно, если ночь оказывалась не холодной) голова была свежей и чистой, как залы Автобусной станции, куда он пробирался погреться и стрельнуть мелочишку у заспанного раннего пассажира. Впрочем, он редко просил денег. А воровал только в пасмурные дни и когда понимал, что наверняка не попадет. С тех пор как, он поселился у Автобусной станции, ему жилось значительно легче, чем до того, около Пенсильванского вокзала.

Сам он этого, конечно, не помнил, но однажды, когда он пристраивал свою тележку на ночь к стене за Мэдисон-сквер Гарден, к нему подошел Большой Иисус – огромный, с перекошенным лицом пуэрториканец, знаменитый тем, что однажды в припадке то ли ярости, то ли эпилепсии сам откусил себе палец. Кен замотал головой и стал дергать расшатанную тележку, решив, что Большой Иисус позарился на место его обычной ночевки. Но тот положил огромную трясущуюся лапу на плечо Кену и рассказал мутно, без интонаций и знаков препинания (принятая у бездомных сумасшедших за хороший тон манера), что Кен дурак затраханый, и что нечего тут ему, дураку, делать, когда есть правильные люди и они подогреют всем чем надо. И его, Иисуса, уже подогрели, только он не такой как Кен и ему нужно много бабок, потому что, сам знаешь, ему надо добраться до Нового Орлеана.

Дальше шла история, которую Кен с интересом выслушал, сам того не подозревая, наверное, в двадцатый раз. История о том, что в Новом Орлеане, в раздевалке боксерского клуба, в железном ящике, Большого Иисуса ждет куча денег, оставленных ему братом – убитым в перестрелке продавцом наркотиков.

Этим рассказом дело бы и кончилось, но, вспомнив о деньгах, Большой Иисус рыкнул, толкнул Кена и снова начал рассказывать о «правильных людях». Оказывается, что совсем недалеко, в Автобусной станции, есть люди, которые помогают таким как Кен. Не просто так помогают, конечно. Но, если ты согласен жить около Автобусной и выполнять их поручения, то и кормят, и иногда подбрасывают монет. И это не какая-нибудь там сранная Армия Спасения, а «правильные люди», даже наркоту у них иногда можно получить. И то, что они поручают, делать совсем не западло. Например, его, Иисуса, они попросили... Тут Большой Иисус зарычал громче и сказал, что никогда не выдаст этого, потому что это большая тайна, и кое-кому за болтливость уже кое-что оторвали, он сам видел, а ему, когда он доберется до денег в Новом Орлеане, эта штука еще потребуется. Потому что...

Кен с не меньшим, чем раньше интересом выслушал бы и про то, что Большой Иисус сделает с деньгами и своей штукой, но он, зная особенности своей головы, очень боялся, что позабудет выданную ему важную информацию. Кроме того, нужно было еще сообразить где находится эта самая Автобусная станция. Его не очень интересовали деньги, потому что он не пил и не курил (может быть делал и то, и другое, но давно позабыл об этом); более того: его не интересовала еда. Ел он очень мало и по случаю, а сам, когда задумывался об этом, подозревал, что подпитывается от солнечного света. Потому что много и подолгу лежал на солнышке и потом несколько дней чувствовал прилив сил. Даже тогда, когда летом солнце безжалостно, в упор разглядывало Манхэттен, и над городом, как над сгоревшим пирогом, стояла едкая дымка. Хуже было в пасмурные холодные дни; тогда приходилось искать еду: воровать или выпрашивать.

А вот то, что ему могли давать какие-то поручения, показалось чрезвычайно интересным. Он хотел быть кому-нибудь полезным, чувствовал в себе много способностей и часто, лежа без сна, решал пойти куда-нибудь туда, где для него нашлось бы занятие. А он бы суетился, жаловался, что ничего не успевает, что чертовски устал, но все равно делал бы и то и другое (ну, что там следовало бы делать), и чувствовал себя нужным и удовлетворенным. Жаль только, что к утру он все начисто забывал о своих намерениях.

Давным-давно Кен жил «по-настоящему» (так он называл совершенно неясную пору, когда он еще мог все удержать в голове) и, должно быть, неплохо знал город. Ему казалось, что у него была машина. Во всяком случае, даже сейчас, глядя, как меняется с

красного на зеленый свет в светофоре, он чувствовал странное беспокойство и ожидал, что вместе с зеленым, повисшим над улицей окошком, сменится какое-то его состояние, в лицо ударит свежий ветер, и он окажется где-то... Не здесь и не один... Он совсем не помнил, что было тогда, в «жизни». Знал только, что она у него была.

Тем не менее он доплелся до Автобусной станции. Как – он и сам не мог бы сказать. Просто пошел по восьмой авеню на север. И, конечно же, на следующее утро, после скверно проведенной на новом месте ночи, все то, что рассказал ему Большой Иисус, безнадежно потерялось во вчерашнем дне. Он просто начал обживать. Нашел себе самое главное – удобную нишу в гулком коридоре, в который превращалась сорок первая улица, проходя под огромным зданием Станции. Он забирался туда еще с вечера, чтобы никто не успел занять места (а такое случалось, если прийти попозже), опрокидывал на бок свою тележку, загораживая проход. Лежащие в тележке одеяла вываливались, и Кен, поворочавшись, укутывался в них с головой.

Однажды, в плохой дождливый и ветреный день, отчаявшийся Кен забрел в подземную часть станции, туда, где усаживались в автобусы дальнего следования хлопотливые и безразличные пассажиры. Это было самое неподходящее место, чтобы просить денег: обремененные багажом и озабоченные поисками правильного автобуса, плохо знакомые со Станцией, они обычно не поворачивали голов, чтобы выслушать Кена. Да и вообще – скверное место. Узкий, разделенный подсобными помещениями и маленькими кафетериями зал с бесконечными дверьми-выходами по сторонам; там всегда было темно, гулко – и отчаянно воняло выхлопными газами. По этим подземным коридорам автобусы вереницами выбирались на улицу. Но Кену всегда казалось, что, трогаясь с места, автобусы навсегда исчезают в подземных кишках Станции, и было противно представлять, что с ними происходит потом. Кен очень любил солнечный свет.

Но наверху, там, где ежедневно снуют жители недалеких пригородов, делать сейчас было нечего: часов с одиннадцати утра и до пяти вечера верхние залы были почти пусты.

Кен поболтался около мужского туалета – вдруг кто-нибудь из облегчившихся выходящих окажется благодущнее остальных – но удачи не было и здесь. Неожиданно его сильно толкнули сзади. Он обернулся и увидел здорового пуэрториканца в длинном плаще с высывающимся из-под воротника трикотажным капюшоном. Кен, конечно, уже не помнил Большого Иисуса, зато тот вовсе не забыл Кена. Но Кен привык, что разные люди обращались к нему как к знакомому, поэтому тоже улыбнулся в оскаленную физиономию.

– Ты все еще здесь, скрипишь, старый козел! – прорычал Большой Иисус, – Хе! Если б не я, так бы и сдох у Пен Стейшен! Работаешь? Я же говорил тебе: здесь правильные люди! Так, нет?

Кен на всякий случай неопределенно покачал головой. Он не любил и опасался, когда ему задавали прямые вопросы: всегда можно было попасть впросак. Но уловка не удалась, потому что Большой Иисус шагнул к нему, схватил за ворот и, обдав дыханием с каким-то химическим запахом, прошипел:

– Совсем ничего не помнишь, пень! Я же тебя не просто так сюда послал! Ну ладно, – он резко отпустил Кена, так что у того клацнули оставшиеся зубы, и снова оскалился, – не бзди, все устроим!

Он быстро пошел в дальний конец зала и уже почти исчез в толпе, но вдруг снова вернулся, и не доходя до так и стоявшего у дверей туалета Кена, закричал:

– А я, знаешь, еду! В Новый Орлеан! Дела! Смотри у меня!

Большой Иисус снова скрылся, а Кен стал раздумывать, о чем же тот ему говорил. Он знал, что бесполезно вспоминать предыдущий разговор, но даже из сегодняшнего можно было кое-что почерпнуть. Что-то важное. Но что? Сообразить не получалось – его все время толкали спешащие суетящиеся пассажиры – и Кен, немного потоптавшись, еще раз без пользы прошелся по залу из конца в конец. Нет, толка никакого. Кен посмотрел на стенные часы: времени оставалось достаточно.

Он решил, что здесь больше делать нечего, а лучше всего пойти в свою нишу на сорок первой и продремать оставшееся время, а там может быть и повезет. Возможно, там, в одиночестве, он, наконец, сообразит, о чем говорил этот пуэрториканский парень. Да, это самое лучшее, раз солнца все равно нет. Кен вытащил из укромного уголка свою тележку и торопливо покатила наружу.

В его нише, несмотря на раннее время, кто-то лежал. Это было почти невероятно: днем спальные места никто не занимает, днем у людей слишком много дел. Кен специально, не доверяя себе, пригляделся к своему знаку. Зная свою память, он куском кирпича когда-то написал на старой, никогда не открывающейся железной двери, которой заканчивалась ниша, свое имя – единственное, что он знал о себе достоверно. Надпись он сделал высоко, на сколько хватило руки (чтобы случайно не стереть ее спиной), поэтому ее сразу было видно. Да, это, несомненно, была его ниша. Только кто-то неизвестный, завернутый с головой в обрывки одеял, лежал на боку в его собственной спальне!

Помедлив, Кен пригнулся пониже, стараясь рассмотреть пришельца. Если тот окажется больше и сильнее Кена, то будить его может быть опасно. Но через сбившуюся в комки ткань рассмотреть скрюченную фигуру, а тем более оценить ее – совсем непросто. Кен, кряхтя, встал на колени и тут же отшатнулся. Человек под одеялом зашевелился, застонал и перевернулся на спину. Грязная рвань натянулась, и Кен сразу понял – перед ним женщина. Неужели та самая воровка, удивительным образом застрявшая в голове, снова нашла его? Он пригляделся и догадался, что это не она. У той (он хорошо это знал) были широкие бедра и грудь большая и удивительно твердая. А перед ним лежала совсем другая женщина. Хотя тоже довольно привлекательная. Кен задышал чаще, представив себя с этой женщиной. А что грудь поменьше, так тоже ничего, легче друг к другу прижиматься!

Женщина снова зашевелилась, из-под одеял показалась узкая белая рука с золотым кольцом на пальце. Кен сильно удивился. Но не кольцу, с заискрившимся большим продолговатым камнем. Он ничего не знал про кольца, зато многое понимал в руках. Таких белых ухоженных рук у человека, способного занять его место, быть просто не могло!

Кен все еще стоял на коленях, когда женщина, видимо, почувствовав его взгляд, проснулась, откинула грязную тряпку с лица и села. Кен удивился еще больше: у нее были чистые волосы, и плащ, доверху застегнутый на все пуговицы, был чистый и почти новый. Кен почти наверняка убежал бы, почувствовав нехорошее, связанное с полицией (привычка не трогать ничего нового или свежего: опасно!), если бы не ее бессмысленное лицо и глаза: один – с расширенным зрачком, другой – прикрытый веком и слезящийся. И еще – потеки слюны в уголках вялых перекривившихся губ. Такое – или почти такое – выражение Кен часто встречал вокруг себя среди бездомных. В то же время, ее чистенькая одежда и руки показались ему беззащитными и трогательными знаками новичка, пришельца из того мира, о котором он говорил: «когда я жил». Кен сразу

почувствовал себя мужчиной и решил, что эту он пустит под одеяло. Если, конечно, она не будет у него воровать.

Женщина провела рукой по лицу, ощупывая его, как будто слепая, и то ли усмехнулась, то ли всхлипнула. Она посмотрела на Кена, на кирпичи ниши, потом понюхала все еще свисающее с ее плеча одеяло, поморщилась и спросила тревожно:

– Где я? В больнице?

Кен pokrивился: ему опять задавали прямые вопросы, это было плохо. Он опять не знал, что ему отвечать. Но женщина вдруг улыбнулась, показав красивые чистые зубы, и успокаивающе сказала:

– А-а, опять ты. Ну конечно! Вот и прекрасно! Не многого же ты добился с тех пор, как мы расстались. Ты что, решил продолжить наш последний разговор? Помнишь, по телефону?

Слово «помнишь» ужасно разозлило Кена. Он даже хотел совсем уйти от нее, пусть пропадет место! Но женщина протянула свою красивую руку, погладила Кена по плечу и рассмеялась. Ее смех тоже был из «жизни»; он что-то смутно напомнил Кену, что-то легкое и непонятное, как зеленый глаз светофора. Он сел к ней поближе, прокашлялся и сразу сказал, что его зовут Кен, и что он согласен, чтобы она спала с ним. Только чтобы не воровала! Женщина пожала плечами, потом кивнула. Но особенно понравилось Кену то, что она не знала, как ее зовут: как-то странно на него посмотрела, пробормотала что-то вроде «Вольво» и замолчала. Ну, Кен-то понимал, что женщина не может зваться так странно и с удовольствием поразмышлял об этом. Неожиданно он обнаружил, что не знает ни одного женского имени. Плохо. Он уже хотел было совсем расстроиться, когда ему в голову пришла замечательная идея.

– Я буду звать тебя «Ты», хорошо? – сказал он и засмеялся. Ему нравились такие моменты, когда он что-нибудь придумывал. Кроме того, все вообще складывалось хорошо: он нашел женщину, нашел для нее имя, а скоро настанет ночь, и он сделает все, чтобы она никуда от него не ушла. А он еще может! Тогда будет совсем хорошо.

Мимо с ревом проехал вынырнувший из недр Станции автобус; Ты дернулась и попыталась подняться на ноги. Кен с любопытством наблюдал за ней. Ты постояла секунду, держась рукой за стену, потом снова опустилась на землю и сказала, что она лучше полежит, ей нехорошо, но пусть он обязательно позвонит (домой?) и предупредит Бет. Обязательно, потому что иначе у всех будут большие неприятности. Пусть прямо сейчас и идет. Хоть раз в жизни он может оказаться полезен. И она забормотала какие-то цифры. Кен совсем не понял, что она имеет в виду и куда он должен звонить, хотя и догадывался, что речь идет о телефонном звонке. Он совсем не хотел, чтобы у бедной Ты были неприятности. Это плохо – когда неприятности. Наверное, у него они тоже бывали, потому что он заволновался, попросил Ты лежать и сказал, что сейчас же все сделает, а она пусть спит на его месте, ничего. И торопливо направился к выходу на восьмую авеню.

Когда он остановился на углу, то ему пришло в голову, что вот теперь у него есть человек, который сказал, что Кен обязательно должен что-то сделать, есть настоящее поручение – то есть то, о чем Кен и мечтал! Это открытие было таким поразительным, что он сел на холодный асфальт и рассмеялся. Так вот, наверное, о чем говорил пуэрториканец! И хотя он совсем забыл, какое именно дело ему поручено, ему было хорошо: он представлял, как сейчас вернется к Ты, и она будет о чем-то его спрашивать, а он – удивительно, сейчас он даже не испугается вопросов! – будет отвечать ей озабоченным голосом. Надо же, у него появились обязанности!

Кен задумался, так глубоко уйдя в себя и представляя разные разности своего нового положения, что не заметил, как рядом с ним появился молодой парень, худой и высокий, видимо из пригородных пассажиров. Он улыбнулся, хотел было потрепать Кена по плечу, но раздумал и просто коснулся его ноги концом блестящей туфли.

– Здорово, агент ноль-ноль-шесть! Что сидишь? Сменил технику и под инвалида косишь? – парень был какой-то нервный, все время оглядывался, и Кену захотелось – больше чем обычно – уйти от вопросов, да и от самого парня. Но по опыту он знал, что в таком случае лучше всего сидеть неподвижно и не реагировать, может сам отвяжется. Тем более, что он из числа «живых», а для Кена это были, в основном, полицейские или пассажиры, которые, к счастью, им мало интересовались.

Но парень не отвязывался. Неожиданно Кен подумал о деле и забеспокоился: его ждет Ты, которой он что-то обещал, неважно что; ему важно вернуться к ней и что-нибудь сказать, чтобы получилась та самая картинка: занятой озабоченный Кен выполняет многочисленные важные поручения. Поэтому Кен начал тихонько отползать от парня, прижавшись задом к стене, стараясь аккуратненько завернуть за угол, где можно будет подняться на ноги и спокойно убежать, пока этот вертит головой.

– Эй-эй! Ты куда? – оказалось, что за Кеном следили. – Ну-ка давай обратно, работничек! У меня же к тебе поручение, понял? Поручение! Ну? Вспомнил? Поднимайся, поднимайся, пойдем! Дело не ждет.

Дело, в понимании Кена, было вещью серьезной. Да, но у него уже есть дело! Он же должен вернуться к Ты! Кен растерялся. Он поднялся на ноги, посмотрел снизу вверх на длинного пассажира и сообразил, что убежать не получится. Тогда он решил притворяться и заулыбался, закивал головой. Ничего, Ты, наверное, еще спит, а если они с парнем пойдут на Станцию, то это хорошо – там легче убежать.

Действительно, они вошли внутрь вместе с увеличившимся, поплотневшим потоком пассажиров и направились в центр зала – туда, где прямо на полу, без всякого подиума, стояла скульптурная группа из гипса, все время пугающая Кена своей похожестью на людей и белой замороженной неподвижностью в хлопотливой толпе. Там же, слева, находились эскалаторы и лестницы, ведущие на второй этаж и выше. Кен со своим спутником прошли мимо скульптуры, в дальний конец зала, к туалетам. Не доходя до них, парень приостановил Кена взглядом, вытащил из кармана ключи и стал открывать неприметную дверь с надписью «только для работников».

– Заходи, ноль-ноль-шесть, заходи! Придумаем для тебя сегодня что-нибудь интересное. Не в первый же раз, чего боишься!

До этого момента Кен и не очень-то боялся, просто хотел поскорее вернуться к Ты, но, когда услышал, что стоящий в дверном проеме парень подозревает его в трусости – действительно испугался. Значит, есть чего бояться! О, Кен хорошо соображает! Иначе бы он не выжил! В его голове помещалось много вещей, связанных со словом «бояться». И получалось, что в эту дверь входить было нельзя. Тогда Кен притворился: хитро прищурился, закивал головой и шагнул вперед. Парень посторонился и, давая Кену пройти, оказался по ту сторону, в полутемном коридорчике. Тогда Кен изо всех сил потянул на себя ручку двери. Не ожидавший этого парень, наверное, не успел даже удивиться, когда замок щелкнул, и между ним и Кеном оказалась закрытая дверь.

А Кен быстро побежал к выходу, который был прямо за туалетами и выводил в небольшой проезд, но сообразил, что так высокий парень легко его заметит. Он развернулся и бросился в гущу толпы в центре зала. Но и тут было еще недостаточно

многолюдно, чтобы чувствовать себя спокойно: час пик еще только начинался. Прикидывая, куда можно спрятаться, Кен понял, что на лестницах, ведущих на второй этаж, спрятаться просто не получится: всего два-три человека лениво поднимались на эскалаторе, а мраморные ступени были совсем пусты. Нужно было срочно что-то придумать: его сейчас заметят, а дыхания, чтобы бежать быстро, уже не хватало. В глаза ему бросились страшные скульптуры, беспечно стоящие группкой в двух шагах от него. Выхода не было: преодолевая себя, он шагнул к гипсовым людям и спрятался за одним из них, изображавшим проверяющего билеты кондуктора. Кондуктор был большой, белый, толстый и холодный, но Кен прижался к нему, очень надеясь, что его не видно из дальнего конца, от двери, куда входить нельзя.

Может быть этот тип просто махнул на него рукой? – подумал он, но выглянуть из-за кондуктора боялся. Ничего, он еще немного постоит, выждет, когда народу наберется побольше и с толпой проскользнет либо наверх, либо к выходу на восьмую авеню. А эти скульптуры ничего, не очень и страшные, напрасно раньше он их так боялся. Кен провел рукой по твердому пиджаку кондуктора и вздрогнул: ему показалось, что откуда-то, прямо из живота скульптуры, раздался звук – хрип или стон. Но Кен не испугался, он знал, что если приложить ухо к стене или к полу, тоже можно услышать самые разные звуки. Они иногда даже будили его, особенно летом, когда он спал прямо на земле в своей нише. Он прижал ухо к скульптуре плотнее и различил урчание. У него самого иногда так урчит в животе. Он даже немного забыл об опасности, настолько заинтересовал его живот этого кондуктора! Но урчание скоро прекратилось, и он поднял голову повыше. И отчетливо услышал глухие удары! У статуи билось самое настоящее сердце! Кену снова стало страшно. Он многое знал и видел в своей уличной жизни, и, хотя еще больше, конечно, забыл, ощущения, догадки о существовании другого, потаенного мира, существовали в нем. Но догадываться – это одно, а слышать бьющееся в холодном гипсе сердце – совсем другое! Кен отпрянул от белой спины и уже хотел бежать, но что-то непонятное остановило его. Несмотря на то, что пальцы на руках и ногах свело от ужаса, он вытянул шею и взглянул снизу в лицо статуи.

Ему показалось, что гулкий многолюдный зал Автобусной Станции вместе с пассажирами, ларьками, кассами и широкими лестницами куда-то исчез. Глаза белого кондуктора были совершенно живыми! Они скользнули из-под неподвижных век вбок, на Кена, дернулись беспокойно из стороны в сторону и пропали. Как и положено гипсовой статуе, под веками осталась глубокая щель. Мне это только показалось, – разочарованно подумал Кен, – увидеть такое мне не дано. Вот беда!

Страх пропал, Кен неторопливо отошел от кондуктора и направился к выходу на восьмую авеню. Он с удовольствием вспомнил о том, что его ждет Ты и ускорил шаг, но тут же споткнулся. Вокруг происходило что-то непонятное. Сначала Кену почудилось, что он остался один в зале, а количество скульптур неожиданно увеличилось во много раз. Он робко подошел ближе к одной из них – женщине, ведущей на поводу огромный раздутый чемодан – и сообразил, что это не скульптура. Женщина казалась совершенно живой, только почему-то застывшей без движения. Кен пожал плечами и обошел еще несколько фигур. Обычные пассажиры, все как всегда. Только никто из бегущих, входящих и выходящих, смотрящих на часы и говорящих по телефону, не двигался и, может быть, даже не дышал. Кен не решился проверить.

Он добрал до киоска с упакованными в пластик бутербродами и снова остановился. Есть ему не очень хотелось, но существовала еще Ты, и должно быть она

голодна. У киоска стоял молодой длинноволосый мужчина в очках и, рядом с ним, женщина со строгим лицом. Она подозрительно смотрела на прилавок, жесткий рот был слегка приоткрыт. Лицо мужчины было страдальческим, но непокорным. Одной рукой он касался плоского бутерброда с тунцом, а в другой держал только что вынутый из внутреннего кармана бумажник. Продавец застыл у кассы, повернув голову к покупателям.

Кен постоял, посмотрел на них, решил, что мужчина и женщина, скорее всего, муж и жена (он знал, что это значит), и что они наверняка ссорятся. Ну, совсем как он с той воровкой. Только тут скорее муж может получить по морде... Кен специально не торопился: он совсем не любил воровать. Потом медленно протянул руку к бутерброду с тунцом и аккуратно, стараясь не задеть никого, вытащил его, немного подумал и развернул липнувший к рукам пластик. Бутерброд был совершенно настоящим. Кен надкусил его – да, слегка задохнувшийся тунец, майонез и квелые огурцы. Все как положено.

Он еще немного подумал, потом взял второй бутерброд, вздохнул и отправился к выходу. Когда автоматическая стеклянная дверь распахнулась, он немного помедлил, постоял спиной к застывшему залу и резко обернулся. Ничего не изменилось. Только ему показалось, что в дальнем конце зала что-то хлопнуло и затрещало. Ну вот, – подумал Кен, – стащил бутерброды – плохо, а еще хуже, что все остановилось. Это значит, что у него теперь есть возможность брать бутерброды или пирожные и удержаться будет трудно.

Озабоченный, он вышел из-под навеса, прикрывающего вход на восьмую, и не сразу заметил, что на улице все осталось по-прежнему: неслись и гудели машины, садились в подъехавшее такси пассажиры, что-то кричал продавец подгоревших орешков на углу, и их тоскливый запах стоял над городом, как всегда, живым и торопливым.

Кен снова потрогал зажатые под мышкой бутерброды – они напомнили о Ты, которая его ждет – и, более не раздумывая, деловито устремился к своей нише. Но и тут происходило что-то неладное: ниши не было. Вместо нее появился какой-то зловещий темный ход вглубь стены. Это была не его ниша. Он потерянно походил по короткому коридору, от угла до угла, но ничего похожего не нашел. А ведь там должна была спать Ты. Что же это такое сегодня? Кен задумался. Это было тяжело: он привык соображать в более спокойной обстановке. Мысли совершенно разбегались. Но, пересилив себя, он внимательно рассмотрел образовавшийся проход. И тут его осенило. Ну конечно! Дверь! Та самая, на которой он написал свое имя! Она никогда не открывалась, и Кен привык считать ее стеной. А сейчас – распахнута настежь! Не доверяя себе, он посмотрел на другую сторону двери: его имя было на месте. Замечательно! Он обрадовался своей находчивости, но тут же взволновался: где же Ты? Разве она могла куда-то уйти, не дождавшись его? А может быть это она сама открыла дверь? Но зачем?..

Он осторожно переступил порог: там, внутри, было совсем темно, как в подвале, где пропадали автобусы. Да нет, нечего ей там делать! И тут скользкие бутерброды выпали у него из рук: далеко-далеко, где-то в недрах Автобусной Станции, кричала женщина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В сорок пять лет уже пора становиться взрослым. Не притворяться, а быть настоящим. Взрослый человек — это совсем не тот, кто ответственен, опытен и умеет принимать решения, а, как это ни смешно, тот, кто наедине с зеркалом не строит рожи, не ставит себя на место киногероя-грабителя банков и не смущается, когда хорошенькая медсестра должна сделать ему укол в ягодицу. И, кажется, не в состоянии уже ни радоваться, ни удивляться. Это еще называется зрелостью. Но не только это, конечно. В первую очередь — наличие принципов!

Джордж не любил пользоваться автомобилем для ежедневных поездок на работу. Конечно, зимой, в отвратительную погоду, куда приятнее спуститься в гараж и выкатить оттуда на уютной машине, чем тащиться пешком до остановки автобуса. Да еще и мерзнуть там, если автобус запаздывает. Но зато как приятно с холода залезть в теплое нутро салона и спокойно читать утреннюю газету, вместо того, чтобы сонно пялиться на постепенно становящийся ненавистным унылый багажник машины, стоящей впереди тебя в пробке. Кроме того, когда у человека сидячая и нервная работа, такое физическое упражнение как ходьба просто необходимо!

Поэтому каждое утро в семь пятнадцать Джордж выжидал на остановке, потом махал рукой примелькавшемуся водителю, усаживался в удобное кресло и читал-дремал всю сорокапятиминутную дорогу до Манхэттена. Потом, на Автобусной Станции, бодро нырял в метро и еще через двенадцать минут (ну, в крайнем случае, через четырнадцать) оказывался за своим рабочим столом у окна — предметом особой гордости: не каждому сотруднику предоставляют офис с роскошным видом на Манхэттен. Вечером путь проделывался в обратном порядке, точно по расписанию, что было удобно и привычно.

Так вот, Джордж был уверен в своей взрослости. Ну, может быть, немного портили этот образ отношения с женой. Совсем немного. Хотя, со временем, он вывел для себя формулировку, позволяющую даже эти отношения положить кирпичиком в облицовку сложившегося «зрелого Джорджа». У него были все основания гордиться собой. И своими принципами. Тем более, что основная их масса была принципами э-э... для внутреннего пользования: удобной, но жестко сложившейся системой привычек и взглядов с пунктами и подпунктами, поэтапное выполнение которых, собственно, и давало Джорджу основания для гордости.

Джордж отложил газету: сегодня почему-то не получалось, как всегда, читать пустяшные новости и думать о своем. К тому же, он уже несколько минут чувствовал на себе чей-то взгляд. Через проход, у окна, сидела женщина, которая напомнила ему школьную учительницу: лет под шестьдесят, лицо располагающее, но строгое. Она смотрела на Джорджа веселым взглядом и не смутилась, когда он обратил на это внимание. Просто чуточку пожала плечами и улыбнулась, как бы говоря: как замечательно, что мы едем в этом автобусе, правда? Джордж вежливо улыбнулся в ответ и вернулся к газете. Женщину эту он никогда раньше не видел. А, может быть, просто не замечал — в утреннем, идущем по расписанию автобусе, пассажиры скрыты высокими спинками кресел, и обычно Джордж узнавал одно-два лица на переднем сидении. Да еще однажды подглядел, как целуется совсем молодая парочка, сидящая через проход. Это же надо — целоваться в начале восьмого утра!

Автобус медленно взобрался по пандусу Автобусной Станции на третий этаж, въехал в коридор и остановился. Джордж наклонился поближе к окну и увидел, что впереди разгружается еще один автобус. Нужно было поторапливаться, потому что

сейчас толпа запрудит единственный и очень узкий эскалатор, ведущий вниз, в зал. И тогда придется дожидаться, пока она рассосется: не лезть же в толчею! Он не опаздывал, в общем-то, просто не любил ждать. Увы, пока он, подталкивая взглядом неторопливо идущую по узкому проходу между сидениями «учительницу», двигался к выходу, у эскалатора собрался народ. Ну что ж! Джордж прислонился к барьерчику и постарался отвлечься. В конце концов – пара-другая минут, и он без суеты спустится вниз. Если, конечно, не подъедет еще один автобус. Тогда придется толкаться.

– Только очень нетерпеливые люди могут вот так спокойно пережить.

Возле Джорджа остановился невысокий пожилой дядечка. С некоторых пор начинающий лысеть Джордж с ревностью отмечал растительность на чужих головах, особенно у людей своего возраста. Дядечка был старше лет на двадцать, но тяжелые седые волосы плотно прикрывали череп.

– Я говорю это потому, что сам человек нетерпеливый, но также каждый раз выжидая своей очереди спуститься вниз, – дядечка посмотрел на газету в руках у Джорджа и, улыбнувшись, показал на такую же свою, которую держал под мышкой. Джордж покивал в смысле: мол, ну да, конечно – ежедневные поездки, и стал соображать, как бы повежливее ответить. «Дядечка» вдруг рассмеялся, покачал головой и спросил:

– Вы любите охоту?

– Наверное, только понаблюдать издали. Или по телевизору.

– А жаль. Из вас получился бы хороший охотник. Знаете, почему? Когда сидишь в засаде, вы только представьте себе, необходимо невероятное терпение, а охотники азартны, иначе – какой вы охотник? И вот наступает самый ответственный момент: появляется олень. Тут надо быть особенно осторожным. Неторопливо поднимаете ружье, спокойно, медленно кладете палец на курок... Олень как будто чувствует: он тоже замирает на секунду. И тогда кажется, что вся энергия нетерпения, скопленная за время выжидания, высвобождается и... выстрел! Это – великолепно!

Он говорил с таким неожиданным напором, почти восторгом, с каким никогда не говорят со случайным встречным. Джордж удивился. «Дядечка» заметил это, спохватился и добавил безразлично, как хороший рассказчик соль анекдота:

– Оленя, конечно, жаль. Да что поделаешь?

Толпа у эскалатора почти рассосалась, и нужно было поторапливаться, пока не появился новый автобус. «Дядечка» приподнял газету, как шляпу – на прощанье. На подрагивающих неторопливых ступеньках Джордж стоял прямо за ним и поэтому, когда уже внизу, неудачно шагнув, «дядечка» стал заваливаться назад, Джорджу пришлось, уронив газету, вытянуть руки и ловить падающее на него тело. Он так именно и подумал – «тело» – потому что очень уж безжизненно полупадал-полуоседал азартный охотник.

Кое-как Джордж оттащил его от эскалатора и оглянулся. Сверху больше никто не спускался, а устремившаяся вниз, на первый этаж к выходам, публика решительно удалялась. Ни один человек не обернулся. Джордж посмотрел на повисшего у него на руках незнакомца. Глаза у того были закрыты, голова завалилась набок. Джордж растерялся и не знал, что делать дальше. Кроме того, этот небольшой человек оказался весьма тяжелым, а положить его на затоптанный и холодный мраморный пол он не решался.

Переждав, пока уgomонится скачущее от неожиданности и испуга сердце, Джордж решил, что придется кричать: нужно срочно вызывать врача, а оставить больного он не может.

– Помогите! – наконец, решившись, закричал он, и – после паузы – еще раз: – Помогите! Человеку плохо!

Джордж завертел головой и увидел метнувшуюся куда-то вбок фигуру. Он совсем растерялся: утром, на Автобусной Станции, оказаться одному с умирающим на руках! Никакие его моральные принципы почему-то не предусматривали подобной ситуации. И еще: у него ужасно устали руки. Он медленно опустился на мраморный пол и положил седую голову к себе на колени. И сразу сообразил, что вот-вот подойдет еще один автобус, и на эскалаторе появятся вновь прибывшие.

Действительно, почти тут же он увидел опускающуюся к нему фигуру. Удивительно, но это была та самая учительница, которая улыбалась ему в автобусе. Она и сейчас улыбнулась, но тут же, заметив лежащего у него на коленях человека, нахмурилась и решительно двинулась к Джорджу.

– Он, кажется умирает. Пожалуйста, позвоните в скорую! Немедленно!

Учительница неторопливо осмотрелась, повернулась к Джорджу и сказала:

– Спокойно, я врач. Сейчас мы попробуем ему помочь. Будьте добры, приподнимите его повыше.

Она взяла вялую руку, пощупала пульс, потом приподняла веко и покачала головой. Джорджу стало совсем нехорошо: неужели этот человек умер оттого, что он растерялся и не смог оказать ему помощь?

– Да не волнуйтесь вы так! Думаю, все будет в порядке. Нужно только положить его куда-нибудь.

– А скорая? Его, наверное, надо поскорее в госпиталь...

– Ничего ему сейчас не нужно. Давайте, я вам помогу, оттащим его вон туда в угол, под лестницу.

Джордж не понял, что она имеет в виду. Он что, уже умер? Тогда, тем более, нужно скорее вызвать... Но спросить эту строгую, уверенную в себе женщину он не решился. Ему захотелось побыстрее отсюда уйти. Поэтому он безропотно подхватил «дядечку» под мышки, и они вдвоем проволокли его задом по скользкому полу под лестницу. Там учительница прислонила вялое тело спиной к стене.

– Ну вот, – сказала она, пристраивая голову поровнее, – вот и молодец! Ведь правда же, его можно принять за спящего? Ну что вы перепугались? Ничего страшного тут нет. И вообще – идите теперь. Вы же, вероятно, опаздываете на работу. А о дальнейшем я сама позабочусь.

Джордж благодарно кивнул и попытался встать. Но рука мертвого почему-то держала его цепко. Ему стало противно.

– Послушайте, он меня не отпускает! – взмолился Джордж, снизу вверх глядя на женщину. – Отцепите его от меня, пожалуйста!

– А-а, это иногда случается! Вы не волнуйтесь. Сейчас я вам помогу. – Она зашла Джорджу за спину, наклонилась и высвободила из ужасных объятий. – Это потому, – загадочным тоном сказала она, – что все делается неправильно. Протяните-ка мне вашу руку.

Джордж механически подчинился.

– Молодец! А теперь – вот так!

Джордж не понял, как это произошло – и никак не ожидал, что такое вообще может случиться: строгая учительница ловко, как заправский полицейский, выхватила откуда-то блестящие браслеты; щелчок – и он оказался прикован наручниками к

покойнику. Рука к руке! Учительница снова широко и мило улыбнулась, поправила старомодную прическу и, ни слова не говоря, быстро скрылась из виду.

Как, я вас спрашиваю, должен поступить в этом случае зрелый человек?! Джордж не был готов к подобному! Ему даже не было страшно, он просто не понимал, что ему следует делать и как освободиться от трупа! Он посмотрел на наручники.

Никелированная сталь холодно хирургически блестела. И ни одной живой души вокруг! Он даже не пытался кричать. Просто сел рядом с покойником, прислонившись к скользкой стене. Он хотел устроиться поудобнее на жестком полу, неловко дернул рукой в наручнике и тут же испугался, что сейчас умерший начнет на него заваливаться. Но тот не торопился падать. Даже наоборот: голова больше не свешивалась так страшно на бок, а держалась совсем прямо. И еще Джорджу показалось, что покойник слегка пошевелил пальцами. Может быть он не умер?! Джордж крутанулся, вскочил на колени и заглянул «дядечке» в лицо. На него смотрели вполне живые, осмысленные и насмешливые глаза.

Наверное, в этот момент Джорджу полагалось испугаться до полусмерти. Но он только обрадовался. Человек не умер, и это снимало с него отвратительную ответственность за чужую жизнь; да и сидеть прикованным к живому намного приятнее! И если это только обморок, то они сейчас поднимутся и пойдут туда, к людям, к полицейским...

– Как... как вы себя чувствуете? – ему было трудно говорить, в горле противно запершило. – Вы меня слышите?

– Разумеется, я вас слышу. У меня вообще прекрасный слух. Это – наследственное. Даже мой отец – а ему восемьдесят семь – и тот не жалуется на слух. Хотя, вообще-то, он жалуется постоянно. Возможно, я бы отдал его в дом престарелых, но, знаете, когда самому за шестьдесят... начинаешь понимать, каково ему там будет... Это в молодости не задумываешься о таком. Что вы так удивленно на меня смотрите? Ах да! Эти наручники! Не волнуйтесь, ключи где-то у меня в кармане. Вы уж извините, что мы вас немного напугали. Мне, например, пришлось пожертвовать своим костюмом. Чего стоят мои брюки после того, как вы вытерли ими пол? Что поделаешь, это необходимая плата за удовольствие спокойно и не торопясь побеседовать с вами.

Джордж чувствовал себя окончательно сбитым с толку. Он смотрел на ожившего говорливого «дядечку», не ощущая ни холодного пола, ни впившегося в руку стального браслета. Чувствовалась только какая-то странная обида на самого себя, несильная, но назойливая. Хотя, вообще-то он понимал, что следовало бы вскочить, может быть возмутиться, сделать еще что-то, соответствующее моменту... Но он был слишком ошеломлен. Да и не очень соображал, что, собственно, этому моменту соответствовало.

– Я понимаю, вы удивлены и напуганы. Это ничего, это нормальная реакция. Согласитесь, у меня не было выбора: вы бы не стали меня слушать просто так. Помните, я подошел к вам со своей охотничьей байкой? Вы уже на третьем предложении замкнулись, заторопились, и дальше никакого контакта у нас бы не получилось. Естественным образом. А так мы можем побеседовать не торопясь, без толкотни, в полной уверенности, что никто нам не помешает. Вас, наверное, удивляет, что вокруг совершенно безлюдно. Ничего мистического. Просто маленькая военная хитрость. Моя помощница, с которой вы уже знакомы – замечательный человек, между прочим – успела перегородить вход на эскалатор – там, наверху – желтой полицейской лентой. Устоявшиеся стереотипы работают великолепно, как видите. Народ из автобусов кинулся вперед, к следующему эскалатору. Ни времени, ни желания выяснять, что же

там случилось, ни у кого нет. И вот пожалуйста: мы с вами одни в этом конце зала. Думаю, полчаса у нас есть, как минимум. Да вы не пугайтесь, я не собираюсь держать вас здесь долго. Тем более, прикованным к себе.

Так вот – я экспериментатор. Прикладная психология. Но, честно вам признаюсь, я не профессионал. То есть, понимаете ли, всерьез стал заниматься психологией, только выйдя на пенсию. Хотя, должен вам сказать, моя работа была вплотную связана с этой наукой, и именно в ее прикладной части. Вы, наверное, слышали, на чем строится работа психолога: на результатах опросов. Дают вам листок бумаги с сотней вопросов и просят предельно честно на них ответить. А потом сидят психологи над этими ответами, чешут затылки и размышляют, насколько искренне вы ответили на вопрос «не возникает ли у вас порой желание стать суперменом» или «вступали ли вы в гомосексуальные контакты»! Но даже если в этот момент вы и были предельно откровенны, то следует еще сделать скидку на то, что в какой-то другой ситуации ваш искренний ответ мог быть совершенно другим. Ну и, соответственно, результаты исследований весьма приблизительны. А мне, в моей работе, такая приблизительность совершенно не годилась. Но и заняться собственными исследованиями не хватало времени. А вот вышел на пенсию, времени стало больше, ну и...

Он приостановился, посмотрел на Джорджа внимательно и любовно, как рыболов на неожиданно большую рыбку у себя на крючке. Джорджу очень не понравился этот взгляд. Он отвел глаза и подумал, что надо взять себя в руки и, потребовав ключи он наручников, побыстрее уйти. Чего он боится? И потом, у него же есть мобильный телефон. Стоит ему только позвонить... Он полез в карман за телефоном и напоролся на хитрую улыбку.

– Наконец-то вы вспомнили о своем телефоне. Очень удобная штука. Но не здесь. Имею в виду именно этот угол. Я ведь не случайно именно сюда вас заманил. Над нами проходит мощная несущая балка. И закрывает нас от радиосигналов. Увы, чтобы позвонить, вам придется добраться до другого конца зала. Да не дергайтесь вы так! Я же сказал, что ключи у меня в кармане. Еще чуть-чуть, и вы пойдете на работу. Так будет значительно быстрее, поверьте! Но то, что вы все-таки вспомнили, что в вашем кармане лежит средство связи, идет вам в зачет. Хотя, конечно, могли вспомнить сразу же, когда я упал. Тогда бы вы прошли тест полностью – в каком-то смысле, конечно – и уже сидели бы в своем офисе. Но вы растерялись, я понимаю. Ну что ж, пойдём дальше. Кстати, для вашего утешения: вы получаете совершенно бесплатный сеанс психоанализа. Так вот. Отвлечитесь на время от своих переживаний и постарайтесь взглянуть на все происходящее со стороны. Пользуясь нехитрым приемом, я фактически похитил вас. Только не сокрушайтесь: практически любой человек на вашем месте попался бы в эту ловушку. Неожиданность, во-первых, а самое главное – ситуация, в которой вы оказались, совершенно выбивается из ряда стереотипных событий. То есть вы более или менее представляете, как вести себя даже в случае ограбления, например. Иными словами – в столкновении с человеком или людьми, ведущими себя агрессивно, назойливо или даже просто несправедливо, вы выбираете кажущуюся вам разумной линию поведения. Достаточно просто представить себе причины, побуждающие его или их к действию. Но, как только совершается что-то выходящее за рамки рационального... Вас, например, пристегнули к покойнику. Не имея возможности ответить на вопрос «зачем», вы теряетесь, впадаете в ступор и...

Все это я изложил только для того, чтобы вы мне доверились. Чистый эксперимент – не более того. Теперь давайте поговорим о вас. Всего пара вопросов. Может быть несколько неожиданных. Любит ли вас ваша жена?

Джордж вспыхнул. Он не собирался отвечать на дурацкие вопросы. Кроме того, он хотел потребовать немедленного освобождения. Сейчас же! Но «дядечка» не дал ему открыть рта. Он говорил не торопясь, но, в то же время, напористо, подавляя еще неокрепшую волю Джорджа.

– Вот видите, простой вопрос, а вы уже собрались возмутиться! И, если бы не наручники... Послушайте, не стройте из себя невинную жертву! Это глупо и совершенно несправедливо. Но, судя по тому, как вы дернули головой, можно сделать вывод, что с женой у вас не все в порядке. А отсюда следует, что, будучи нормальным здоровым мужчиной, вы остаетесь в офисе допоздна с... м-м... С секретаршей? Или ваша связь не имеет отношения к работе? Да нет, вы слишком занятой человек, судя по хорошему костюму и заколке в галстук.

«Дядечка» вздрогнул и замер на полуслове, потому что Джордж громко расхохотался. Он и сам был удивлен своему смеху, но удержаться не мог. Этот доморощенный психолог даже представить себе не мог, насколько не угадал с выводами! У него – любовница! Никогда и ни с кем не обсуждал Джордж свою интимную жизнь. Ни разу за все десять лет супружества не обмолвился и словом, даже подвыпив, даже в компании приятелей. Кому, спрашивается, он мог рассказать об отношениях с женой?! Десять лет носить это в себе, а сейчас еще быть заподозренным в супружеской неверности! Ну хорошо! Этот долбанный говорун сейчас распространялся о вещах, выходящих за рамки рационального, об элементе неожиданности? Прекрасно! Будет и ему неожиданность!

Джордж оборвал смех и сказал торопясь, чувствуя, что инициатива может ускользнуть от него:

– Вы угодили пальцем в небо! Я никогда, понимаете, н и к о г д а не спал с женщинами! Включая мою собственную жену! И это при том, что вы точно заметили: я вполне здоровый мужчина! И не гомосексуалист! А вы говорите – секретарша!..

Он старался, чтобы это прозвучало надменно и издевательски, ну, в крайнем случае, горько. Но получилось издевательски только по отношению к самому себе: навзрыд, почти в истерике. Джордж не понимал, как могло случиться, что вслед за брошенными фразами из него вырвется вся его история, вырвется в первый раз в жизни, со всеми подробностями и унижительными деталями. Ну и что? Ну и пусть! Должен же он хоть раз кому-нибудь это выложить! А этот, сам напросившийся на откровения чужак, даже лучше других: они не знакомы, и вряд ли еще когда-нибудь увидятся. И сейчас, на грязном полу Автобусной Станции – и время, и место для его рассказа. А все принципы подождут!

«Дядечка» слушал его, слегка округлив глаза и покачивая головой. Когда Джордж закончил (что удалось ему не сразу: в какой-то момент он почувствовал, что повторяется, сбивается и словно смакует детали), его слушатель достал маленький ключик, разомкнул стальные полукружья наручников и спрятал суровую игрушку в карман.

– Да, – сказал «дядечка», помолчав, – пожалуйста, извините меня за эти идиотские наручники! Вы – серьезный противник.

– Почему противник? Вы что, мне не верите?

– Да нет, в том-то и дело, что верю. Такое трудно придумать, особенно про себя. Но – вы меня, кажется, переиграли. Воистину: чужая душа – потемки! А я-то, признаюсь, хотел соригинальничать, поиграть. Вот что значит непрофессионал! Ожидал расколоть обычного тривиального служащего, у которого самое большое приключение в жизни – сезонные билеты на футбол. Реакции понятны, поведение более или менее предсказуемо. А вы...

Джордж не понимал, что именно поразило «дядечку» в его рассказе. Его положение, вызывающее естественное мужское сочувствие, или то, что он неожиданно не оказался тривиальным служащим? Но тут же его логика, выкованная и закаленная в многолетней работе с людьми, указала на некоторую нестыковку. Джордж почувствовал себя уверенней. Он поднялся на ноги, попытался отряхнуть штанины, и не удержался:

– Вы правильно поняли. У меня непросто сложилась жизнь и сделала меня другим человеком, наверное. Но, если вы и так знаете психологию среднего служащего, зачем надевать на него наручники и пугать трупом? Что нового, кроме обычного испуга, вы хотели увидеть?

– Повторяю, вы серьезный противник. Приперли меня к стене. Ладно уж, признаюсь! Мне хотелось побеседовать именно с вами. Почему? Это длинная история. Совершенно безобидная для вас, впрочем. А все мой старик-отец. Я говорил вам, ему восемьдесят семь лет: он плохо ходит, но прекрасно соображает. И мне приходится чем-то его занимать целый день, пока я работаю. А приходящих домой нянечек он терпеть не может – выгоняет через час. Вот я и установил у него в комнате большой телескоп. Чтобы старик мог хотя бы наблюдать за жизнью со стороны. Это ему страшно понравилось. Его теперь не оторвешь от телескопа. Но наблюдает он, увы, не звезды. Честно говоря, просто подглядывает в окна. А так как телескоп мощный, то он может заглядывать в очень далекие окна. Только не подумайте, что впавший в маразм старик следит за раздевающимися красотками! Впрочем, не исключено. Но главное не в этом. Он много лет руководил людьми, правда, это было в другом месте и в другой ситуации, но тем не менее. И вот с тех самых пор его ужасно интересует, как ведут себя служащие, когда их не видит начальство. Это превратилось в какой-то пунктик. Сам-то он был начальником! Понимаете? Вот он и стал наблюдать за вами. День за днем. У него там какие-то свои выводы получились. Но кое-что из того, чем он со мной поделился, меня заинтересовало. Никаких ужасных тайн, честное слово! Так – мелочи поведения. Зачем я буду вам о вас же рассказывать? Ну вот, вкратце и все объяснение.

Джорджу стало нехорошо. Он почувствовал, что сейчас расплывется от бессилия перед этим непроницаемо корректным наглецом. Что он должен сделать? Возмутиться? Вместо этого Джордж почему-то представил себе свой стол и кресло, то, как они повернуты боком к окну, и что, в принципе, мог увидеть этот старик. Многие мог! Это ужасно и унижительно! При этом он понимал, что глупо тащить этого типа в полицию и, вообще, совершенно невозможно ничего предпринять!

– Но, чтобы вы не считали меня совсем уж неудачным психологом, или, чего доброго, шантажистом, – продолжил «дядечка» после понимающей паузы, – обращаю ваше внимание на любопытный факт: до нашего с вами разговора, вернее – до вашего признания – первого в жизни, как я понимаю – вы сами считали, что происходящее с вами позорно и унижительно. А сейчас вы говорите об этом с гордостью. Заметили – вы сказали, что это сделало вас другим человеком? Я, вместо того, чтобы пожалеть вас, удачно подкинул идею, что вы таким образом выделяетесь из толпы. Верно? Но это не все. Ведь то, что вы рассказали, согласитесь, ваша точка зрения на происходящее. Я

говорю не о том, что вы смотрите на все как бы изнутри. Иначе и не получится. Просто есть еще один человек, чья жизнь за последние десять лет сильно изменилась – ваша жена. Хотите, я проанализирую ее положение?

– Послушайте, хватает и того, что я сам себе могу представить! Хотя, должен вам сказать, что моя жена... она...

– Нет, из вас не получится хорошего охотника. Недостаток терпения! Вы решили, что сейчас я распишу, как ваша жена, истомленная нехваткой мужской ласки, наставляет вам рога? А, кстати, вы никогда не задумывались, почему она этого не делает? Да, ладно, оставим это! Я упомянул о вашей жене только для того, чтобы сделать вам небольшое признание: меня заинтересовала вся эта история. А так как в ней принимает участие и ваша жена, то я подумал, что, прежде чем отказываться от моей помощи, вам нужно учесть, что таким образом вы отказываете в помощи и ей. А имеете ли вы на это право?

– Ни я, ни моя жена в вашей помощи не нуждаемся! Да вы что, с ума сошли? Мы полгода бегали по идиотам-врачам! И вообще, с какой стати вы вмешиваетесь в мою жизнь? Вы и так уж достаточно... И как, по вашему мнению, нам можно помочь? Пристегнуть наручниками к очередному фальшивому покойнику? Вы и представить себе не можете, что бы было, если бы вы попробовали сыграть такую шутку с моей женой! Я, конечно, растерялся в первый момент, но это же понятно – когда человеку нужна помощь... Но Бет... С ней бы у вас ничего не получилось! В лучшем случае, вы оказались бы в полиции еще до того, как «пришли в себя»!

– Да-да-да, вы безусловно правы! Разве я спорю? Только почему вы так уверены, что ваша жена не растерялась бы в необычной ситуации? Просто потому, что знаете ее десять лет? А случалось ли за это время то, что мы называем «форс-мажор»? Чрезвычайные положения, пожары, хотя бы аварии? Ну вот, видите! У меня есть замечательное предложение: давайте поэкспериментируем с вашей женой. Устроим и ей маленький и совершенно безобидный «форс-мажор»...

Вот теперь Джордж возмутился по-настоящему. Одно дело – самому попасть в дурацкое положение, да еще и рассказать о своих проблемах! Но предлагать ему стать соучастником «эксперимента» над Бет!... Он потряс рукой с все еще покрасневшим от наручников запястьем, грозно посмотрел на густую седину и развернулся, чтобы уйти. Говорить было не о чем!

– Ну что ж, – услышал он, – не хотите, так и не надо. Хотя вы упускаете великолепную возможность взглянуть на свою жену со стороны в момент «форс-мажора». Неужели не любопытно? Обещаю, что все будет совершенно невинно. Ну и, кроме того, если вы отказываетесь, то что ж... Придется провести эксперимент без вашего участия.

Джордж медленно повернулся и пошел на «дядечку».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Почему Кэт стала полицейской? Хороший вопросик! Ну почему? Вообще-то, она и сама не знала почему. Конечно, если подумать, можно сказать, что она посредственно окончила школу, денег на колледж у матери не было, в продавщицы идти не хотелось. А полицейская Академия... Даже произносить приятно – Академия! Ну и потом: женщине в полиции хорошо! Во-первых, кругом мужики. Она не то чтобы озабоченная. Просто –

ей и смена получше и, если что, ругают поменьше. Это сейчас женщин в полиции стало много, а когда Кэт только начинала, так она в своем сто двадцать третьем участке была единственной. Вся транспортная полиция завидовала ее участку «Раз-два-три»! Правда, замуж она так и не вышла. Мужики, с которыми она работала, в основном, были женаты, а молодые где-то на стороне баб находили. Ну она и сейчас еще – очень даже ничего! Вон только волю дай, пол-отделения постарается затащить ее в постель! Проверено. Только зачем?

Это когда из Академии пришла, совсем глупая была: на детектива одного, с бешеными глазами, посматривала. Он потом перевелся куда-то. В ФБР, кажется. Хоть и не молодой был, но с ним бы она пошла, конечно. Даже и не замуж. Но он особо на Кэт не заглядывался, так, по работе только разговаривал. Да теперь уж... Особенно после того, как она к работе пристрастилась. По-настоящему. С ней даже как-то психолог беседовал. Вроде и свои кругом ребята, а кто-то стукнул. Сука какая-то! Ерунда, конечно: поговорил с ней психолог этот, да и все, только со смены на час оторвал. Просто неприятно, что свои же стучат! Ведь, если что, под пули вместе идти. А все только потому, что она работу свою любит и исполняет аккуратно. Не то что эти раздолбай-мужики!

Сначала, после Академии, она робела немного, да и службу не совсем понимала. Да и вообще – молодая была. Она тогда еще в метро работала, на станции «Легсингтон-пятьдесят третья». Так даже бродягам обдолбанным говорила «извините» и «сэр»! Ну а потом, когда это случилось... Противно вспоминать, даже сейчас! И главное – в первую же неделю, как вышла на службу.

В тот день с утра народу на станции было – как на параде святого Патрика. В часы пик всегда так, да только она раньше, когда не была полицейской, этого не замечала. Ну народ и народ. Пихаются только. А в первую свою смену – просто растерялась. Вдруг случится что-нибудь, паника начнется. Как тогда быть? Она одна на платформе. Напарник на другом конце, в подсобке кофе пьет. А одной страшно. Кэт тогда бегом к нему побежала, дурочка. А напарник был опытный, двадцать лет уже в полиции. Усмехнулся, кофе допил и говорит:

– Ты, Кэтти, главное, инструкции выполняй. Тогда все просто. А чтобы не путаться, делай себе в блокнотик пометки. Обошла станцию разок – пометь. Безбилетника задержала – молодец, подчеркни. Все по инструкции. Их не дураки писали. Так и действуй: сделала – пометила, сделала-пометила! Вот смена и пройдет. А потом привыкнешь, не ты первая.

Ну, по инструкции, так по инструкции! Она и стала себе подчеркивать: «станцию обошла», «у турникета отстояла». И действительно – удобно. Она это сразу почувствовала. Очень это приятно – отмечать сделанное! Очень! А потом, в конце смены, посмотришь в блокнот, сколько подчеркнуто – и аж мурашки по коже! Вот это служба! Не зря она в полицию пошла!

Ну а потом, через полгода, когда она уже привыкать начала, э т о и случилось. Она с утра поняла: что-то будет. День выдался отвратительный. Как вскочила – почувствовала: «дела» начались. Потом чуть не опоздала на развод. А опаздывать она совершенно не приучена! Но утро прошло, вроде ничего. Толпа, обычная для часа пик, схлынула, все нормально. Она вышла на платформу «Пятьдесят третья авеню» точно по своему расписанию. И сразу увидела «этого». Ну, обычный тип из дурки. Они, когда полицейских видят, стараются поскорее слинять. Этот Кэт не заметил. Что-то себе под нос бормотал или пел. А потом к мужику прицепился: денег просил или так, просто. Ну,

сейчас мужик, как обычно, в сторону отойдет. Но мужик почему-то не ушел, а этого психа рукой толкнул. Кэт уже тогда поняла: плохо! И заторопилась. Тем временем псих мужика оставил и пошел себе по платформе. Она даже подумала, что, может, и пронесет. Но не пронесло. Псих остановился шагах в двух от женщины. Молодой такой женщины, может, ровесницы Кэт. Но как она была одета! Даже не из «Блумингдейлса», а покрусче. Хотя на «Пятьдесят третьей» таких полно. Им-то с утра на службу не надо!

И тут из тоннеля показался поезд. Машинист, видно, тоже что-то почувствовал: гуднул пару раз и тормозит потихоньку. А когда головной вагон перегнал Кэт и почти поравнялся с той женщиной, псих вдруг прыгнул к ней и толчком ее – на рельсы... Машинист еще раз успел гуднуть. Да толку то! Он и так уже на полном тормозе шел. Так женщину и накрыл. Кэт хорошо запомнила: машинист весь позеленел, челюсть отвалилась, вцепился в ручку... Так и наехал.

Когда Кэт до психа, который остался стоять на месте, добежала, она даже запах духов успела почувствовать. Той, которую толкнули, конечно. От психа-то воняло... обосрался от любопытства, что ли. Вот тогда это и началось. Ну, конечно, первый случай такой для Кэт. Ужасно! Ответственно! Это уже не музыканта с платформы шугануть или воришку! Смертельный исход – это очень серьезно. Тут и проверить могут. Нужно, что б все точно по инструкции. У Кэт тогда даже настроение поднялось: вот оно настоящее! Хотя психа обосранного задерживать – не самое приятное. Ну, она не одна была. Четко в матюгальник напарника вызвала. Станцию оцепили. Санитары приехали. Что осталось от той несчастной, собрали. Начальство появилось. В общем, часа три Кэт вертелась по платформе как надо! И только запах тех духов почему-то держался в носу... А к концу смены села в закутке и сообразила, что в суматохе забыла, дуреха: пунктики-то в блокноте не помеченные. Ну и села черкать. И все четко, по инструкции получилось! Хотя, пунктиков сегодня было втрое больше, чем обычно! Подчеркнула она последний. Еще раз подчеркнула, вспомнила запах духов, который весь день ее преследовал, ну и... Как бы это сказать? То ли прокладку она впопыхах не так положила, то ли – общее возбуждение... В общем, накатило на нее. Аж потом прошибло! У самой так никогда не получалось. Ни разу! И сразу – голова легкая, в глазах слезы, тело ватное, а мужики какими-то муравьями показались! Отвратительными муравьями!

Кто-то, может быть, и посмеется, но Кэт уже тогда поняла, что это серьезно. Только не в том, в чем мудак-психолог ее подозревал! А просто – вот она, ее работа, а вот жизнь. И вот как они, оказывается, переплелись... Ее чуть еще раз не прошибло, когда поняла. Да так, наверное, и должно быть!

А потом – снова ежедневная рутина. Обходы платформ, потом к турникетам, потом наружу. И дрожь, которая поначалу была, начала потихоньку исчезать. Да что же это? Ну, она понимала, что не может каждый день что-нибудь особенное случаться. Но ей-то каково? И мужики, муравьи несчастные, вокруг ползают, а тот, с бешеными глазами, так и вовсе исчез. Да и все равно – тоже муравей! Она даже уволиться из полиции хотела. Да куда теперь денешься? Ходила и ходила на службу, как заводная кукла. А когда оказывалась на той платформе, все время запах духов – тех самых – слышала. Да только этого было недостаточно. Потом, однажды, она опять почувствовала эти духи. Только теперь это было не в воображении, а на самом деле. И почти на том же самом месте! У Кэт даже живот схватило от неожиданности. Она обернулась и точно: от старухи пахнет. Обычная такая бабулька, ничего особенного. Но этот запах! И точно от нее пахнет: вокруг и народу-то почти нет. Кэт уставилась на

старуху как ненормальная. А та назвала Кэт, как положено, «офицером» и объяснила, что духи сын к семидесятилетию подарил. Правда славные? И дорогие! Тут поезд из тоннеля показался. Кэт честно не поняла, что это с ней: тряхнуть не тряхнуло, а как будто – дубинкой под коленки! А эта, сука старая, лыбится и лыбится!

Кэт еле ушла тогда. Еще хорошо, что матюгальник зашипел: напарник ее разыскивал, что-то ему помешало кофе пить. Дальше, как нарочно: через несколько дней, опять – духи, только теперь от толстухи-пуэрториканки пахло. Кэт не поверила, подошла поближе: точно от нее! Странная тогда началась жизнь. Теперь уже каждый день от кого-то на платформе теми самыми духами несло!

Ну а потом, когда Кэт совсем допекло, случилось так, что от мужика запах исходил! Развязный такой детина, и морда эковская. Она потом по ориентировке проверяла, да не нашла: не был он в розыске. Когда она на него уставилась, он, гад, что-то, кажется, понял. И на платформе ни души! А у нее, как назло, опять «дела» – даже на работу идти не хотела – первый день. Он ее ручищей хватать – и плевать ему, что у нее пистолет! И про нападение на полицейского тоже не подумал, скотина! По глазам видела! За грудь ее схватил. И запах духов сильный. Конечно, она ошалела. Тут поезд появился, тормозит. И духи! И рожа подлая! И первый день!

Потом точно установили: нападение на работника полиции. Ну, понятно, она боролась. Толкнула его, а он почти на краю платформы стоял. Ну и... Накрыло его, как и ту, первую. И физиономия у машиниста была такая же испуганная. Только машинист другой. Кэт в этот раз участия во всей суеде не принимала: на нее накатило прямо там, как только поезд остановился. Трясло и трясло! Так даже в первый раз не было. Начальник ее рукой приобнял, говорит что-то, успокоить пытается. А ее все трясет! Может, потому, что в этот раз мужик был? Когда закончилось, сообразила, что ее отпустили со смены домой. Как она плыла надо всеми! Как будто воздушных шариков наглоталась!

А вот после следующего случая кто-то ее и сдал начальству. Ну сделать-то ничего не могли и потому вызвали психолога. Посчитали, что с ней что-то не так. А что не так? Была бы виновата, так посадили бы – или уж со службы погнали! Тот мальчишка на самом краю стоял, когда поезд подходил. Она только хотела его отодвинуть, для безопасности. Кто ж знал, что он дернется, испугается? И, главное, духами опять та-а-ак пахло!.. У нее тогда не было прокладки, и поэтому протекло даже на форменные брюки. Заметно. Эти идиоты решили, что она со страху описалась! И отправили к психологу. Точно – кто-то настучал!

Этот психолог, конечно, себе на уме. Но и она не дура! Хотя как-то он у нее про эти духи вытянул. Правда, ничего не понял, умник! Это, говорит, типичный случай... а дальше посыпал словами, которые у себя в Гарварде заучил. И получалось, что так на нее повлиял тот первый случай, что теперь нервное расстройство у нее – и обонятельные галлюцинации. Ну и ладно! Вы, говорит, название этих духов знаете? Нет? Ну, пойдите в хороший магазин, найдете. И постарайтесь к ним привыкнуть. Кэт головой ему покивала, а про себя послала подальше. Но через пару дней подумала, что, может, он и прав. Целый день она по магазинам протаскалась! Да еще в форме. Думала, что так удобней узнать запах. Но не нашла. И сама, глупая, испугалась. А тут, еще через недельку, ее к начальнику вызывают. Сначала, как обычно, то да се. Потом этот козел и говорит, что решили они ее перевести. Ну, перевод – дело обычное, всех со станции на станцию бросают время от времени. Но ее-то, оказывается, почему-то переводят от метро подальше, На Автобусную Станцию. И пошел расписывать, как они без нее

скучать будут, и какой она хороший работник. Ну понятно – дрочить в карман не на кого козлам будет! А на Станции, дескать, работать удобней: там свое отделение, и, значит, всегда есть подмога. Да и вообще – нервных нагрузок меньше. Это он, гад, на случаи ее намекал!

В полиции, как и в армии – свои плюсы, но и свои минусы. Переводят – не вякай, так положено. Кэт службу хорошо знала. Автобусная, так Автобусная. Только вот противно, что как бы с умыслом перевод получается. Ну да ладно, перевелась.

Странно ей было в первые дни. Очень странно. Вроде бы и толпа такая же в час пик – Станция-то огромная, раз в десять больше, чем ее «Легсингтон-пятьдесят третья» – а ощущения совсем не те. Хотя муравьи эти – мужики – и тут вокруг нее копошились. Ну, может не совсем уж так – у них из Академии, из нового выпуска, еще две девки работали. Хотя так себе девки – зассыхи! И загрустила Кэт. Но службу, как всегда, несла четко. Блокнотик забросила – что толку? Никакого удовольствия. А тут послали ее на ежегодный зачет по стрельбе. И опять день отвратительный был! Зачет-то она получила. Еще в Академии лучше всех стреляла. Но вот потом, когда револьвер чистить стала... Ну, наваждение какое-то! В отделении специальный сержант-оружейник пистолеты чистит. А тут... Пахнет ружейная смазка теми духами – и все! Кэт ее на ершик накладывает через силу, а потом в ствол и – туда-сюда, вверх-вниз. А в стволе хлюпает! И запах уже не носом, а прямо мозгами чувствуется! Ну вот. А инструктором по стрельбе баба оказалась. Смотрит на Кэт, усмехается. Так и грохнула бы, суку!

Дальше все как обычно понеслось. Освоилась Кэт с Автобусной Станцией, все закоулки уже знала. И кто из бездомных где спит. И кто на что способен. Даже несколько задержаний у нее на счету. Правда, удивились мужики, когда она парнишку под пистолетом в отделение конвоировала. Парнишка из дому убежал, мыкался на Станции, родители разыскивали. Вот она и привела! Тогда как раз поменяли транспортной полиции револьверы на скорострельные пистолеты – с ними все игрались, не привыкли еще. Когда совсем уж немоготу, Кэт стала делать проще: зайдет куда-нибудь подальше в закоулок, достанет пистолет, выщелкнет обойму, ну и... Хотя, запах не совсем тот: перешибает что-то. Вроде бы и духи, да не совсем. Накатывать – совсем не накатывало. Ознобчик по телу пройдет – и все. И запах из памяти испаряться стал. Не может она его вспомнить! И смазка оружейная больше не работала. Смазка как смазка. Ею и пахнет. Не любит Кэт по магазинам ходить, но тут... все, которые парфюмерией торгуют, обошла. Ха, обошла! Обползала, обнюхала! Даже на смену пару раз опоздала! И в толпе, в метро, как сумасшедшая носом сопела: вдруг хоть от кого-нибудь... Как ищейка! Нелегко ей было.

В отделении за ее спиной пошепывали. Видно эти, из «Раз-два-три», что-то стукнули. Но придраться не к чему: образцовый офицер. Проколов, взысканий – ноль. А что еще надо начальству? Ну и плевать!

Потом, опять в плохой день, получилась история... Вышла она с обходом на улицу. Зима была, холод, темень – часов десять вечера. Бездомные, как обычно, по углам жмутся. А в проулке между двумя корпусами – там, где сорок первая улица обрывается – их особенно много. Кэт бездомных не трогала: куда их гнать? Но тут смотрит: в нишке что-то странное происходит. Она поближе подошла: стоны из-под рвани несутся, ворочается кто-то. Достала фонарик – вдруг мочат кого-то, с этих психов станется. Ну и пистолет, конечно из кобуры достала. А когда поняла, что не мочат, то уже поздно было: запах духов такой, что можно задохнуться! Вот он – запах! Она и забыла, какой он. Сколько времени прошло, пока те двое очухались и сообразили, что на

них фонарь направлен, она не поняла. Опять на нее накатило. Так, как давно не было! По-настоящему! Ну а когда врубилась, срань, что на них, кроме фонаря, еще и пистолет наставлен... Лежат, не дергаются, потому что знают по опыту: менты – люди нервные, с ними аккуратно надо, особенно ночью, в переулке... Бабу-то Кэт узнала – так, местная попрошайка, из бывших проституток. А мужик новый какой-то, старый, длинноволосый. Удивительно: гадость же, и вообще, и потому, что грязные, вонючие! Но как-то получилось, что она стояла с пистолетом и фонарем, а они... У них и выбора не было. Кэт не помнила, чтобы она что-то сказала. А может и сказала. И они снова забарахтались! Как ее выкрутило! Она даже потерлась носом о ствол пистолета. И зуб на зуб не попадал. Но потом почему-то стало противно. Морды грязные, бродяжки поганые! Блядство тут развели, гады!

Пистолет сам по себе выстрелил. Она до курка не дотрагивалась! Мужичек-вонючка тут же в угол забился, глаза вылупил и трясется. А вот баба, та уже никуда. Вместо глаза дырка, а под затылком каша. Что же это получается: образцовый офицер убил на дежурстве полусумасшедшую шлюшку? Просто так? Как об этом начальству доложить прикажете? Что она наделала?

Кэт не первый день в полиции, но в тот момент подрастерялась немного. Еще, помнится, огляделась: вокруг-то много бродяг ночует. Но те что, те затихарились, суки. Им только чтобы их не трогали. Не видели ничего, не слышали. Это хорошо. И мужичок, муравей-вонючка, тоже ничего не знает. Аж хрипит, настолько ничего не знает! А может и его... Это потом, когда всякие разборки с собой у нее случались, выходило так, что она чуть было и этого не положила. Но это неправда! Ей противно стало. То ли потому, что по брюкам пятно растеклось, то ли из-за бабы подлой, без глаза. Она бы и так второй раз не выстрелила. Это точно! Но в тот момент услышала голос – сначала не очень знакомый, а потом прислушалась и что-то вспомнилось...

– Молодец, Кэтти, умница! Положи-ка шпалер обратно в кобуру! Умеешь обороняться, настоящий офицер полиции!

Она обернулась, а за спиной стоит он. Почти совсем не изменился, только постарел немного, поседел. Но глаза такие же бешенные. Смотрит на нее и улыбается. А потом говорит, что дело-то пустяковое, он ее, Кэт, прикроет. Это несложно. Да и начальству ЧП на участке совсем не нужно. И гильзу он подобрал, и патрон новый ей найдет, взамен стрелянного. А экспертизу пули, если обнаружится, никто делать не станет: не президента убили. В общем, он подсуется. И мужичок этот – не свидетель: псих, сам себя боится.

Дура она, определенно, дура, но уговорил он ее. Умел уговаривать. Лучше, чем тот умник-психолог. Она сначала подумала, что он с руками ползет или так, словами намерения обнаружит. Но про это он и не заикнулся. Просто, когда машина с его людьми увезла убитую, до локтя дотронулся и предложил немного пройтись. Ну, можно и пройтись. Теперь все равно. Ей главное запах этот не упустить. Она по рации доложила: все в порядке, по периметру прошла, идет кофе попить. Хотя никакого кофе не получилось. Он открыл дверь прямо в этой нише, где все произошло, и повел ее в полутьме по ступенькам. Кэт хорошо знала Станцию, но про эти ходы и не слышала никогда. Забрались они на самый верх, он свет включил, а там – огромный зал, только с очень низким потолком, и кругом блестящие трубы гудят и подрагивают. Это, – говорит он, – вытяжная система Станции, зазор такой между потолком и крышей. Сюда и раньше-то мало кто заходил, а сейчас и подавно.

И пошел всякие байки рассказывать. Кэт даже подумала, что если бы встретились они пораньше, ну, до духов, что ли, то она бы и сама к нему полезла. С руками. Все же – не все они муравьи. А он рассеяно на нее смотрит, улыбается – и рассказывает, рассказывает. Получалось, что он Кэт из виду не упускал. Вернее, после того случая в метро – самого первого. У них в ФБР служба такая есть – за полицией присматривать. К нему бумаги пришли, а фамилия знакомая. Он заинтересовался. И отчет того психолога тоже читал. Только, оказывается, это психиатр был, а не психолог. Да какая Кэт разница! Она уже разозлиться хотела: что это он в ее личную жизнь лезет! Но он сам быстро разговор в сторону увел. Ты, – говорит, – отличный полицейский, начальство тобой очень довольны. А мне от тебя ничего не надо. Только хотел, чтобы тебе служить было интересней. А то, что же: бездомных мочить – так можно и в неприятность вляпаться. Не всегда же он вовремя подвернется. Да и как-то это... неаппетитно. С бездомными по-другому надо, от них польза может быть. И развлечение.

Так ей голову задурил, что она вообще что-либо понимать перестала. Хотела уже уйти на свежий воздух, подышать. Потому что здесь хоть и вентиляция, но дышать не то, чтобы тяжело, а почему-то противно. И запах ее духов здесь теряется. Он что-то, видимо, понял, сам себя оборвал и сказал, что у него есть для нее сюрприз. Подошел к одной из труб и начал громыхать по ней кулаком. Загудело так, что она бы испугалась, да ей было не до того. И сейчас же со всех сторон, из-за труб, начали подниматься люди. Вот тут она точно испугалась бы, да только после этого... ну, «наката», голова совсем пустая и ноги слабые. А испугаться было чего! Люди эти – человек двадцать, а может и тридцать – вставали из-за труб, как мертвецы из могил, и двигались к ним. Совершенно голые – и мужики, и бабы! А морды у них были... Не объяснить даже. Не загипнотизированные, а такие, как будто они все вместе идут в темноте и прислушиваются к какому-то им одним слышному шепотку. А шепоток удаляется, и они вынуждены идти вперед, чтобы все-таки слышать... Страшные морды! Правда, Кэт почти сразу узнала кое-кого из этих придурков: не первый день на Станции. Но все равно – жутковато. Шли, и каждый в кулаке что-то сжимал. Да еще и голые совсем. А у мужика – того, что с краю – еще и стоял! Кэт глазами скользнула: надо же, у многих этих козлов стоял! Кэт даже на всякий случай кобуру расстегнула.

Он подождал, пока они вокруг собрались, хлопнул в ладоши, и вся толпа – как по команде – стала этими сжатыми кулаками у себя над головой трясти. Кэт только через секунду поняла, что это. Духи! Вся эта задроченная команда поливала себя ее духами! Быть этого не могло – она же сама не знала, что за духи такие! Запах-то этот психиатр записать на бумажку не мог! Сволочи!

– Ну вот, – говорит он, – ребята хоть и необычные, но резвые. Знаешь, сколько интересного уже сделано с их помощью? Не поверишь! Да ты расслабься! Что это ты такая угрюмая? Ведь не испугали же они тебя, правда? А у нас с тобой дело лучше пойдет. И тебе интересней, и в приказе теперь будут каждый месяц отмечать. К концу года станешь лучшим полицейским города. Ну вот. А теперь слушай.

И начал рассказывать что-то мудреное. А если даже и не мудреное, то у Кэт все равно в голове гудит, как поезд, тот самый... Попробуй сообразить тут хоть что-нибудь, когда вокруг идиоты эти голые, и от всех – духами шибает! Он еще поговорил, потом на нее посмотрел и, видимо, опять что-то сообразил: махнул рукой, и вся его команда куда-то исчезла. Кэт тогда еще подумала: куда же они, голые, пойдут? Да черт с ними! А вот откуда он знает, какие именно ее духи?! А он, как угадал ее мысли, говорит: хочешь, я

покажу тебе, что это за духи такие, которых ты в магазинах найти не могла? Иди-ка сюда!

И повел ее вдоль труб в угол. Она за ним идет – дура-дурой! Как чувствовала, что нехорошо будет. Не так, как надо бы. Открыл он еще одну дверь. А это – выход на балкончик. Железный такой балкончик, маленький, вроде пожарной лестницы. А над ним фонарь здоровый – прожектор, а не фонарь! Весь балкон – как днем освещен. Поэтому она сразу увидела водопроводный кран с раковиной – и удивилась. Для чего на балконе такое? А он подошел поближе к крану, почему-то засуетился, занервничал. И Кэт, глядя на него, тоже задержалась.

– Тут, – говорит он, – маленький фокус получается. Мне даже неловко. Но ты – женщина взрослая, умная, полицейский к тому же. Ты поймешь. Я даже отвернуться могу. Но только нужно, чтобы ты совсем разделась, догола, понимаешь? Очень это важно. Я, может, потом тебе объясню толком. Так что – давай, я отвернулся.

– Ну да, – вяло подумала Кэт, – и этот тоже – муравей нетраханый! Про месячные ему что ли рассказать?

Но зачем-то стала расстегивать ремень и китель. Он, правда, честно отвернулся. Да не в этом же дело! Какая разница, пусть смотрит, раз такой козел оказался! Когда она совсем разделась, форму в угол кинула, то подумала: странно, но не холодно, только ноги жжет. И еще подумала, что все-таки на дежурстве, табельное оружие в углу с одеждой оставлять не следует. Ну а раз не следует – она взяла да и надела на себя ремень с кобурой и дубинкой. Прямо на голое тело!

Он, хоть и действительно стоял спиной к ней, но сразу это увидел и громко захлопал в ладоши:

– Ну, Кэтти, – говорит, – ну, молодец! Сама додумалась до такого! Чувствовал я, что в тебе не ошибся! Получай теперь свои духи!

Он шагнул к раковине – отвратительной, покрытой ржавой слизью раковине – и с трудом повернул бронзовый барашек крана. Кэт вдруг стало зябко и противно. Стоит голая на балконе, да еще этот фонарь на нее светит. Зачем она все это делает? Но тут опять – как будто ее ударили под коленки!.. Крана зашипел, заурчал и наконец... Кэт метнулась к раковине. Она почувствовала, что ремень на ней ожил, кобура зашевелилась, а дубинка, извиваясь, поползла между ног... Из крана текла не вода. Из крана текли те самые духи!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда раздался взрыв, он упал и сразу услышал свист пуль. Крохотная, как складка на одеяле, впадинка почти не защищала его, но зато не мешала видеть темные фигуры, мечущиеся в разные стороны, крутящиеся на месте, оружие и палящие во все вокруг. Это не было похоже на бой, скорее на судорожное самоистребление. Неподалеку двое рослых, с устрашающей раскраской на лицах, боевиков вцепились друг в друга, отбросив оружие. Третий стоял рядом полусогнувшись, наблюдая, взвизгивая и время от времени с хрустом кусая ствол автомата. Потом выплевывал кровавые обломки зубов и визжал еще громче.

– Господи, – подумал он и усмехнулся, потому что уместнее было вспомнить дьявола, – какие мы все дураки! Как мы сами себя ненавидим! Но не хотим признаться в этом и лепим из своей ненависти врагов – таких же дураков, как и мы! Стоит ли бояться умереть, тем самым избавив мир от одного из них?

Он поднялся во весь рост, погладил лохматого Тони, передернул затвор и пошел вперед. Тони задумчиво потрусил за ним, приостанавливаясь, принохиваясь и морщась от пороховой гари. Маккон знал, что, повернув за угол, как всегда, выйдет на сорок вторую улицу; там Тони не придется вздрагивать от выстрелов, и он сможет спокойно погулять. Но за углом никакой улицы не было, и поэтому – от волнения, что пес мучается, и что он сам потерял привычную точку выхода из сна – Маккон проснулся раньше обычного, зашевелился и сразу почувствовал на лице теплый язык: Тони, настоящий Тони, радовался его пробуждению и мягко, но требовательно заявлял свои права на настоящую прогулку.

Маккон давно был убежден в том, что сны совершенно ничего не значат. Но все равно, как всегда после этого сна, ему было не по себе. И потому, что за этим крылось нечто, что он – трезвый человек – считал несуществующим; и еще потому, что ему было просто неловко. Как-то мелочно неловко. Так, как будто он забыл заплатить в киоске за утреннюю газету, а обнаружил это только по возвращении домой. Хотя присвоенный сон – это далеко не утренняя газета! Конечно, покопавшись в себе, он мог бы найти немало успокоительных причин, основательно объясняющих повторение вторгшегося в его подсознание сна.

Отец для Маккона всегда был фигурой скорее загадочной, чем близкой. Вначале, в самом раннем детстве, его появления и исчезновения были непредсказуемы и пугающе нерегулярны. От них в памяти задерживалось только ощущение жесткой материи и смешанные запахи алкоголя, простого одеколona и сигары. Потом он научился предугадывать приезды отца по оживленному волнению матери, горьковатому невниманию к себе в этот момент, по куску шпагата, который он держал, помогая матери выравнять стулья в столовой. Отец был военным человеком.

Став постарше, он удивлялся, что отец уезжает так часто. Мать утверждала, что на войну, но он понимал – знал из сообщений по радио – что никакой войны нет. Зато, когда начались военные действия в Корее, отец долго оставался дома, ходил на службу и кривился, слушая сообщения о передвижении частей и количестве погибших. Даг уже учился в колледже и кое о чем догадывался, но однажды намеренно наивно спросил у отца, почему тот не в Корее. Старший Маккон самодовольно хмыкнул и сказал, что у него есть дела и поважнее, чем сидеть в дурацких болотах.

Дома, в кабинете отца, непонятно зачем так названном, потому что отец не проводил там и часа в неделю, стояла неприметная тумбочка. Так у них назывался невысокий фанерный ящик, приткнувшийся в углу и напоминающий подставку для телефона. Когда Даг полуофициально занял кабинет для своих нужд – домашние задания, чтение, болтовня по телефону – он обнаружил, что и выдвижной ящик, и небольшая дверца тумбочки заперты на ключ. Что там находилось? Секретные документы? Но в рабочем кабинете отца наверняка был сейф. Впрочем, Даг мог только догадываться об отцовской службе. Тот никогда ничего о ней не говорил. Дома не было даже номера его рабочего телефона. Кроме того, кого мог остановить хлипкий замок на фанерной дверце? Наверное, только его, Дага. Оружие? Да нет, отцовский пистолет лежал в верхнем ящике письменного стола, совершенно открыто. Даг им не интересовался, да и сам отец тоже.

Однажды Даг зашел в кабинет в тот момент, когда отец, кряхтя, наклонившись с кресла, копался в своей тумбочке. Он поднял голову, строго и отстраненно посмотрел на Дага. Даг почувствовал, что попал не вовремя и застал отца в момент, когда делать этого не следовало. Он потоптался на пороге, что-то пробормотал и выбежал из кабинета. Ему было неловко; он уже заканчивал второй курс и всюду целовался с девушками. То есть был взрослым человеком, а не мальчишкой.

Через несколько месяцев после похорон матери полковник Маккон снова надолго исчез. Даг остался в доме один. Это было необычно, но хорошо. Он совсем освоился в отцовском кабинете, стал считать его своим и только привычно сторонился загадочной тумбочки. Можно было бы сказать, что она за много лет превратилась для него во что-то запретное, в табу, замучавшее его своей недоступностью, в тайну отцовского бытия. Но нет. У него никогда не возникало искуса как-нибудь открыть ее и посмотреть, что же отец так тщательно от него прячет. Но не из-за отсутствия любопытства. Скорее по той же причине, по которой он не стал бы подглядывать за отцом, моющимся в ванной, например. Кроме того, Даг боялся, что раскрытый секрет сделает отца обыкновенным, лишит его привычного ореола тайны, которым он только и мог объяснить отцовскую отстраненность.

Сейчас, когда прошло уже столько лет, Даг понимал, что – сознательно или нет – выпячивает, укрупняет какие-то детали прошлого, совершенно опуская другие, может быть, более важные. Так, близко поднесенная на пальце к лицу и разглядываемая букашка переключает зрение и делает остальной мир только фоном для столь незначительной твари. Вот и тумбочка с секретом, всплывшая сейчас в памяти, кажется значительным приключением юности, а приключения-то никакого и не было!

Только однажды Даг рассказал про тумбочку своему приятелю. Тот страшно заинтересовался, предложил подобрать ключи, выяснить, что же там хранится, а, заодно, и отыскать ответ на вопрос: чем занимается полковник Маккон. Даг почувствовал, что случайно выставил напоказ что-то очень домашнее и интимное, как будто действительно привел постороннего показывать плещущегося под душем отца. Он послал приятеля подальше и постарался забыть о разговоре.

Когда отец вернулся, то недоверчиво понюхал воздух в кабинете и сообщил, что пару дней назад русские запустили в космос человека. Да! Сообщил так гордо, словно этим человеком был он сам. Это, как и многое другое, звучало странно, и Дагу начинало казаться, что, может быть, отец – мистификатор, что никакой тайны нет, равно как нет и полковника Маккона, а в тумбочке, в лучшем случае, лежат порнографические журналы; отец же – мелкий коммивояжер, бабник и авантюрист. Но как-то раз они с отцом шли по улице Нью-Рашели – маленького городка на границе Нью-Йорка и Коннектикута. Отец, как всегда, молчал; он вообще говорил только короткими фразами, отрывистыми и точными, как приказы. Даг, приученный к этому с детства, тоже становился молчаливым в его обществе. Они приостановились на углу, когда к тротуару подкатил огромный лимузин. Человек в генеральской форме выскочил из машины и, вытянувшись перед отцом, прищелкнул каблуками.

– Я понимаю, что я не вовремя, сэр. Но, только на две минуты. У нас «форс-мажор».

Генерал покосился на оторопевшего Дага и просительно уставился на отца.

– Ну хорошо, поговорим в машине. Даг, ты погуляешь пару минут.

Когда минут через пятнадцать лимузин укатил, а отец снова шел рядом, Даг не выдержал и спросил, какое же у отца звание, если генералы... Отец недовольно пожал

плечами и ответил, что пока его еще не разжаловали, он полковник. Полковник Маккон, сэр! И без глупых вопросов! Да!

Единственное и последнее исчезновение отца, которое Даг мог хоть как-то себе объяснить, было связано с вьетнамской войной. Даг только начал работать инспектором полиции и считал, что его работа может сблизить его с отцом; что сам факт его службы, пусть и не такой секретной, дает ему право знать хоть чуть-чуть больше о отцовских делах. Правда сам отец, услышав, что его сын – полицейский, нехорошо усмехнулся и скривив губы. Как если бы он обнаружил, что Даг стал брачным аферистом или проституткой. А Даг ведь пошел в полицию в основном из-за него!

В этот раз отец вернулся совсем не такой, как обычно. Только сейчас Даг заметил, как тот постарел и устал. И стал менее загадочным, что ли. Вот тогда, неожиданно, отец и рассказал ему о нападении вьетконговцев на небольшой гарнизон, где он случайно оказался. Это случилось под утро, когда одуревшие от влажной бессонницы солдаты только-только стали засыпать. От ужаса, от ненависти, от постоянного ожидания смерти, от змеиной ловкости маленьких жестоких вьетнамцев, в людях вдруг проснулось сумасшедшее бешенство. Они стреляли друг в друга, не разбирая – и не стараясь разобрать в полутьме – где свои, а где враг. Просто убивали все живое вокруг. Отец лежал, не двигаясь, под каким-то кустом. Он говорил, что сразу понял: в такой ненормальной суматохе единственное спасение – не шевелиться. Древний дремучий инстинкт, который водил тогда стволами автоматов и лезвиями ножей, реагировал только на движущиеся предметы. Следовало оставаться совершенно неподвижным. Пытаться же вступить самому в этот невероятный бой равнялось бы самоубийству.

Это были очень страшные полчаса, говорил отец, он был почти уверен, что взбесились не только дерущиеся, но и вообще все на Земле потеряли разум... Ему казалось, что он видит катающихся в ярости людей на улицах Нью-Йорка или где-нибудь в Милуоки. Весь мир заразился бешенством и грызет, ломая зубы, автоматный ствол, как тот паренек, неподалеку...

Отец тогда подал в отставку. Во всяком случае, он совсем перестал ходить на службу: сказал, что оформил пенсию и что не хочет больше жить в Нью-Рашели – ему тут скучно. Потом он капризно, по-детски, надул губы и признался, что здесь, в доме, его мучает один и тот же сон – про ЭТО. И потому он хотел бы переехать. Например, купить квартиру в Манхэттене. Там много людей, там шумно и... и... не так страшно.

Наверное, Даг тогда удивился перемене в отцовском характере. Но, скорее всего, это произошло не сразу. Только еще через несколько лет, когда отца разбил удар, и он на долгое время оказался беспомощным, Даг почувствовал, насколько этот сидящий в кресле на колесах и усохший человек отличается от грозного, загадочного и отстраненного отца, к которому он привык. И, в первый раз в жизни, почувствовал, что почему-то любит этого человека. И не потому, что теперь, став почти ребенком, отец нуждался в нем как никогда, а именно за эту столь невероятную раньше перемену.

Они поселились в небольшом доме из коричневого кирпича в Верхнем Восточном Манхэттене. Туда же, по требованию отца, была перевезена и знаменитая тумбочка. Отец все больше нуждался в Даге; его изводил тот ужасный сон и каждый раз, по утрам, он пересказывал его Дагу со всеми мучительными подробностями. Больше никому он не мог этого доверить: приходящую прислугу не следовало посвящать в его секреты. Ведь сон – так или иначе – был связан с отцовской работой. Старик теперь часто капризничал, требовал внимания, скучал и жаловался, что скоро умрет. Но не

умирал. И Дагу иногда казалось, что, может, и действительно, как советовали приятели на работе, его следует отдать в Дом престарелых: у отца был солидный счет в банке, и он мог рассчитывать на комфортабельные условия и профессиональный уход. Но представить себе отца соседствующим со старичками-маразматиками, среди сплетен и обреченности, он не мог.

Прошло еще несколько лет. Отец старел, но порой из дряхлого тела проглядывал живой, сметливый и неприступный полковник Маккон. Он все так же, каждое утро, пересказывал Дагу привычный сон, и Даг заметил, что отец хитрит, с удовольствием преувеличивает свой страх, придумывает новые детали – иногда смешные, иногда неожиданно физиологические и откровенные. В остальное время отец сидел в своем кресле с биноклем в руках и с высоты третьего этажа рассматривал прохожих и соседские окна.

Постепенно он начал жаловаться на то, что ему душно жить и на этой тихой респектабельной улочке. Не за тем он уехал из патриархального Нью-Рашеля. Он хочет жить высоко над городом и наблюдать, хотя бы издали, за происходящим в Нью-Йорке бессонным действием. У Дага, замотанного полицейской рутинной, не было сил и времени спорить. Вскоре они переехали в только что построенный многоэтажный дом на углу сорок второй улицы и десятой авеню. Квартира располагалась на двадцать втором этаже, и по ночам туда долетали вспышки света и звуки с неугомонного Таймс-сквер. А прямо под окнами лежала полосатая крыша Автобусной Станции.

Старик пристрастился разглядывать город. Бинокля оказалось недостаточно, и он попросил Дага купить ему телескоп, в который он мог бы видеть весь Манхэттен. Пришлось построить специальное приспособление, которое позволяло отцу без усилий передвигать телескоп вдоль двух огромных, до пола, окон его спальни.

Даг с облегчением вздохнул: старик стал значительно меньше его мучить рассказами о своем сне и капризах, он был увлечен подглядыванием. И только свою тумбочку, стоящую теперь у кровати, отец по-прежнему старательно оберегал. Даг видел, как всякий раз, проснувшись, отец придирчиво проверяет старые разболтанные замки на дверце и ящичке.

Потом отец стал делать «открытия». Он рассказывал вернувшемуся с работы Дагу занятные истории. Например, о пожилой даме, живущей в трех кварталах от них, в доме с балконами, которая целыми днями смотрела порнографические фильмы. Потом ее, прямо у телевизора, застучала приходящая медсестра – тоже немолодая, черная толстуха. И теперь они смотрят эту дрянь вместе. А толстуха еще и под юбку к себе залазит! Или: секретарша в небольшом юридическом офисе, в овальном небоскребе на третьей авеню, по утрам увлеченно делает себе педикюр, положив ноги на стол с бумагами, и ковыряет при этом в носу. Старик хихикал, делал скабрзные замечания, предсказывал продолжение подсмотренного и был сравнительно безобиден.

Ситуация изменилась, когда Даг перешел из полиции в ФБР. Поначалу смена обстановки, начальства и характера работы казалась ему освежающей и, кроме того, несмотря ни на что, еще больше сближала его с отцом. Не сегодняшним, конечно, а тогдашним – настоящим полковником Макконом. Он рассказал старику о переходе, и тот, значительно закивав головой, ответил, что ФБР – это уже серьезнее, и теперь он может рассказать Дагу о том, за чем он в действительности наблюдает. Ведь не думает же Даг, что его отец впал в маразм и подглядывает за чужими окнами из старческой любознательности!

Признаться, Даг именно так и думал. Он видел, как отец радуется своему телескопу, с каким почти сладострастным томлением ждет возможности прикинуть к окуляру. Поэтому он неопределенно покачал головой. Но в отцовском облике снова неожиданно проглянул полковник Маккон. Он жестко поджал губы и начал рассказывать Дагу о своих открытиях. И это было действительно интересно.

Оказывается, обладая мощным телескопом и терпением, можно безнаказанно разглядывать неприметную потайную жизнь города, любопытную и опасную, очевидно объяснимую и совершенно невероятную. Правда, еще нужно обладать глазом полковника Маккона! Жаль только, что ночью... Даг подумал, поговорил со специалистами из технического отдела и пристроил к отцовскому телескопу прибор ночного видения. Это было тем более кстати, что старик, возбуждись, почти совсем не спал. Только теперь в давний сон явно вплетались детали чужой подсмотренной жизни.

Особенно Дага заинтересовали рассказы об Автобусной Станции. Настолько, что однажды вечером он попросил у отца разрешения самому взглянуть на нее. Тот с неохотой отъехал со своим креслом от окуляра. Даг долго всматривался в серые сумерки, переводя объектив от задних подъездов к боковому выходу, но так толком ничего и не разглядел. Все было как обычно: автобусы карабкались по пандусам, народ мельтешил у стеклянных дверей. Через полчаса у него заслезились глаза, и он было решил, что отец просто придумывает оправдание своим ежедневным развлечениям.

Полковник Маккон доходчиво объяснил сыну, что таких неумех и разинь он не взял бы даже на место швейцара, не говоря уже о ФБР! И тут же начал трезво и методично объяснять, как следует вести слежку с помощью телескопа, как разбивать на квадраты исследуемое пространство, на что обращать внимание в первую очередь. Если мы ведем наблюдение за общественным местом – за Автобусной Станцией, например – ни в коем случае нельзя рассматривать по отдельности каждого человека, следует просто видеть толпу как таковую, слитно, как единое целое. И тогда, через некоторое время, начинаешь ощущать ритм, в котором эта толпа существует и движется. И это самый ответственный момент! Как только кто-то один выбивается из этого ритма – все внимание на него. Это тот человек, который тебе и нужен! Дальше уже просто: если есть возможность, такого человека следует вести, отбросив все остальное, и он выведет, обязательно выведет на что-нибудь эдакое. Да!

Озабоченно потеряв лицо широкой ладонью, старик заявил, что Дагу видимо, еще рано соваться в серьезные дела; пусть возится с украденными машинами, это дело для него! И, искоса взглянув на Дага, покотил в своём кресле к тумбочке – проверить, не сломан ли замок. Впрочем, заметил полковник, он готов научить своего балбеса кое-чему из того, что он знает и умеет сам – не только методике наблюдения, но и анализу увиденного, что значительно важнее.

На работе Даг не стал делиться с коллегами собранной отцом неожиданной информацией. Сотрудникам это было бы, может, и любопытно, но для самой конторы – весьма маловажно. Да и спорный это вопрос: – входят ли подобные вещи в сферу их профессиональной компетенции. Поэтому он просто рассказал об отцовских бдениях у телескопа, как об облегчающем его жизнь анекдоте. Ну спятил старик немного. Да!

А телескоп и в самом деле сильно изменил их жизнь. По вечерам, сразу после ужина, отец производил тщательный разбор увиденного, анализировал и сопоставлял, четко и трезво рассуждая, и делая предсказания. Получалось, что он почти никогда не ошибался в своих выводах. У Дага не было ни времени, ни возможности проверить то, о

чем ему рассказывал старший Маккон. Приходилось верить на слово. Тем более, что, при всей необычности и занимательности как самой информации, так и отцовских выводов, Даг вынужден был признаться себе, что отец уже стар и болен, ну и... Фантазии, сильно перемешанные с остатками профессиональных навыков и, вероятно, с такой же профессиональной подозрительностью – вот что лежит на дне всех невероятных отцовских «открытий». С другой стороны, подыгрывая совсем уже переставшему капризничать старику, Даг ловил себя на том, что неосознанно верит всему, что тот преподносит как безусловные факты. Однажды он неосторожно спросил, зачем, собственно, отец собирает и анализирует все эти данные, для кого это может представлять практический интерес. Или просто из любопытства?

Полковник Маккон взорвался. Он кричал, что не позволит подвергать сомнению его опыт и профессионализм. Черт возьми, он знает, что делает! Да! А его сын, если уж он совсем ничего не понимает, может и дальше просиживать штаны в своем занюханном ФБР, где поимка карманника – большое событие. С этого вечера он начал дуться и даже перестал рассказывать свой сон, не говоря уже о наблюдениях. И вообще он как-то съезжился, стал каким-то усохшим и тревожным. Неожиданно у него совсем прошла бессонница, он начал много спать. Однажды Даг обнаружил его спящим в кресле перед телескопом, чего никогда раньше не случалось. Было похоже, что полковник Маккон бесследно растворился в стремительно дряхлеющем теле. Но Даг все равно не верил, что отец – его отец! – может умереть.

А потом получилось так, что старик отказался подняться с постели. Приходящая в последнее время ежедневно медсестра сказала Дагу с осуждением, что ему, пожалуй, не стоит сегодня ходить на работу: отцу плохо. Даг позвонил начальству и вошел в спальню к старику. Несмотря на свое состояние, тот сохранил превосходный слух и в первую очередь выговорил сыну за беспечное отношение к службе. Впрочем, и служба-то у него...

Отец замолчал и долго смотрел на Дага слезящимися глазами. Дагу показалось, что в этот момент отец ненавидит и себя, и его. Наконец он разлепил зажавшие губы, заговорил. Операция вступает в ответственную фазу, а он, к сожалению, просто не в состоянии сейчас работать. Но и позволить себе прохладиться в такой момент он тоже не может. Поэтому он вынужден – подчеркиваю: вынужден! – передать часть своих полномочий и обязанностей Дагу. Да! Пространственная ситуация «дубль – два – дубль» проходит по его каналу...

Даг растерялся: кажется, отец начал бредить. Он хотел позвать сидевшую на кухне медсестру, но не решался прервать торопливо говорившего старика. Он отвел глаза от постели, чтобы как-нибудь не выдать своих мыслей, а когда снова посмотрел на укрытого до подбородка отца, то вздрогнул: перед ним лежал неведомо как вернувшийся полковник Маккон. Полковник потянулся к тумбочке, и Даг вздрогнул еще раз: неверная рука выдвинула верхний ящик, оказавшийся незапертым!

Отец достал из ящика небольшой изящный мобильный телефон незнакомой Дагу марки! Даг даже не подозревал, что отец знает, как пользоваться этой штукой. Кроме того, сам он никогда отцу телефона не покупал. Откуда же он мог взяться? Представить себе, что телефон пролежал в тумбочке много лет, было совершенно невозможно. Значит, кто-то его принес – и сравнительно недавно. Но кто? К ним никогда никто не приходил, кроме медсестры. А если бы отец попросил ее купить телефон, то Дагу это сразу же стало бы известно. Да и зачем отцу сотовый телефон, когда он мог беспрепятственно пользоваться обычным?

Тем временем старик привычными движениями набрал номер, подержал телефон у уха и значительно, но с сожалением подал мобильник Дагу. Тот прислушался: механический голос равнодушно повторял, что номер данного абонента отключен и дополнительная информация, к сожалению, отсутствует.

– Плохо, – подумал Даг, – совсем плохо. Отец действительно впал в маразм.

Он уже хотел отдать телефон отцу, но услышал, как тот же голос, повторив сообщение, замаялся, прокашлялся и сказал, что для особо интересующихся – в частности, для офицера ФБР Дугласа С. Маккона – есть сообщение. Чтобы его прослушать, следует нажать цифры, соответствующие номеру отделения полиции, в котором он работал до перехода в ФБР. Сильно удивленный Даг набрал «1-2-3» и после гудка услышал, как сняли трубку, и некто, называя его по имени, сказал, что они с отцом – старые друзья, он многим обязан полковнику Маккону. Поэтому, если, конечно, это не затруднит Дага, он хотел бы, чтобы старик по-прежнему считал, что занимается важным делом, и ощущал себя нужным. Ведь это так несложно, верно? Вчера полковник сообщил, что скверно себя чувствует и, возможно, им придется держать связь через него, Дага. Так пусть уж Даг не поленился и поддержит отцовскую иллюзию. Не говоря уж о том, что фактики, так сказать, и действительно занимательные. Ведь не мог же полковник их просто выдумать, верно?

Даг никогда не слышал ни о каких отцовских друзьях, но, зная отца, не удивился и коротко ответил, что сделает все возможное.

– Вот и прекрасно, – ответила ему трубка, – я слышал о вас много хорошего от полковника. Всего доброго! Да, и еще! Небольшая просьба. Завтра утром посыльный принесет вам прибор для ручного забора проб воздуха. Вы уж выберите минутку, заскочите на Автобусную Станцию и сделайте замер в пассажирском зале, внизу. Это займет всего пару минут, а полковнику будет приятно. Да и кто знает, может во всем этом и действительно что-то есть. И еще раз спасибо! До следующего контакта!

Некто отключился. Даг пожал плечами и осторожно положил телефон в тумбочку. Отец за время разговора успел заснуть, и он не хотел его будить.

Через несколько дней, после того, как приборчик с пробой воздуха был торжественно передан отцу (который неожиданно почувствовал себя лучше и опять сидел у телескопа), полковник Маккон снова протянул ему телефон. Все тот же Некто официально поблагодарил Дага и сказал, что для него приготовлен небольшой сюрприз: обладая некоторыми связями и полномочиями, он добился того, что Даг переводится по службе в его ведение до специального распоряжения.

– Понимаете, – Некто убавил официальности в голосе, – формально вы будете считаться уволенным на пенсию, так что не удивляйтесь. Но это пустая формальность. А сейчас ваша прямая обязанность – заняться делом полковника Маккона. Он, кстати, и введет вас в курс этого дела полностью. А каждое утро я буду выходить с вами на связь для дальнейших указаний.

Даг растерялся. Получалось, что отец – полуживой старик – все еще был тем самым полковником и... вот теперь он окончательно приблизится к отцовской работе, к самому отцу. Ну почему это не произошло лет на десять раньше!

Он помотал головой, прогоняя наваждение. Потом решительно шагнул к домашнему телефону и набрал номер своего начальника. Тот сухо поблагодарил за звонок, спросил о самочувствии и, под конец, не выдержав, заявил, что и не подозревал у Дага столь высокопоставленных связей, позволяющих уходить на пенсию без подачи

рапорта, выжидания положенного срока и прочих формальностей. И Даг как-то сразу, еще не положив трубку, поверил во все.

– Правильно, – сказал отец, когда он вошел к нему в спальню, – информацию следует проверять по двум каналам. Да!

Началось странное время. Вернее, оно как будто повернуло назад. Отец воспрял духом, много говорил, почти ничего не забывал и учил Дага странным вещам. Правда, телескоп он все чаще использовал теперь для наблюдения за новым объектом – молоденькой девицей, по наивности полагающей, что ее никто не видит в собственной спальне.

А через год отец неожиданно умер. Неожиданно не только потому, что превосходно себя чувствовал – все-таки он был уже глубоким стариком – но и потому, что, видимо, никак не ожидал умереть именно в этот момент. Даг застал его припавшим к телескопу, с рукой, засунутой под халат... Даг не то чтобы ужаснулся, просто не сразу понял, в чем дело. Но когда, аккуратно облокотив мертвого отца на спинку кресла, он посмотрел в окуляр, то девица – последнее, что видел в жизни отец – была еще у окна: голая, скачущая на ручке от швабры...

Сначала Даг думал, что все в его жизни разрушится: так долго, оказывается, он жил возле отца. Но на следующее утро в тумбочке зазвонил телефон и, так и оставшийся анонимным Некто сказал, что ему – Дугласу Маккону – сегодня было присвоено звание полковника.

И, почти сразу, ему стал сниться отцовский сон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Толпа почти всегда безлична и агрессивна. Даже в своих симпатиях. А агрессивная симпатия столь же опасна в своих проявлениях, как и антипатия. Причем не только для субъекта, на который она направлена, но и для себя самой, то есть для каждого отдельного индивидуума, из которого толпа и состоит. Но это – очевидно. А вот относительно спокойная, стабильно-терпеливая толпа, как, например, ожидающая спуска хрустального шара в Новый Год на Таймс Сквер, все равно непредсказуема и всегда колеблется, подвешенная, как тот самый шар, на тоненькой ниточке законопослушания. Все ждут начала действия, и напряженное ожидание держит толпу в повиновении куда эффективней полицейских. В таких случаях всё, абсолютно всё, должно совершаться по плану: шар – опускаться, часы – тикать, публика – веселиться и поливать друг друга шампанским. А что, если вдруг перекосит канат на мачте, и шар застрянет? Или его опустят чуть раньше? Или позже? Толпа должна получить не больше и не меньше того, что она ожидает. И непременно в том виде, в каком усредненное воображение затаившей дыхание массы это себе представляет. Даже не так важно, о чем именно идет речь: о встрече Нового Года или явлении Пророка.

С евреями, только-только выведенными из Египта, несколько раз пытался говорить сам Господь, и всякий раз беженцы отказывались верить Ему и принимать истинные откровения. Это ведь было совсем не то, что им представлялось достоверным. Им, выросшим в традиционных стереотипах египетских многоликих божеств. Конечно, они верили в своего, единственного, но, очевидно, представляли его похожим на тех,

изображения которых были перед глазами с детства – Осириса или Ра, например. И тогда толпа создала себе Золотого Тельца. Легко представить, в какой разъяренное, слепое стадо превратились гордые иудеи, когда жесткая рука разочарования смяла красивую библейскую картинку исхода. Тогда вперед снова выдвинулся Моисей, говоря от имени Бога, умело используя понятные образы и предъявляя толпе вполне материальные скрижали, но это уже совершенно неважно. Сейчас важен вот какой результат: толпа, не получившая желаемого – непредсказуема и опасна.

Впрочем, существует несколько способов воздействия на опасные массы. В первую очередь, конечно, телевидение. Оно вторгается в частную жизнь субъекта тогда, когда он один и совершенно незащищен... Нет-нет, ничего особенного не происходит. Никакого промывания мозгов! Наоборот, действует тот же принцип: толпа должна получить то, что получить желает. Даже если это толпа, состоящая из одного человека. А что такое вкус толпы? Воображение толпы? Ее представления о морали, радости, сексе, искусстве, смысле жизни, наконец?..

Одеяло подло слезло с голой ноги, сбилось в комки у подбородка, сбило с настроения, и прерванные размышления о народных вождях, о древнегреческих героях, о Наполеоне, Сталине и прочих отлетели вместе с остатками дремы. Ведь всегда хорошо думается именно в полусне, когда мысль уходит вглубь, в сон, и потом выныривает на поверхность, иногда с неожиданными результатами. Вообще-то, легче всего думалось образами, картинками. Почему-то это считается признаком примитивного мышления. Но – кем именно считается?..

Итак, берется большая опасная бритва, благо, одеяло снова тщательно расправлено и мягко прижимается к телу. Так вот, берется великолепная острая зелинговская бритва, и ею аккуратно вырезается из бумаги необходимый объект. Какой именно? Ну, не любой, конечно. Не подходят, например, спортивные стадионы, театры и бездарные сооружения для массовых зрелищ, вроде Мэдисон-сквер Гарден. Зато для настоящих представлений хороши такие места скопления народа, как аэропорты, вокзалы, может быть, станции метро. Все очень просто. Впрочем, поезда – как метро, так и дальнего следования, равно как и самолеты... Что-то там не так. Не хватает необходимой мрачности. Нет полета фантазии. А в метро, вдобавок, охватывает легкая клаустрофобия. Зато Автобусная Станция – шедевр конструктивизма конца сороковых годов – именно то что нужно! Велика, но не безмерно, как Гранд-Стейшен; подземные кротовые ходы-коридоры и верхние этажи, погруженные в полумрак, с освещенными остановками-островками, где за стеклом маются пассажиры; неожиданно изящные просторные залы... И толпа. Ежедневная толпа, снующая туда-сюда. И что самое главное – она, эта Станция, стоит на том самом месте!

Итак – вырезаем объект из действительности обычной старой бритвой, точно по контуру. Это трудоемко, но не трудно. Далее, чтобы не держать такой громоздкий объект в руках, накладываем вырезанное на лист черной бумаги. Почему черной? Черное ограничивает, но, в то же время, позволяет надеяться на проницаемость, на уже привычную бесконечность черноты. Итак – нас ограничивает бесконечность! Прекрасно! Плохо только то, что клей – отвратительный полусохший клей – плохо держит маленькие кусочки бумаги; они все время отваливаются и отвлекают от работы, не говоря уже о том, что приходится мучительно вспоминать, что и где было наклеено изначально...

Одеяло снова сбивается, но это уже неважно, это не мешает. Мешает нехорошая мысль. Полная власть, полученная над вырезанным и ограниченным рамкой объектом,

автоматически распространяется и на людей, оказавшихся в этой зоне. И они ведь ни о чем не подозревают! А если и догадываются смутно, то стараются эти догадки от себя отогнать. Толпа, помещенная в рамку, может и должна получить желаемое. Собственно, вся сводится к простейшей мысли: сделать так, чтобы всем было хорошо. Не через сорок лет скитаний, не через революции и войны. Но что есть желаемое для, скажем, тысячи человек? Напрашивается очевидный вывод: толпа,двигающаяся к этому желаемому, состоит из индивидуумов, подчиненных ее безликой воле. Что случится, если в этой давке начнут исполняться желания каждой конкретной, растерянной и перепуганной особи?

...Давайте представим себе, с чего это все началось. Ранним летним вечером, году, примерно, в тысяча девятьсот тридцать пятом, по сорок второй улице к восьмой авеню подходит довольно молодой джентльмен. Он переходит дорогу и углубляется в лабиринт улочек, застроенных небольшими домиками с еще не исчезнувшими палисадниками. Этому джентльмену, в давно немодном канотье, нравится гулять именно в данном райончике. Попетляв по нешироким разъемам между домами, он пересекает сорок первую улицу, потом сороковую и идет на запад, к берегу Гудзона, где дышит морским воздухом. На обратном пути он снова проходит насквозь неказистый район и оказывается на углу восьмой авеню и сорок второй улицы. Всего через несколько лет здесь будет построена Автобусная Станция. Но молодой джентльмен еще не знает об этом и гулять, а, вернее, проходить к берегу – цели своей прогулки, через приглянувшиеся ему улочки становится ежедневной привычкой. Жизнь хороша и удобна, когда в ней ничего не меняется. Тем более, что нежелательные изменения приходят извне, не спрашивая его. Остается только притворяться перед собой, что можно еще сохранить устоявшееся и милое, заставить его застыть как на фотографии, где все молоды, веселы и лето только началось... И неизменное следование привычкам помогает удерживать эту иллюзию. Поэтому ежедневно, в любую погоду, джентльмен в уже слегка раскисшем канотье переходит восьмую авеню.

Начинается строительство Станции. Домики сносят. Джентльмен, под крики изумленных рабочих, продолжает двигаться неторопливо – пересекая строительную площадку по диагонали – к углу сороковой улицы и десятой авеню. Потом, как-то незаметно быстро, на месте груд мусора появляется огромный котлован. И джентльмен средних лет идет по его дну. Непокколебимая уверенность, с которой он ежевечерне проходит по стройке, удивляет рабочих и прорабов. Его не задерживают, тем более, что дело происходит в самом конце долгого дня, и все видят в его появлении развлечение, сверяют часы и заключают пари.

Нулевой цикл заканчивается, и скоро он уже идет между восклицательных знаков бетонных столбов. Для человека, каждый день в одно и то же время проходящего по стройке, стены растут почти незаметно. И ни рабочим, ни ему самому уже непонятно: перешагивает ли он через кирпичную кладку или проходит сквозь нее, двигаясь по своему маршруту, так, как будто здесь по-прежнему стоят серые домики с палисадниками.

Станция торжественно открывается. Современный дизайн и передовая технология показывает, что время не стоит на месте, что в Нью-Йорке появился еще один вокзал. Но упрямый джентльмен в своем нелепом вылинявшем канотье каждый вечер невозмутимо шествует по Станции, не считаясь с ее стенами и проходами, к Гудзону – к тому месту, где еще несколько лет спустя будет построен тоннель Линкольна.

Неуловимый призрак Станции, видимый почти среди бела дня десятками людей – таковым себя вовсе не считает. Он тихонько живет на Среднем Манхэттене, в опустевшей после смерти матери квартире, как раз в том самом доме, который уже давно занят раскинувшимся на все три этажа «Макдональдсом». Более того, на прогулку он направляется, вернувшись с работы в Центральной библиотеке, которая, к счастью, как стояла, так и стоит на углу сорок второй улицы и пятой авеню. Он не призрак, он просто очень упрямый человек. Так говорила еще его мать. Сам он считает, что человек он упорный и дорожит сложившимися привычками. И – ничего сверхъестественного! Абсолютно ничего!

Он не любит болтать, даже сам с собой: работа в вечной, настоящей на книгах тишине, приучила его к молчанию, но это не значит, что он ничего не замечает вокруг! Он все видит и все прекрасно понимает. На его пути к Гудзону теперь стоит Автобусная Станция? Ну и что? Он, конечно, видит, как бледнеют и отшатываются, встретившись с ним, все эти уборщики, кассиры и водители автобусов. А дома теперь отвратительно пахнет перегоревшим маслом, в котором непрерывно жарят струганный картофель! Теоретически, он мог бы переставить кровать из спальни в гостиную, туда, где у них зал со столиками, но он привык спать именно в спальне. И укрываться именно этим старым одеялом, которое все сползает и сползает, мешая и думать, и работать.

Когда сделано самое трудное, то есть то, что следовало сделать в первую очередь, неожиданно возникает пауза. И снова появляется неуместная мысль, только на этот раз слегка растерянная: зачем ему все это нужно? Кому и что можно доказать столь варварским способом? Ведь это варварство: соединить отдельные песчинки толпы холодной водой то ли страха, то ли любопытства, а потом запустить в эту массу руки и перемешать. Из получившейся в результате сырой глины вылепить нечто, чему еще нет названия, и что будет прекрасным и не похожим на эту тяжелую ленивую массу. А когда это нечто подсохнет, то либо останется таким навсегда, либо... Ну, в самом крайнем случае, рассыплется обратно на песчинки и отправится к своим телевизорам.

От неловкого движения бритва соскользнула с одеяла и, грохнувшись на пол, отлетела в угол. Милая уроженка Гаити, со стройной талией и тяжелым, налитым задом, взвизгнула и отдернула руки от оцинкованного корытца, где пузырилось масло: она как раз готовилась опустить туда решетчатую корзинку с сырой картошкой. Бритву она, конечно, не заметила, но отчего-то испугалась. А может ей показалось, что на нее брызнуло масло?

На эту незатейливую девицу, вот уже который год работающую в этом проклятом «Макдоналдсе» в ночную смену, не следует обращать внимания. Подумаешь, испугалась! Не так давно расторопный менеджер, выбрав минутку затишья, подскочил к ней, когда она заворачивала в бумагу отвратительные гамбургеры и, ловко приподняв юбку, пристроился к ней сзади. Так и осталось непонятным, что означали ее мощные и гибкие движения, что именно она старалась втолковать сосредоточенному менеджеру. В тот момент она держала перевернутой большую пластиковую бутылку с кетчупом и, когда сзади захрипел и затрясся менеджер, дернулась в последний раз, изо всех сил сдавив бутылку, как бы дублируя происходящее внутри нее. Пролилась ли густая кровь кетчупа в гамбургер так же беспечно и напрасно, как их торопливая страсть? Кому достался этот ненужный гамбургер?

Проклятая девица совсем отвлекла от размышлений! Хотя, наверное, в этом что-то есть. Женщины... Вот леди Годива, например. Была ли она так полна живой любви к людям? Что-то извращенное – не так ли? – было в условии, поставленном ее мужем. А

может они с супругом просто решили добавить остроты в приевшиеся отношения? Иначе какой прок показывать всему городу прикрытую только волосами леди? Скорее всего, муж обманул несчастную и не выполнил своих обещаний, но толпа получила зрелище, обстановка в городе была разряжена, а муж с особым усердием любил той ночью заляпанное взглядами черни тело жены. Все это наталкивает на любопытные идеи. Нужно только, пересилив лень, выбраться из-под одеяла, в который раз ненароком напугать глупую девку и, прочертив мелом узенькую полоску-мостик по трауру ограждения, забраться в вырезанный объект. Но, увы, сначала нужно аккуратно явиться на работу. Все начнет рассыпаться, если спешить и менять устоявшийся порядок вещей!

В залах библиотеки его тоже знают. Он работает здесь давно. Здесь же прочел множество книг. Давно уже забытых нынешними поколениями. Он провел в библиотеке все свое время. То, которое обычно называют жизнью. Короткие перебежки в толпе с работы и на работу, какая-то еда, короткий же сон. А остальное – малолюдная прохлада читальных залов или пыльная многозначительность запасников. У него даже случилась неожиданная любовь. Впрочем, слово «случилось» совсем не подходит к любви. Случилось только, что они встретились. Его замечательное канотье тогда было почти новым – следовательно, это было очень давно. А, может быть, совсем недавно. Трудно судить о времени по состоянию шляпы.

Ее звали Лоринда, она была в чем-то светлом и в очках. Странно, он хорошо запомнил очки, а вот лицо... И еще – книги, которые она брала: «Божественная комедия» Данте, Мифы древнего Рима и «Нью-Йорк Таймс» за прошлый вторник. Три дня – две книги и номер газеты.

Объяснение произошло сразу. Если это можно назвать объяснением. Просто она заметила его. Это было неожиданно, трогательно и страшновато. Она – одна из тех, которые всегда, не замечая, проходили мимо него. И он шел мимо... Или – насквозь... А с вопросами к нему обращалась только давно умершая мать. Но что это были за вопросы!

Газету, по правилам, полагалось выдавать только в читальный зал. Он сказал ей об этом. Лоринда улыбнулась, и как-то сразу они оказались на улице. А, может быть, сначала он показывал ей полутемный запасник, где они были совершенно одни, и там случилось то, во что он потом, глядя на нее в этом самом чем-то светлом, поверить никак не мог. Только странная влажность, вообще-то не присущая его сухому телу, осталась в доказательство того, что они все-таки были в запаснике.

А потом – улица, вечернее солнце, и очки Лоринды поблескивают, когда она поворачивает к нему голову. Они проходят через безразличную, ни о чем не подозревающую толпу по сорок второй улице. Ну конечно – он хочет прогуляться с ней по своему извечному маршруту, к Гудзону. Он не думает, просто идет привычным путем. В первый раз в жизни он не один... Лоринда сначала беспечно смеется, непонятно над чем, может, над его сосредоточенным видом. Но, чем ближе они подходят к углу с восьмой авеню, тому самому, тем спокойней она становится, и очки уже не отражают солнца, а подергиваются серенькой зимней пленкой. Он вспоминает, что так и не выдал Лоринде газету и спрашивает, почему прошлый вторник, зачем ей нужна газета более чем недельной давности.

– Прошлый вторник, – насупившись, бормочет Лоринда, – прошлый вторник... Действительно, странно. Я спросила первое, что пришло мне в голову. Нужны-то мне были только две книги, а третья... Наверное, просто чтобы закончить фразу. Иначе она бы звучала не так музыкально. Два названия – и пустота. Нужно было что-то третье.

Может быть, что-то случилось в прошлый вторник, и это застряло у меня в голове? Не знаю, не знаю, не знаю...

Он тоже хмурится, берет ее за руку и упрямо идет сквозь Автобусную Станцию. И сразу понимает, что вот сейчас произойдет что-то ужасное. В залах обычная суэта, словно Станция – ежевечернее чистилище, и каждому хочется побыстрее проскочить его, чтобы попасть в свой домашний рай или ад... А они идут к Гудзону. Хотя бы для того, чтобы еще разок блеснули на солнце очки Лоринды. Но она почему-то отвлекается, ее кружит в общем водовороте, рука истончается в его ладони, тает, как принесенная в дом льдинка... И вот – ее голова в последний раз мелькает где-то среди других голов, чужих, заслоненных привычной торопливостью, лиц... И тогда он впервые по-настоящему замечает это множество людей, обращает внимание на его рассыпчатую массу.

В «Нью-Йорк Таймс» за прошлый вторник, в разделе криминальной хроники он нашел небольшую заметку о погибшей девушке. Кажется, ее звали Лоринда...

С тех пор он намеренно, упорно идет сквозь нее, эту толпу. И каждый раз, натываясь на отдельного испуганного ее представителя – ну почему они все бледнеют, когда он проходит их насквозь? – жалеет его, и ладонь снова становится влажной, как от растаявшего льда...

Той ночью он внимательно приглядывается к неизменной гаитянке. Где-то после полуночи, когда посетителей совсем нет, она временно оставляет свой пост у воняющего маслом корыта и садится на стол, сдвигая задом готовые и завернутые гамбургеры. Она сидит чуть склонившись, упершись руками в столешницу, и напевает без слов. Они бесконечно далеко друг от друга: он – в своей спальне, а она – на работе, в бессонном «Макдональдсе». Но он сбрасывает с себя одеяло и подходит поближе. Гаитянка полувидит, почувствует что-то: с нее слетает сон, глаза округляются, она соскакивает со стола, поворачивается и начинает бессмысленно перебирать обертки для нескончаемых сэндвичей.

Он смотрит на ее, даже сейчас вихляющий, зад в черной юбке, натянутой на крупных выпуклостях, смятой и слегка задранной, словно для удобства ловкача менеджера. Но менеджер, скорее всего, уже спит в подсобке, подложив под голову руку с часами-будильником, поставленным на четыре утра.

Тогда он осторожно приподнимает рукой край юбки и с удовлетворением видит ягодицы в сеточке растяжек и спрятавшуюся глубоко между ними полоску трусов. Сейчас у гаитянки нет в руках кетчупа, но она судорожно хватается первый попавшийся под руку гамбургер, разворачивает его и ест так быстро, как только может. Потом берет следующий. И еще один... А зад двигается, трясется и, кажется, даже разглаживается – тяжелый, темный и упорный. Он слышит, как хрустит разворачиваемая бумага, а потом у нее на зубах – попавшаяся долька огурца. А еще она бормочет что-то, пережевывая и сглатывая – похоже, что молится. Кому? Зачем? Тут он отвлекается и сразу замечает, что юбка приподнята и спереди, и что свободная ее рука беспокойно и откровенно мечется под мятой тканью. И он снова ощущает на ладонях влагу... А у нее изо рта вместе с недоеденным куском вылетает «Аминь!» – или что-то похожее.

Он возвращается под свое одеяло, натывается на черный картон с наклеенной картинкой и понимает, что произошла какая-то невероятная путаница во времени: картинку он вырезал значительно раньше, до исчезновения Лоринды. Впрочем, в настоящий момент это совершенно неважно. Если он поддастся панике, если позволит времени, которое «извне», изменить его собственное – то, которое «внутри»... Так вот:

гаитянка, Лоринда или леди Годива – все они нужны толпе, потому что неизменно тают, растворяются в ней. Даже если толпа состоит всего из одного человека.

Теперь, когда одеяло снова расправлено так, чтобы не мешало погружению в серьезную работу, можно приступить к второй ее части – не менее важной и сложной, чем первая, но, все же, не столь ответственной, чем третья – последняя. Да-да, их всего три! По-настоящему серьезный и продуманный план не поражает обилием пунктов. И важно не забыть одеяло, бритву и кусочек мела, потому что возвращаться сюда более не стоит. И пусть этот «Макдональдс» провалится туда, куда ему будет угодно провалиться!

Любопытная гаитянка нашла в углу за полками странную картинку: из журнала была вырезана фотография какого-то большого здания, кажется, вокзала, с входящими и выходящими на солнечный тротуар людьми, и наклеена на черную картонку от старого ящика. Все это очень не понравилось гаитянке. И белая, уходящая как будто вглубь картинки, меловая полоска, и крестики, расставленные в разных точках картинки, иногда прямо на человеческих лицах. А более всего то, что в одной из женщин, оказавшихся близко к объективу, она неожиданно узнала себя. Припоминала, напрягая вялую память, но так и не смогла понять, как она там оказалась: в жизни не ездила в Нью-Йорке ни на чем, кроме метро – к себе в Южный Бронкс. Потом пригляделась и сообразила, что ее голова, вырезанная кружком, наклеена поверх изображения какой-то другой женщины. У них на Гаити Вуду – не пустые слова, и она испугалась до полусмерти, оказавшись перед неразрешимой дилеммой: оставить картинку у себя – совершенно невозможно, выбросить, раз уж взяла в руки – страшно и, наверное, опасно.

В отчаянии, она открылась менеджеру. Правда, не во всем. Рассказала, как вдруг, посреди ночи, ей стало очень страшно – так страшно, что пришлось читать молитву. А потом, утром, обнаружила вот эту отвратительную картинку. Толстый флегматичный ночной менеджер, пофигист и торговец марихуаной, хмыкнул и послал ее в задницу вместе с ее идиотскими выдумками. Но она видела, что и ему не по себе от найденной картинки. Тогда она отправилась искать шамана, чтобы хоть тот посоветовал, что делать с жуткой находкой.

Шаман первым делом отобрал у нее недельную получку, пожевал губами, достал какой-то амулет и понюхал его. Дело и впрямь оказалось нешуточным. В комнате у него пахло едкими благовониями, и у перепуганной девицы все поплыло перед глазами. Шаман, тем временем, деловито достал большие блестящие ножницы и стал резать картинку. Каждый отрезанный кусочек он макал в какую-то густую красную жидкость и проворно съедал. Она даже удивилась, как ловко и быстро он расправляется с жестким картоном. Шаман прожевал последний кусок, громко рыгнул и, ни слова не говоря, повалил девицу на низкую кушетку. Она не сопротивлялась и запомнила только запах бумажного клея и острого соуса у него изо рта. Закончив и с этим, шаман почесал у себя в паху и, прислушавшись к себе, велел ей прийти завтра утром, пораньше, часам к шести.

Когда она явилась, шаман лежал на той самой кушетке в одних трусах и тихо постанывал. Черное лицо казалось обрюзгшим и морщинистым. Он заявил, что она могла бы явиться и пораньше, а не заставлять его страдать, схватил за руку и быстро потащил за собой по коридору. Втолкнул ее в ванную комнату и заскочил следом. Она и не успела подумать, зачем они здесь, как он стянул трусы и уселся на унитаз. В животе у него забурчало, и плохой запах смешался с долетающими и сюда благовониями. А лицо шамана разгладилось и стало благостным.

Через минуту или две он вскочил и потянул ее к унитазу.

– Видишь, – сказал он, – все кончено. Смотри-смотри! Внимательно смотри.

Наклонись! Вот так!

И, воспользовавшись ее позой, тут же прилепился к ней сзади. Ей пришлось упереться в стену, склонившись над отвратительным унитазом, как если бы ее рвало. А шаман, раскачиваясь вместе с ней, объяснял: то, что она видит, и есть то, что остается от магии, черной или белой, все равно. А также и немагии. Важно только правильно все переварить. И, если она найдет еще какую подозрительную картинку, то пусть приходит – он съест. Он все съест! Он еще и не такое едал!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утро начиналось с подъема. Серое армейское утро. Табачные облачка тумана, висевшие на уровне верхних этажей, вполне могли сойти за белесую мглу джунглей. И хотя уютная квартира – это совсем не казарма, впереди расстилался день, полный хлопот, сбитых строгим расписанием в жесткие столбики, напоминающие марширующие армейские порядки.

С тех пор, как Маккон решил задать свой вопрос неведомому собеседнику, кажущаяся бессмысленность того, что он делал, временами давила на него, как очевидная ошибка, которой он легко мог избежать. Но не избежал. Тогда старческий голос в трубке неожиданно смягчился.

– Поверь, и я бы хотел знать все. Подлинную подоплеку не только этого нашего дела, но и многих других. И не только находящихся у меня в работе. Как профессионал – надеюсь, что ты не сомневаешься в моем опыте, сынок – я даже Библию рассматриваю, как сборник лучших разведывательных операций. Согласись, соращение Адама и Евы было довольно мастерски проведенной акцией. А провал такого агента, как Иисус, при правильном ведении дела, позволил сохранить оставшуюся резидентурную сеть. Но евреи недооценили значение разведки и сглотнули наживку. Конечно, против них действовали профессионалы. Заметь, на кого опирался Иисус – проститутки, мытари или просто наивные люди. Это же азбука агента-нелегала! А Каин, убивший Авеля...

Старик споткнулся и сделал паузу, видимо, сообразив, что непозволительно увлекся, и заговорил уже более деловым тоном. Поскольку разумное объяснение можно найти всему, но оно, это объяснение, не является объективным, он предлагает Маккону, полковнику Маккону, четко выполнять свою часть задания, а задавать вопросы предоставить ему. Это все!

– И кроме того, – опять смягчился голос, – у вас есть своя голова на плечах, полковник. Привыкайте мыслить самостоятельно.

Но все же у Маккона оставались вопросы, ответы на которые он найти не мог. Трезвое, от начала и до конца функциональное предназначение разведки и контрразведки не вязалось со многим из того, что ему теперь приходилось делать. Недостаток информации порождает размышления, приводящие к ошибкам! Это говорил еще его отец. И все же иногда он ловил себя на мысли, что не просто участвует в загадочной операции, а живет в странном мире, где все его действия, какими бы причинами они не объяснялись, и есть выполнение этой операции.

Кроме того, временами его охватывало желание увидеть, материализовать хрипловатый голос в трубке отцовского телефона. Хотя бы для того, чтобы поверить в

реальность выполняемых им поручений. Конечно, старик существовал и действительно был большим чином. Иначе как можно было объяснить и внезапный уход на пенсию, и многое другое? Иногда он казался Маккону похожим на отца, просто сливался с ним. И тогда в присвоенном Макконом сне происходили изменения, небольшие подвижки. Конечно, этот голос не мог принадлежать отцу, совершенно определенно умершему. И тот факт, что он сам временами балуется с отцовским креслом и телескопом... Хочется иногда почувствовать себя тем, настоящим, полковником Макконом. Уж если он умудряется регулярно видеть отцовский сон, то остальное совершенно невинно. Да и полковнику было бы приятно, что он, его сын, примеряет на себя отцовскую жизнь.

Не ощутив привычного вкуса кофе, Маккон надел на нетерпеливо повизгивающего Тони шлейку и повел гулять. Сволочной осенний ветер задувал под плащ, загоняя туда капли редкого дождя, и с самого утра не предвещал ничего хорошего. На улицах образовалась недолгая пауза: работающие уже сидели в своих офисах, а неработающие заканчивали домашний завтрак, решая, стоит ли выходить сегодня на улицу. Маккон поежился. Лучше всего было бы и ему сидеть сейчас у себя наверху, у отцовского телескопа. Но его ждала команда. Операция разворачивалась и приближалась к последнему, третьему этапу.

Тони, когда он привел его обратно, грустно посмотрел на него из глубины коридора, и Маккону снова захотелось остаться дома, переодеться в халат, влезть в кресло и уютно подремывать вместе с псом весь день. Закрывая дверь, он малодушно представил себе, как Тони вздохнул, подернув черным носом, и поплелся в заветное кресло один.

Он дошел до Автобусной Станции, но почему-то остался стоять на углу Восьмой авеню и сорок второй улицы. И сейчас же поймал на себе взгляд продавца орешков. Тот чуть насмешливо и понимающе посмотрел на Маккона, еле заметно кивнул и отвернулся. Это не его человек! Даже если кто-то из его команды и проявил ненужную инициативу и поставил сюда этого продавца, то все равно – его не может, не должен знать человек, которого не знает он сам!

А может быть это просто нервы... Сдают нервы, а впереди – ответственный день. Хотя что такое ответственный день в его невероятной работе? Неожиданно для себя он решил еще немного пройтись, сделать небольшой круг по городу, прежде чем окунуться в дела. В конце концов, полчаса ничего не меняют, и его команда как-нибудь обойдется; все равно им нужно время, чтобы прийти в себя: ведущие ночной образ жизни люди плохо работают с утра.

Он перебежал Сорок вторую наискосок, пользуясь разрывом в потоке машин, и направился в сторону Тайм Сквер, к Седьмой авеню. Хорошо еще, что холодные брызги так и не перешли в затяжной дождь, и только ветер, гулявший от Восточной реки до Гудзона, толкал его в грудь. Удаляясь от Автобусной Станции, Маккон вдруг почувствовал себя школьником, сбжавшим с уроков: полузабытое ощущение вины и неожиданная свобода, свобода пусть даже на полчаса.

Он бодро миновал Седьмую, дошагал до Шестой авеню и повернул на север, к притягивающим туристов кафе и магазинам, туда, где его неожиданная прогулка не будет выглядеть столь вызывающе бесцельной. Он сбавил шаг, приспособившись к течению толпы. Ветер потерялся между высокими домами, но все равно было холодно. Он представил себе, как дойдет до Центрального парка, вдохнет осенний запах листвы, смешанный с запахом понуро стоящих, запряженных в повозки лошадей у «Плазы» и, может быть, не остановится, войдет в парк, попробует посидеть на скамейке, забыть о

работе и представить себя скучающим пенсионером. О том, что такая прогулка очевидно не укладывается в отведенные им полчаса, Маккон не думал. Ему просто надоело. Конечно, проще всего было позвонить и сослаться на болезнь: он, в конце концов, уже не мальчик. Чтобы бы там не думал этот старик-начальник. Он даже притронулся к лежащему в кармане телефону, но одернул руку. Ничего хорошего из этого не вышло бы. Ему нужно просто выпасть ненадолго из привычной рутины. А мнящий себя большим психологом начальник сам придумает этому объяснение. Что же касается его команды... Будет даже интересно взглянуть потом, как они справятся без него. Дело-то само по себе предполагает изрядную свободу для импровизаций и, следовательно... Он не хотел признаваться себе, что ему просто страшно. Так, наверное, было страшно отцу во время той бойни в джунглях. И никакие объяснения, и призывы к его профессионализму ничего не меняли. Конечно, он понимал, что игры, в которых он участвует – жесткие игры, может быть даже жестокие, но... Кому и зачем нужно ставить такие опыты на людях? Этот автобус, полный голых, полусумасшедших людей, например... Зачем это? Проверить, насколько подчинены чужой воле надышавшиеся этой дрянью пассажиры? Уж не поймали ли его, ловко и безжалостно, на желании походить на отца? Что он знает о человеке, отдающем ему приказы? Ровно столько, сколько и об операции – ничего.

Маккон покрутил головой и остановился. Мысль ушла в привычное рабочее русло, а он совсем не за тем устроил себе побег!

Маккон почувствовал на себе взгляд, вздрогнул и обернулся. Через окно-витрину на него смотрели две молодые девушки, уютно расположившиеся за столиком кафе. Одна – темноволосая с короткой стрижкой, выглядящая постарше – сразу отвернулась и продолжала что-то говорить второй, тоже коротковолосой, но посветлее и помоложе. А та, раскрыв рот, с необычным выражением на лице, как будто остужала уже сделанный глоток, смотрела на него не отрываясь.

Ну что ж, праздные провинциалки, откуда-нибудь из Огайо, забавляются разглядыванием нью-йоркской толпы. Маккон уже собрался было идти дальше и, отворачиваясь, успел заметить, что одеты они вполне по-столичному: то ли продавщицы из крупного магазина, то ли секретарши из мелкой фирмы. Но остановило его не это. Он отчего-то почувствовал себя неловко.

– Почему, – подумал он, – две легкомысленные девицы могут смутить меня своей бесцеремонностью? Шнурки на ботинках, брюки, пиджак и плащ находятся в должном состоянии, волосы тоже, насколько это возможно в ветреную погоду... Лучшее, что можно сделать, это улыбнуться и слегка помахать им рукой.

Когда он обернулся, картинка почти не изменилась: старшая, демонстративно показывая ему затылок, продолжала говорить, а младшая, поматывая головой, смотрела на него круглыми глазами. Маккон, как и собирался, кивнул ей, улыбнулся и помахал ладонью. Глаза девушки округлились еще больше, она радостно закивала в ответ и сказала подруге что-то, что через стекло, по губам, он понял как: «Ну вот, он нас заметил!» – и замахала ему рукой, совершенно очевидно приглашая зайти в кафе и к ним присоединиться.

Ни время, ни место, ни сам вид девушек никак не вязались с тут же промелькнувшей мыслью о проститутках, ловящих пожилого искателя приключений. Скорее всего, именно провинциалки, не знающие, что в больших городах не следует приглашать к своему столику незнакомцев. И, тем не менее, что же им от него нужно? Маккон помедлил, взглянул еще раз в стекло витрины –на сей раз скорее на свое

отражение – и вошел в кафе. Он вполне может позволить себе поболтать с девушками, вместо того, чтобы тащиться по холоду к парку.

В кафе, кроме девушек, было еще трое посетителей: старик в дальнем углу, сидевший спиной ко входу, и пара средних лет. Женщина – крупная блондинка не лишенная, впрочем, утонченности – что-то громко говорила по-немецки. Мужчина лениво кивал головой и пил кофе. Да еще за стойкой ленилась пуэрториканка, не оживившаяся даже при появлении нового посетителя.

Девушки выжидающе смотрели на него, но он заметил, что ожидание было разным: старшая состроила гримасу, как бы говорящую: «Ну какого черта!», а младшая, наоборот: «Ну наконец-то!». Решая, следует ли ему присесть к их столу сразу или сначала заказать кофе, густой аромат которого для вошедшего с улицы вроде бы не оставлял выбора, Маккон успел заметить в девушках то, что называется фамильным сходством: скорее всего, сестры, с небольшой разницей в возрасте. Ну и близкие подружки, конечно. И совершенно очевидно приезжие: у столика, покосившись, лежали пакеты из «Сакса» и «Блюминдейлса». Он тут же рассердился на себя. Подумаешь, проникательный разведчик-профессионал! И, махнув рукой на кофе, подошел к столику.

– Присаживайтесь, – довольно развязным, просто на границе приличий, голосом сказала младшая, – меня зовут Джуди, а это моя подруга Пат. Ну, это сокращенно от Патриции.

– В таком случае, я – Даг, – бодро ответил Маккон, отметив, что ошибся: не сестры, иначе наверняка так и сказала бы. А странно: ведь похожи... И добавил, стараясь попасть в тон, – это сокращенно от Дугласа. Вы позволите мне присесть?

Пат никак не отреагировала, а Джуди, видимо, позабавила некоторая старомодность вопроса; она сидя изобразила что-то вроде книксена, так смешно, что и она сама, и хмурая Пат откровенно рассмеялись. Маккон тоже присоединился к ним, не очень понимая, над чем, собственно, он смеется: над своей неуклюжей светскостью, над девчоночьим баловством или – просто очень уж заразительно они хихикали.

Он уселся за столик и вопросительно посмотрел на Джуди. Та все еще смеялась. Он перевел взгляд на Пат. Она сейчас же замкнулась и холодно повернула голову к окну, предпочитая разглядывать прохожих. Джуди положила ладонь на рукав его плаща. И хотя, по оценке Маккона, ей уже исполнился двадцать один, выглядела она ластящейся девчонкой-капризулей. Не хватало только рта, измазанного шоколадом или мороженым.

Возможно ли такое, – подумал он, сравнивая обеих подружек, – не играют ли они в старую игру «добрый полицейский – злой полицейский»? Зачем им это?

– Итак, – чувствуя, что снова выражается тяжеловесно, произнес он вслух, – чем могу быть вам полезен?

Конечно, это вызвало новый приступ веселья у Джуди, а Пат только передернула плечами, то ли удерживаясь от смеха, то ли окончательно рассердившись. Она вертела в руках пустую чашечку с кофейной гущей и, как бы размышляя, разглядывала узоры на дне. Маккон подумал, что она скорее смущена, чем рассержена. Подружка, по ее мнению, ведет себя слишком раскованно. Очевидно, они поспорили – поспорили в шутку, а непосредственная Джуди всерьез бросилась выполнять условия пари. Стыд за другого – вещь понятная. Он отметил, что Пат красивее Джуди, но последняя, наверняка, успешнее в отношениях с парнями. Конечно, с такой непринужденностью в общении с незнакомцами...

Но неожиданно заговорила не Джуди, а Пат.

– Вы не обращайтесь на нее внимания... э-э... Даг. У моей сестры довольно странное чувство юмора.

Маккон заметил, что ей нелегко было назвать его по имени. Она, вероятно, предпочла бы фамилию, с прибавлением «мистер». И почему «у сестры»? Значит, они все-таки сестры? Маккон искренне полагал, что происходящее его забавляет, он даже радовался маленькому незначительному приключению, уводящему его забот и от неуютного ощущения побега. Пусть эти две смешливые девушки думают, что разыгрывают пожилого и любопытного пенсионера. Почему бы и нет? Он готов им подыграть.

– Это просто замечательно, что вы – Даг, – начала Джуди, справившись со смехом, – я имею в виду то, что вы так представились. Ну просто потому, что так легче общаться, правда? Мы тут с Пат говорили о том, что Нью-Йорк – город очень одиноких людей. Одиноких и неконтактных. Вернее, это говорила я, а вот Пат утверждает, что люди везде одинаковы; что все в Нью-Йорке просто убедили себя и других, что с посторонними не следует общаться потому, что посторонние потенциально опасны. И в самом деле – разве всяких там маньяков специально привозят в большие города? Ведь, по статистике, в маленьких и тихих местечках, вроде нашей Итаки, живет не меньше убийц и негодяев – в процентном соотношении, конечно. Верно?

– Да, но если маньяков просто количественно больше, то шанс столкнуться с ними здесь все-таки выше. К сожалению.

– Так ведь и нормальных, хороших людей здесь должно быть больше! Следовательно, шанс напороться на неприятность – одинаков!

– Ты совсем недавно утверждала обратное, – холодно вступила в разговор Пат, – если я не ошибаюсь, ты приводишь сейчас мои доводы, с которыми сама же и спорила. Дело в том, – Пат наконец-то повернула голову к Маккону, – что я занимаюсь социологией. Точнее, социальной психологией. И Джуди, как всякий дилетант, любит спорить со мной о том, чего не знает. Вы извините, что так по- дурацки оторвали вас от дел. А ты перестань махать руками!

– Да не слушайте ее, Даг! Я тоже занимаюсь психологией, только я на курс младше. А «махать руками» – это наша шутка. Ведь когда человек много и с напором говорит, кажется, что он размахивает при этом руками, правда же? А Пат усвоила ужасную манеру...

Джуди поймала неодобрительный взгляд подружки и осеклась. И Маккон подумал, что бойкость не всегда – свидетельство лидерства. Но, несмотря на явное желание Пат уйти из кафе, Джуди не сделала даже попытки подняться. Похоже, для того, чтобы Пат не могла контролировать ее, Джуди, повернувшись вместе со стулом к Маккону и продолжая говорить, как бы выключила ту из сферы своего внимания. Из не очень связного, но живого рассказа Маккон узнал, что они учатся в Корнельском университете, в том же городке, где и родились – в Итаке, далеко в горах у жутко холодного озера. А кругом лес и – б-р-р! – скука. И вообще, учиться там, где живешь – совершенно не интересно. Но самое главное: тема зачетной работы Пат – психология толпы. А какая же толпа в Итаке! Разве только студенты на кампусе. Но это же совсем другое!

Дальше Джуди углубилась в описание студенческой жизни, а Маккон отвлекся и наблюдал за Пат, по-прежнему вертящей в руках чашку. Она понимала, что Джуди вышла из-под ее влияния, а одергивать ее прямо сейчас, при Макконе, явно не хотела. Ему показалось, что она ушла в себя, сама выключилась из действия – а может быть

только притворялась. Потому что секундой позже Маккон поймал ее короткий, но очень внимательный взгляд. О чем может судить эта хмурая девушка, какие делает выводы, наблюдая, как ее сестра – а сестра ли? – забалтывает улыбающегося пожилого джентльмена? Привыкший не упускать мелочей, подвергая их анализу, он даже подрастерялся, когда Пат сделала жест, скорее подходивший не ей, а Джуди: запустила длинный палец с коротко обрезанным ногтем в чашку, как будто желая стереть непонравившийся узор, помедлила и засунула его в рот. Занятно! Чопорные девицы так не поступают, по крайней мере, в общественном месте. Он уже хотел, для развлечения, перерисовать намеченные им характеры обеих, когда какое-то слово болтушки Джуди заставило его вынырнуть на поверхность разговора.

– Мы потолкались в нескольких магазинах, даже покатались на метро – просто так, для проверки. Но потом Пат согласилась со мной: Автобусная Станция – самое правильное место. Мы приехали туда утренним автобусом, и я ей сразу сказала: это то что надо. Просто Пат, под видом научных изысканий, хотелось поболтаться по магазинам! А теперь основная толпа схлынула и нужно ждать вечера, когда народ поедет по домам.

– Нервы, – подумал Маккон, – опять чертовы нервы!

Услышав об Автобусной Станции, он сделал непростительный дилетантский жест: оглянулся. И успел увидеть, как дрогнула спина одинокого старика в углу и как странно улыбнулась своему молчаливому партнеру немка. Случайностей не бывает, – вспомнил он снова поучительный и раздраженный голос отца, – случайности – это либо очень плохая работа, либо, наоборот, виртуозная.

– И как же, собственно, вы собираетесь изучать толпу? – спросил он, стараясь обращаться к обоим и поднимаясь со стула. Почему-то ему захотелось выйти из кафе вместе с девушками, и для этого нужно было втянуть в разговор Пат. Совпадения, нервы или просто интуиция, которой совсем нет объяснений! Какая разница? И еще: он совершенно не хотел, чтобы обе эти девушки оказались в вечерней толчее на Автобусной Станции. Пусть изучают толпу где-нибудь в другом месте!

И действительно, фокус удался: девушки поднялись со своих мест вместе с ним. Только Пат изучающе взглянула на него еще раз, желая убедиться, что его вопрос – не насмешка.

– Не знаю, будет ли это интересно для вас, – она вежливо кивнула, когда Маккон распахнул перед ними дверь. – Дело в том, что наше общество, как вы понимаете, разделено на несколько основных слоев. И не только по уровню доходов, как, например, средний и высший класс. Хотя это, безусловно, и важные различия.

Вероятно, Пат и сама поймала себя на том, что вещает уж очень лекторским тоном, улыбнулась и заговорила чуть быстрее, став вдруг похожей на Джуди.

– В общем, дело в том, что в спешащей толпе стираются классовые различия. Конечно, это особенно ярко заметно в критических ситуациях. Взять, к примеру, гибель Титаника. Там-то понятно: всех охватил ужас... А вот как это происходит в обычной, не экстремальной обстановке? Лучше всего это наблюдать на уличных шествиях, парадах и всяких стихийных митингах.

– Да только где же нам сейчас взять парад! – вмешалась в разговор Джуди, посчитавшая, что Маккон уже достаточно посвящен в идею. – Только если самим устроить. Представляете: я, вы и Пат изображаем маленькое уличное шествие! Вы, Даг, будете изображать барабанщика, я трубача, а Пат...

Они медленно шли по Шестой авеню вниз. Маккон почему-то не решился увести девушек к Центральному парку. Достаточно и того, что они ушли из кафе. Где-то глубоко внутри Маккон подозревал, что придумал всю эту историю с подозрительными посетителями кафе и грозящей девушкам неведомой опасностью, как-то связанной с Автобусной Станцией. Просто для того, чтобы подольше побыть с ними и отсрочить возвращение к назначенной на сегодня завершающей стадии операции. Что это? Нервный срыв или... Он предпочитал не думать. Наверное, покойный отец никогда бы не простил ему подобного предательства.

И опять он услышал краем уха насторожившую его фразу и вынырнул на поверхность разговора. Они стояли на самом углу Сорок второй улицы, напротив небольшого, сжатого домами парка. Говорила Пат. Видимо, в ответ на замечание Джуди, она ответила, что идея поработать на Автобусной принадлежит ее преподавателю, мистеру Штейну. Это он, когда они обсуждали поездку в Нью-Йорк, сказал, что место занятное и советовал приглядеться – с безопасного расстояния, разумеется – к бездомным, которых, по его словам, там великое множество.

Еще одно невинное совпадение? Утечка информации? Он не успел додумать, как в кармане зазвенел телефон. Ну вот и все.

Старческий голос, против ожидания, был расслаблен и задумчив. И Маккон даже на секунду решил, что тот просто не знает, где он.

– Милый мой полковник, – дребезжала трубка, – вы оправдываете мои надежды. Даже более того. Ваша спонтанность говорит о высоком профессионализме. Всегда, слышите, всегда следуйте своим предчувствиям, на какие бы странные действия они вас не толкали. Мне самому доводилось проводить великолепные операции только благодаря неожиданным поступкам. Среднему человеку они могли показаться, в лучшем случае, бессмысленными. Но зато привлекали нужных мне людей. То, что кажется абсурдом пусть и умным, но неодаренным людям – логика виртуоза!

Девушки, увидев в его руке телефон, вежливо отошли в сторону и вполголоса переговаривались. Пат, скорее всего, предлагала попроситься с ним, а Джуди вроде бы соглашалась, но шалила и, судя по выражению лица и жестике, замышляла какие-то невероятные проделки напоследок.

– Только вот что, Даг, – продолжал голос, впервые называя Маккона по имени, – девушки хороши обе, но, увы, от одной придется избавиться. Трудно работать с двумя такими разными характерами.

Если старик хотел поразить Маккона своей осведомленностью, то это ему удалось. Маккон снова растерянно оглянулся и понял голову, как будто ожидал увидеть неуловимого начальника высунувшимся из окна с телефоном в руке.

– Надеюсь, вы не имеете в виду, сэр, что я должен...

– Полковник, вы портите сложившееся о вас мнение! Надлежит сплавить одну из девиц. Вот и все. А уж от кого из них избавляться, решайте сами. Я на вашем месте оставил бы старшую. Результаты могут быть самые неожиданные. Вторая – пустышка, хотя ярче, не спорю.

Ничего не подозревающие девушки, которым, наверное, надоело стоять на месте, потихоньку сдвигались к краю тротуара. Джуди продолжала «махать руками», а Пат покачивала головой, то ли не соглашаясь, то ли дивясь буйным фантазиям сестры. Вдруг Маккон напрягся: к ним кто-то приближался. Голос в трубке продолжал высказывать предположения, но Маккон уже переключил внимание на подошедшего к девушкам человека. Судя по белой тросточке и неуверенно-резким движениям, это был инвалид-

слепой. Он слегка натолкнулся на не замечающую ничего вокруг Джуди. Ничего удивительного не было: обе студентки стояли на краю тротуара в зоне пешеходного перехода. Джуди что-то сказала инвалиду, тот отрицательно pokrutil головой. Но девушка продолжала говорить. Для пешеходов зажегся зеленый, Джуди помахала Маккону, улыбнулась и, взяв слепого под руку, повела его на другую сторону.

Маккон обратил внимание на странный, не соответствующий времени, наряд инвалида: безнадежно затертый костюм и расплывшееся канотье, смешно и трагично сочетающееся с инвалидной тростью. Пат повернулась лицом к Маккону или, вернее, отвернулась от Джуди, всем видом выказывая покорное негодование. А голос в телефоне все еще бубнил. Вдруг тон говорящего резко изменился.

– А вот это уже лишнее, полковник! Совершенно лишнее! Приостановите игру, пока не поздно!

И сразу же раздался истерический визг тормозов и гулкий, как барабан, удар. Толпа образовалась мгновенно, и Маккону с его места не было видно подробностей. Он увидел только неожиданно побледневшее, все еще обращенное к нему, лицо Пат. Оно, как поплавок рыбака, то скрывалось за чужими спинами, то показывалось снова – нелепое, с зажмуренными глазами и застывшей полуулыбкой.

– Между нами говоря, – с непонятной интонацией продолжала трубка, – я даже выключил все записывающие устройства, чтобы сказать вам это, – мне нравится ваша жестковатая манера. Я понимаю, иногда это лучший...

Маккону захотелось изо всех сил хрястнуть телефон об асфальт, но... Картинный жест. Непрофессиональный. Он просто сложил его, этот телефон, сунул в карман и шагнул навстречу лицу-поплавку. Сейчас нужно было ухватиться за какую-то еще непонятную леску и вытянуть Пат-поплавок из толпы: вряд ли она сейчас в состоянии ее изучать. Он еще не успел дойти до Пат, как услышал грозно мурлыкающую сирену приближающейся справа полицейской машины.

Когда толпа, под невнятный рокот полицейского мегафона, подалась назад, и Маккон добрался, наконец, до Пат, невидимая леска вытянула и блестящий крючок с добычей: у тротуара, перегородив дорогу и окрашивая синими всполохами серый дневной свет, стоял автомобиль с надписью через весь борт «Транспортная полиция – Автобусная Станция». А еще через секунду он увидел и добычу, но не ту, страшную, что лежала у колеса замершего в ужасе автобуса. Невидимая леска только казалась перепутанной: из машины, деловито поправляя пистолет на толстой ляжке, вышла старая знакомая – Кэт. Заметив Маккона, она слегка улыбнулась и что-то сказала в микрофон своего «уоки-токи».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Много воды уж утекло. А, может, и не воды. Может, духов тех подлых. Кэт не считала времени. Так, жила. От дежурства до дежурства. Это раньше у нее еще какие-то планы были, мысли. Что, вот смена кончится, а там домой, ну и всякое такое. Теперь даже смешно! Ведь, если разобраться, мир-то этот затраханный на чем держится? На человеке с пистолетом! Так полковник говорит. Часто говорит, вот и запомнила. Ты, говорит, Кэт, – центральная фигура мироздания, образно говоря. А что? Фигура у нее,

между прочим, еще ничего! Не то что у этих сикху из ее отделения, у которых на груди одна только бляха и выделяется, вместо сисек!

А про человека с пистолетом – это точно! Ну и в форме, конечно! Хотя, всякие там твари, выблядки, которые в полицию стреляют, тоже себя фигурами чувствуют.

Стояла она в тот день утром на главном входе и уж уходить собиралась – ну, в туалет, день опять плохой был. Странно это, вообще-то! Как у нее «дела», так обязательно что-нибудь да случается! Полковник как-то говорил, что с луной это связано: и «дела» у женщин, и активность у придурков. Только это так – ерунда. Тогда бы у всех девок одновременно начиналось бы. И психи бы раз в месяц шалили. А не каждый день, как по сводкам числится. Она не дура, чтобы всему, что полковник говорит, верить!

Так вот, только собралась она от главного входа отчалить, только голову повернула – и сразу его увидела. Он в сторону касс шел. Спиной к ней. Но как шел! Какая спина была! И у нее сразу – оп-па! – под коленками жарко, и в голове как будто пузырьки лопаются. Она, вроде и неторопливо, чтобы внимание не привлекать, но быстро – вперед. Обогнала, в лицо заглянула. Ну, тут уж точно! У гада, у козла этого, шпалер с собой! И заряженный. А с виду – интеллигентный, с портфельчиком, в плаще хорошо. Вот под плащом «дуру» и прячет! По глазам видно, по движениям. Это он сейчас себя центральной фигурой чувствует. Хотя и щуплый, огрызок, хотя и совсем муравей несчастный! Ну и самое главное – запах! Все как полковник говорил! Теперь, когда у нее свой балкончик есть, и раковина, и кран, на нее так, по-пустому, не накатывает. Нормализовалось с этим, если полковнику верить. И не духи это совсем, а что-то такое мудреное, что у человека выделяется, вроде адреналина. Это полковник так думает. Он хоть и толковый, а иногда и его в сторону заносит. Потому что все равно – духами пахнет. Да какая разница? Но зато запах она – свой, родимый – за милно чувствует!

У Кэт на выбор два варианта было: она уж, слава Богу, офицер опытный. Либо козлика своим видом спугнуть, на улицу выманить и подмогу вызвать. Либо... Либо в сторону отойти и дать ему «дуру» вынуть, чтобы с поличным взять. Это ведь только он думает, что центральная фигура. У нее, у Кэт, другое мнение, да и стать другая! Тут и думать нечего! Инструкции, они для молодых и наивных писаны, не для фигур!

Кэт резко в сторону подала, даже не оглянулась. И так понятно: некуда ему деться. И бочком, за киосками, по стеночке, чтобы в нужный момент в лоб ему выйти. А огрызок-то не торопился. Неподалеку от касс – там, где скульптурная группа расположена – остановился, портфельчик на пол поставил и по сторонам смотрит. Тоже вот, смешно – скульптурная группа! Это у них так, для ориентации по залу, эта дрянь называется. Без подставки, в человеческий рост, вроде как билетер и пассажиры стоят с вещами. Как живые, только гипсовые. А баба одна даже на Кэт чем-то похожа. Только уж слишком натурально, с перепугу раза три кончить можно! Это еще Кэт привыкла, а пассажиры, которые в первый раз видят? Кого-нибудь точно инфаркт хватит!

А мужичок-огрызок вроде стоит, ждет, руки в карманах плаща, а в самом-то деле – парит! Такую сейчас власть над всеми чувствует! Вот-вот «дуру» достанет! Этот – не грабитель, этот до конца фигурой остаться хочет. Такому денег не надо. И пахнет! Даже, вроде, и не от него, да больше не от кого. Ну, Кэт – пистолет из кобуры, с предохранителя сняла и дулом вниз опустила, чтобы пока в глаза не бросался. И пошла на него. Поздно подмогу звать: запах такой густой сделался, как мед стал! Полпути одолела, когда он ее заметил. И морда у него такая... ссыкун-огрызок! Но когда к ней повернулся, Кэт сразу поняла, ну просто задницей почувствовала: «дура»-то у него –

автомат многозарядный. «Узи» какой-нибудь или «Магнум». А она – со своей пукалкой...

Но страшно Кэт все равно не было. Подумаешь, сраный автомат! Да в таком запахе пули этого огрызка просто завязнут! Она – офицер полиции, она – фигура, пусть и с пистолетом только. И она больше его! Он, сученок, хочет убивать и поэтому думает, что он главнее, да не понимает, урод, что и у Кэт пистолет для того же. Вон и полковник сказал как-то, что охранять – это, в конечном счете, все равно убивать...

В общем, как-то дошла она до него. А пистолет – в опущенной руке. И он плащ не распахнул. Стоят они лицом к лицу, как эта самая скульптурная группа, а пассажиры вокруг колготятся, муравьишки, и ничего не секут, как будто они оба тоже из гипса. Ссыкун-огрызкок ей в глаза смотрит. Почувствовала тогда Кэт, что все: она – главней, она – больше, хоть и взмокла вся, и внизу живота тянет. И запах как остекленел, скрошился. Только осколки острые: потянешь носом, и внутри все болит. Тут Кэт и подумала, что хорошо бы уж полковнику появиться. Он всегда в нужный момент выныривает. Да не видно нигде полковника. Тогда она осторожно, чтобы об эти осколки не порезаться, полезла к нему под плащ.левой рукой, потому что в правой был пистолет; его уже можно бы обратно в кобуру, да не до того было. Ссыкун сначала вздрогнул, потом глаза округлил, как если бы не поверил, что такое возможно. Но не дернулся – понимал, что к чему. Даже руки из карманов не вытащил.

Но не было у этого огрызка автомата! Вообще ничего! Ни ремня на плече, ни «дуры», прижатой к боку. Не было! Она медленно-медленно стала руку под плащом опускать, к бедру. И тогда все сразу поняла – и парение, и руки в карманах, и почему главным ей показался. Если бы так больно не было, убила бы тварь. И не только потому что противно: мало ли она гадостей насмотрелась и нащупалась, а именно за это парение, за то, что хоть на минуту, да мир вокруг него крутился. И без всякого оружия. И запах сильный такой, что она автомат себе вообразила!

Хоть бы ушел, убежал бы, ссыкун подлый! Так нет, все стоит, смотрит на Кэт печально и ждет чего-то. Ну, она почти в себя пришла, даже подумала, что, может, задержать, отвести в отделение, пусть там мужики с ним разберутся. А то ведь стоит как приклеенный... И только тут сообразила – тьфу ты, гадость какая! – что уйти-то он и не может, потому что держит она его, все еще держит! И осколки запаха сгустились вокруг ее руки и не очень-то и отпускают, а другой рукой помочь тоже не получается: в ней все еще пистолет, готовый к стрельбе. И понять, в какой руке у нее что, она совершенно не в состоянии!

Ну что было делать? Это потом, если рассказать, то смешно получается. А ей-то как быть? И она не то чтобы додумалась – само собой получилось: обе руки разжала. И почти сразу – выстрел. И гаденыш этот дернулся и побледнел. А запах исчез, отвалился от нее, как будто и не было.

Глупо, конечно, получилось – и оттого еще противней. Это ее пистолет выстрелил, когда на пол упал. Самое смешное – народ ничего не понял. Бабахнуло и бабахнуло. Мало ли что бабахнуть может. Ну, несколько человек голову повернули, видят – полицейский стоит, значит, все в порядке. Правильно, в порядке! Только вот пистолет на полу – непорядок. Пока она его поднимала и в кобуру прятала, тот ссыкун-огрызкок куда-то исчез. То ли быстрый такой, то ли это она отчего-то замедлилась. Ну и хорошо, что исчез. Не хотелось его почему-то в отделение вести. А в остальном – на вверенном участке все спокойно. Осталось только сообразить, куда же это пуля улетела. Да вот же она! Прямо в брюхе этого гипсового кондуктора!

Стоит Кэт и тарашится на кондуктора, на живот его толстый. Но, если честно, думает совсем не об этом. Получается, наколол ее полковник. Дура она была, что его слушала. Какая она к черту фигура! Он еще однажды рассказывал, как собак тренируют. Тех, которые наркотики ищут. Дают такому псу наркотики небольшими дозами и через пару-другую недель – пожалуйста, готовый пес-наркоман. Ну а после, понятно, он к наркоте за полмили рвется! Здорово! Что, спрашивает полковник, собачек-то не жалко? Они ведь за полгода на нет сходят. Кэт тогда разозлилась: ну надо так надо, она этих собачек и в глаза-то не видела. И животных не очень-то любит. А у полковника дома песик живет, сам рассказывал! Ему-то не жалко?

– Да, – говорит он, – только это так, вообще жалко. Я ведь с ними не работаю. А свой – это совсем другое дело.

Ну и дальше пошел гнать про то, что пользу те собаки приносят. Вот и полицейские гибнут иногда, так что же, в полицию людей не брать? Сравнил тоже! Хотя, получилось-то, что точно сравнил. Ну, не всю полицию, а ее саму, Кэт. Приучил он ее к запаху тому самому, проклятому! Конечно, у нее это раньше началось, но он-то, с его балкончиком, с раковины той гадской... И польза, говорил, и развлечение! Да уж, развлекается она! Хорошо еще, что полковник так и не появился. Кэт – человек спокойный и при исполнении, но...

Потопталась она тогда у подстреленного кондуктора, потрогала рукой входное отверстие, обошла кругом – нет, пуля внутри осталась. Но это все для того, чтобы в себя прийти. Она ведь не на то обиделась, что ее как собаку... Она вообще не обиделась! А тут, ну совсем не ко времени, матюгальник на плече заработал, сбил с мысли: что-то там в женском туалете не так, надо бежать проверить. И она, выжатая какая-то, поплелась к туалету.

И действительно: стоит в туалете баба молодая, аж зеленая вся, и за стену держится. Тут, говорит, только что старик прошел, жуткий такой! Она – в крик, а он посмотрел на нее, скривился и шмыг – нету его! Вот блин, точно – психи активизировались! Как это, спрашивает Кэт, через туалет прошел? Войти мог, выйти мог. А пройти никак не получается. Дверь-то одна. Баба плечами пожимает, мямлит что-то. Ну, это ладно, проехали. А какой из себя старик-то? Да такой, говорит, страшный и шляпа на нем страшная – плоская, вроде как из соломки. В штанах-то хоть? Да, наверное... Пиджак темный – и брюки. Ну, более или менее ясно, сейчас разберемся со старым козлом! Настроение у Кэт – как раз такими старичками заниматься.

Она быстро из туалета направо, в зал. Да нет, не похоже. Старичок хоть и псих озабоченный, но не дурак. И она бегом налево, к выходу в переулок. И точно: идет какой-то старичок, неторопливо так идет к Сороковой улице. Ну да, куда ему бегать, пердуну старому! Тут уж никакого запаха не надо, и так все ясно. Ну вот и хорошо! А фигура она или так – собака не на то что нужно натасканная... это потом, это с полковником.

Догнала, остановила. Ну-ка, мистер, давайте быстренько назад пойдём, так быстренько, как вам скорость ваша пенсионная позволяет, с дамой одной вас познакомлю. Вам ведь дамы нравятся. Вот и предьявим ей вашу личность! Ну что, дед, смотришь? А дед ей улыбается и головой качает. А на голове и точно – шляпа соломенная, еще старше, чем сам дед. Сейчас мы тебя, похабника, штрафанем, если у тебя что-нибудь, кроме вставных зубов, от пенсии осталось! Дальше по-другому развлекаться будешь, ручаюсь!

Плохой день – он плохой день и есть! Дедок стоит, улыбается, ну не тащить же его! Что ж, говорит наконец, службу знаешь, это хорошо. Молодец, говорит, молодец, Кэт! Она просто обалдела. Откуда он имя ее знает? На бляхе ведь только личный номер! Она все-таки рукой за бляху схватилась. Плохо, говорит дедок, плохо. Ты вот руку с кобуры убрала, на простой трюк попала. Тут тебя бандит бы и сделал. Запросто. А имя... Ну если серьезный мужик серьезную операцию готовит на определенном объекте, вроде вашей Станции, то ему имена узнать ничего не стоит. И имена, и биографии. Муж там, жена, детишки и все такое. И сработало бы, потому что растерялась ты! А преступнику иногда пары секунд не хватает, чтобы выкарабкаться. Но вообще-то не расстраивайся, ничего, ты молодец. Видел я, как ты того онаниста, в зале, брала. Я и полковнику расскажу, при случае. Да он и сам тебя хвалил.

Как?! Полковнику?! Да что же это: дедок, который по женским туалетам сквозит, полковника знает? Кэт сначала совсем уж растерялась, а потом опять за кобуру – хватя. Сам же говорит: если серьезное дело, то имена узнать нетрудно! Сейчас мы тебя, дедок, по полной программе расколем. Давай только до отделения доберемся. И руку уже с пистолета не уберу. Хотя тебя-то я и голыми руками возьму! Годы у тебя не те, да и весовая категория! Ну пошел, дедок! Шевели задницей! Кому говорю!

А дедок еще шире улыбается. Торопливая, говорит, ты девушка, Кэт. И ведь не первый же день в полиции. Понимать бы должна. И дальше такое несет – просто волосы дыбом! Что вся операция – это его, старика, затея. Он руководит, он и людей подбирает. Того же полковника, например. Поэтому и Кэт хорошо знает. А полковник... Да какой он, к черту, полковник! Проболтался несколько лет в рядовых агентах, в ФБР, вышел на пенсию... Просто нужен был ему человек, ну, вроде как исполнительный директор. Он его в полковники и произвел. Вот отец его, тот – да, тот настоящим полковником был. А этому – только бездомными наркоманами и командовать.

Секундочку! Кэт такое и сама придумать может! Конечно, то, что дед этот про бездомных знает – странно. Но она не дура, ее на такие откровения не купишь! Мало ли откуда сведения просочились! И так понятно, что старичок не посторонний. Но вот про полковника сказать, что не полковник, а так, просто пенсионер... Ведь его звание властью подтверждено! Ведь она же сама видела, знает.

А что знает-то? Что у него в кармане иногда телефон звонит, и он в ответ отвечает «слушаюсь»? Или видела, как его приказания выполняются? Вот представь себе, Кэт, что ты с ребенком разговариваешь. И надо, чтобы ребенок этот сделал что-то важное для тебя. А сделает ли – неизвестно, потому что он еще маленький, чувства ответственности никакого; он может просто забыть, отвлечься. Как в таком случае поступить? Нужно заставить его, этого ребенка, поверить, что дело, ему порученное, для него же и важно и, главное, интересно. Или что он самый главный, и ты ему подчиняешься. И все. Вот так и с полковником. Поняла?

Кэт для вида кивает, но сама ничего понять не может. Ерунда какая-то! С одной стороны, знает старичок много – ох как много! С другой, полковник-то – фигура реальная, не то, что этот мухомор туалетный. Даже если он и действительно начальник, то ведет себя как-то странно. Она начальства в своей жизни перевидала! Зачем это он перед ней – младшим чином – старшего офицера вот так вот... Как сам полковник выражается, одинокой куриной какашкой на тротуаре изображает. Мысль толковая сразу появилась. Надо старика не в отделение вести – что толку! – а прямо к полковнику, наверх. Пусть они там сами отношения выясняют. И она дедка легонько под руку подхватила.

А он как будто мысли читает. Опять, говорит, молодец, Кэт, к полковнику, разбираться ведешь. Правильно. Только напрасно. Он сейчас другим занят. И это тоже хорошо. Понимаешь, скис что-то полковник в последнее время. Я уж для него что только не придумывал, да и ему самому позволял вольничать. Ты вот отца его видела? Нет? Странно. Он любит своего отца-маразматика людям показывать. Несмотря на то, что помер отец его. Давно помер. И вот любит наш полковник сесть в стариковское кресло, морщин себе прибавить и дребезжащим голоском настоящего полковника изображать. Ну что подделаешь? Пусть так и будет. Главное – чтобы делу польза была, верно? Ты ведь про последний, самый ответственный этап операции знаешь? Тогда я тебе скажу то, чего ты не знаешь. Прямо завтра он, этот этап, и начнется. А где, спрашивается полковник? Ты умница, Кэт, сразу сообразила, что не вру, что нет его у себя наверху, и тащить меня туда бесполезно.

Кэт стоит, слушает, а у самой злость в душе поднимается. Жуткая злость! Не на старичка этого. На полковника. Ведь если он сам при старичке этом дурачок-промокашка, то что же получается, она и вовсе – дура нетраханная! Он ее, сука, на запах, как собаку тренировал, да еще разглагольствовал про фигуру... И она, офицер полиции, купилась на такую дешевку! А он дома в отцовские штаны... На нее накатывало, а он, извращенец, радовался! Вот она сегодня и поймала «преступника»! Мало того, что получается – она теперь на этих ссыкунов натренирована, так еще и – кем?! Да мочить его надо, козла! Все равно, какая уж в полиции после этого работа?

Старичок, оказывается, все еще вокруг нее топчется, она и забыла про него! Ты, говорит, не торопись дуэли с полковником устраивать. Вижу по лицу, что убить его готова. Не горячись. Ну дурак он, пустышка. Так что из того? На нем еще операция не заканчивается – и мир тоже. И потом, я же знаю – полковник для тебя мно-о-ого значит. Иначе бы так не рассвирепела. Вот и подумай: можно отбросить его в сторону ненадолго, да что толку? Нет, лучше поступить по-другому. Он тебе иногда неглупые идеи высказывал. Может и не свои, но толковые. Значит, что нам с ним делать? Нет, неправильно! А давай-ка вот что: давай мы его просто разжалуем. Ведь так бывает, правда? Ну и все – был полковником, стал сержантом. Это я тебе обещаю. И знаешь, что у нас получается? Получается, что теперь ты – его начальник. Да-да! Звания я тебе сейчас присвоить не могу: ты его в полиции должна получать – там, все-таки, работаешь. Но главой нашей операции я тебя назначаю. И сержанта – бывшего полковника – в полное твое подчинение отдаю.

И погладил Кэт по руке. Что-то непонятное с ней стряслось. Ладонь у дедка как утюг горячая, но, все равно, по коже мурашки пошли! Такие мурашки, что... Ну, в общем, и жутко, и хорошо. А он еще по груди провел. Не так, как если бы лапал, а просто, как собаку по загривку потрепал. Но ей, как той собаке, вдруг захотелось, чтобы еще раз... И сама понимает, что бред какой-то: стоит она посреди улицы в форме, а ее дедок туалетный... это самое... гладит! И еще – поняла она сразу, что правда все. Что он, старичок этот, и есть начальник. И полковник – сержант который – и действительно теперь сержант. Потому что у старичка – сила. А как это чувствуется, почему – и не объяснить.

Старичок руку убрал, она быстренько с мыслями собралась и уже правильным, рабочим тоном его спрашивает: что ж ей теперь делать-то? Она ведь на дежурстве. А бывшему полковнику только помогала иногда. С бездомными или еще что, по мелочам. Да ничего, оказывается, особого делать не надо. Все и само пойдет. Сержант-то не знает, что он больше не полковник. Вот пусть и работает дальше. А она только присмотреть

должна, ну а в критической ситуации – действовать по ее полицейской инструкции. Ну и хорошо, ей забот меньше. Руководить, конечно, проще. Да только ей еще и по службе вертеться. Может что-нибудь и проглядеть ... Тут ее как прибило. Погодите, говорит, это что же получается: ведь если сержант не знает, что он сержант, а думает, что полковник, то... Ничего ведь не меняется!

Ну и правильно, умница! Ничего меняться и не должно. Пойми: кто начальник – это для тебя важно, для меня, может быть для него тоже. Но не для успеха операции. Ну представь себе, например: выходит девка молодая за старика, вроде меня. Приятно ей с ним спать? Наверное, нет. Для нее важно, как он выглядит, свои у него зубы или вставные, как от него пахнет. Но для зачатия это никакого значения не имеет: забеременеет и все. Если он, конечно, сподобится ее оплодотворить. В данный момент для дела не имеет значения, кто начальник, а кто подчиненный.

Кэт совсем было собралась возмутиться: что он из нее совсем идиотку делает! Но – не первый день на службе, к идиотизму не привыкать. Вопрос вот только: зачем же тогда все эти перестановки?..

А-а! Правильный вопрос! Очень правильный! Только, извини уж, самой придется до ответа додуматься. Не просто, конечно, но ты разберешься, уверен. И помни, что он, новоявленный сержант, у тебя в подчинении. Ну и действуй соответственно. Ну а если что не так пойдет, то я неподалеку буду, помогу. Ну все – и тебе пора, и у меня дел хватает.

И ушел, как растворился. Бойкий дедок! Что это он в женском туалете делал? Невесту искал? Это Кэт сама себя так отвлекает. Потому что, если сейчас голову напрягать, то точно лопнет. Но неотвязная мысль крутится, зараза! Не мысль даже, а ощущение. Что и бывший полковник, и этот старик используют ее в наглую. Для чего, правда, непонятно. Но от этого еще обидней. А может послать их всех подальше? Зачем ей в чужие дела вступать? У нее и своих достаточно: и дел, и начальства. А краном тем, из которого духи капаят, она может и дальше пользоваться, кто ее остановит на подведомственном объекте?

Тут у нее опять матюгальник ожил, и все пошло крутиться быстро и со вспышками. Как мигалка на ментовской машине. Которая и подъехала за ней: нужно было мчаться на угол Сорок второй улицы и Шестой авеню, где автобус сбил пешехода. Они мчатся, и сирена, как миксер, вращая проблесковым огнем, окончательно перемешивает в голове все мысли. Кэт сразу же замечает в толпе полковника. И тут – стоп! – миксер останавливается. Или это просто напарник отключает звук. Она сейчас же понимает, что ей делать с бывшим начальником, отданным ей на съедение. То, что он еще ни о чем не знает, неожиданно возбуждает ее. Ну, не так, как запах, но... возбуждает. Секундочку, говорит она себе, оборачиваясь на лежащее почти под автобусом тело, а запах-то где? Ведь вот же она, авария! Все как всегда! Но нет запаха! Когда сегодня того – огрызка – ловила, то был. А сейчас почему-то нет!

Кэт не знает, хорошо это или плохо, и даже не задумывается. Это ее сейчас не должно отвлекать. Хрена ли ей! То ли миксер сирены сработал, то ли само по себе пришло. Она выхватывает, отрывает полковника от какой-то девицы, оставляет напарника разбираться с аварией, тем более, что подъехало еще несколько машин из соседних участков, и гонит обратно на Станцию.

Когда они поднимаются наверх, полковник... Тьфу, черт, вот ведь привыкла так его называть! В общем, он пытается что-то говорить, но она не слушает. Кэт некогда. Она кидается на балкончик, выворачивает кран. Из крана течет вода, обычная вода.

Которая если и пахнет, то только ржавчиной. Ну полковник, ну сука! И это – сегодня, когда она должна... Когда операция... Да плевать на их операцию! Ей-то что делать! Она рвет с себя одежду, понимая, что это бесполезно – и убеждается в этом. Забегает с балкона обратно и видит полковника сидящим на трубе. Ну, где же твой запах, козел?! Встать! – орет она и сама же удивляется: никогда не думала, что может вот так. И он встает и даже не пытается говорить. И правильно! А он ее знает. Он все, гад, понимает, по глазам видно!

Дальше Кэт воспринимала происходящее отрывочно, как будто в расколотом на куски зеркале: вот она, голая, а вот он, и как шипит на него – видно, голос уже сорвала – все промелькнуло. Как собаку, шипит, натаскивал! Запах готовящегося, говорил, почувствовать буду? Лучшим полицейским стану? И опасность, как наркотик – носом? А опасность-то – в штанах у дебилов! Ну вот мы сейчас и проверим!

Она его за штаны левой рукой, как утром. А в правой, так же – пистолет. Молнию на штанах вырвала. Дрянь! Я ему еще и не то оторву! А в штанах... В обратном порядке кусочки зеркала полетели. И аккуратненько так склеились. И отражение получилось страшненькое. Потому что стоит она, дура, и опять не знает, в какой руке у нее что. В одной, помнится, оружие, а вот в другой, которая в штанах... Ничего в этих штанах нет! Она даже смутилась. Даже засуетилась как-то. Быть такого не может! Потому что не полковник перед ней. Совсем не полковник! И вообще – неживой кто-то... Плоский как фанерка... Картинка, как будто из бумаги вырезанная. И рот приоткрыт. А глаза, как то зеркало, жуткие.

Вот тут она заплакала. От испуга, что ли? Получается – нету полковника, а может и не было никогда. И старика-поганки-начальника. И запаха. Ничего нет. Только вот картинка напротив, да пистолет в руке. Несчастливая я, думает Кэт, убогая какая-то! И пистолет сам вверх ползет, гад. Ну и как же ей теперь?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Хладнокровных убийц потому и называют хладнокровными, что для совершения убийства им нет необходимости испытывать к жертве негативные эмоции. Но таких, наверное, немного. Даже самому профессиональному бандиту нужно рассвирепеть, нужно найти оправдание убийству – пусть убогое, не сходящееся с общепринятыми моральными нормами. Даже палачам, наделенным законом правом убивать, хочется быть уверенными, что казнимый заслуживает наказания. Дело тут все-таки не в морали, а в необходимости логически обосновать свои поступки для себя самого. Самое тяжелое – выполнять бессмысленные действия, и поэтому человек подсознательно ищет причины и пытается предугадать последствия, словом, выстраивает логику своего поведения. Конечно, и у хладнокровных убийц часто есть обоснование: им платят за их работу. Но кто же не знает, как тяжело работать только ради денег!

А как унижительно совершенно не понимать, как и почему ты совершил поступки, столь же необратимые, как и убийство, только еще более бессмысленные! Никакой логики! Легковерность и глупость! Если он сейчас же не объяснит себе, как могло произойти, что он поддался на незатейливый – да-да, незатейливый! – трюк, он просто... Об уважении к себе и говорить смешно! Вот и взрослый мужчина! Зрелый

человек! Получилось что-то невероятное – такое, чего он сам себе никогда не простит, не говоря уж о Бет... О, Боже!

Сколько времени он ходил по пустому дому – методично, как будто задался целью измерить его площадь – он не знал. Сначала обошел второй этаж, потом спустился по лестнице вниз. В гостиной, такой уютной и спокойной, он умилился: надо же, все выглядит так, словно ничего не произошло! Дом – отражение души живущего в нем человека – никак не изменился! Так же развешены по стенам керамические тарелочки, те же мягкие кресла и диван. А за окном – мирное дерево и спокойная осенняя мгла. Все как всегда. И если бы он сам... Да что толку сокрушаться!

Джордж неожиданно устал и без сил рухнул в кресло. Нужно прийти в себя. Но через секунду ему показалось, что в мозгу у него горит небольшой фитилек с бомбочкой решимости на конце. И когда догорит, то нужно будет что-то делать: предпринимать, бежать, ехать... Но, пока, фитилек только коптит отчаянием и догорать никак не хотел.

– Я плохой муж, – громко сказал Джордж в пустоту, – и недалекий наивный человек. Хороший, умный и решительный мужчина вел бы себя на моем месте совершенно иначе.

Он замолчал, пораженный неожиданной мыслью. Стандарты нашего поведения создаются в Голливуде, но равняться на них в настоящей жизни совершенно невозможно. Нереально! Только попробуй – или убьют, или посадят. Действовать можно только в рамках закона. Но как быть в его случае? Обратиться в полицию? Ему не часто приходилось с ней сталкиваться, но и так понятно, что в таком бездоказательном, расплывчатом деле полиция ему пока не помощник. Полиции нужны кражи, трупы, аварии, на худой конец. То есть, пока вор еще идет к чужой квартире, будущий труп улыбается и пьет кофе, а жертвы аварии выворачивают на шоссе, остается только ждать. Полиция вмешается в тот момент, когда уже ничего нельзя будет изменить.

Бомбочка, похоже, взорвалась. Джордж вскочил и побежал в гараж, еще не понимая, что, собственно, он собирается делать. Проще всего было бы поехать и разыскать Бет. Нет, это как раз сложнее всего! Ей нужно будет все объяснять, а это совершенно невозможно! Даже если бы у нее был с собой телефон, он мог только догадываться, какую реакцию вызовет у Бет его сообщение. Следовательно, единственное, что ему еще остается – поехать на поиски любителя-психолога или хотя бы его помощницы. Где он будет их искать, Джордж совершенно не представлял. Он просто понимал, что ухватился за ниточку логического действия, каким бы бессмысленным оно не выглядело со стороны.

Выехав на шоссе в сторону Манхэттена, Джордж обнаружил, что необходимость сосредоточиться на вождении приводит в порядок мысли и дает ему возможность рассуждать. Это пока единственное, что приходит в голову. Надо постараться найти его на огромной станции; может быть поговорить со служащими, описав седого охотника. Что-нибудь да выплывет. Что-то, что даст возможность остановить запущенный по его вине процесс. Как именно его останавливать, Джордж тоже не знал; но пока взрывная волна решимости не покинула его, просто чувствовал, что может с этим справиться.

День заканчивался, и по ту сторону разделительного ограждения – из Манхэттена – шла обычная ежедневная эвакуация по окончании рабочего дня. От этой текущей мимо, неторопливой многомильной неразберихи стало тоскливо, и Джордж непроизвольно прибавил скорость. Тем более, что в сторону Манхэттена дорога была почти пустой. Обычно он не превышал установленной скорости: ведь и дураку ясно, что

выигрыш в несколько минут – чепуха по сравнению с шансом заработать штраф за ее превышение. А Джорджа никогда не штрафовали. Никогда! Впрочем, раньше он никогда не рассказывал своей истории посторонним, никогда не втравлял жену в отвратительную авантюру... Он бросил взгляд на спидометр и почувствовал себя почти героем боевика: стрелка держалась на отметке восемьдесят.

– Восемьдесят миль в час, – подумал он, – если меня остановят, то, кроме денег, я потеряю много времени. Пока полицейский проверит документы да выпишет бумажки... Ну и как же быть?

Логика, за которую он сейчас так цеплялся, подсказывала сбросить скорость. Но, сделав это, он потеряет что-то важное – большее, чем несколько минут. Может быть ту решимость, с которой он бросился на безумные поиски. Джордж только крепче ухватился за руль и даже чуточку сильнее надавил, на педаль газа. Восемьдесят пять! Он шел по левой полосе, и водители машин, идущих перед ним, угадав в его поведении необычную решимость, уступали ему дорогу. И эта мелочь приободрила Джорджа. Восемьдесят пять миль в час – иногда этого достаточно, чтобы почувствовать себя мужчиной!

Неожиданно сзади коротко тьякнул клаксон, в зеркале полыхнули на миг включенные фары. Момент отчаянной храбрости, кажется, прошел. Если это полиция... Джордж сгорбился, сбавил скорость, дисциплинированно включил сигнал поворота и сошел на среднюю полосу. Но идущая сзади машина не собиралась следовать за ним. Темно-зеленый «Шевроле», обругав его напоследок еще одним тьявком, быстро ушел вперед. Джордж только успел разглядеть, что за рулем – женщина в темных, не по погоде, очках. Он снова откинулся на сидении и, чтобы доказать себе, что совсем не испугался, рванул следом за «Шевроле».

Оставалось совсем немного до тоннеля Линкольна, дорога пошла под гору, и его машина припустила еще быстрее. Джордж даже не стал смотреть на спидометр: по тому, как вибрировал кузов, как чуть подергивало руль, было понятно, что скорость просто сумасшедшая. Он уже успел привыкнуть к ней и, довольный отсутствием полицейских машин, почувствовал себя безнаказанным... Отраженный зеркалом свет снова резанул глаза. Разглядывать идущую за ним машину на такой скорости Джордж не мог и не хотел. Он только еще прибавил скорость. Сзади однозначно и неумолимо взвилась полицейская сирена. Ну как же, ну ведь совсем немного осталось! Почему-то мысль, что он только чуть-чуть не доехал до тоннеля, а, следовательно, и до цели, странным образом преломилась в сознании и отразилась на поступках. Вместо того, чтобы безропотно перейти вправо и остановиться на обочине, Джордж, снова согнувшись над рулем, но на сей раз от напряжения, совсем утопил педаль. Впереди показался, вроде бы безнадежно оторвавшийся, знакомый «Шевроле». За ним, размахивая, как руками, светом мигалок и завывая, мчался оторопевший от его наглости полицейский.

Как это просто, – подумал Джордж, – вот так незаметно перешагнуть черту, послать к черту свои принципы и оказаться вне закона. Стоит только не остановиться в ответ на приказание патрульного. Впрочем, еще не совсем поздно, еще можно как-то объяснить, что не заметил, что... В общем, как-то все уладить.

Но он не останавливался. За ним, как выстрел, громыхнул мегафон. Но нога, лежащая на педали, как будто отказывалась повиноваться приказу.

А потом все неожиданно закончилось. Зеленый «Шевроле» унесся безнаказанным туда, где уже виднелся пункт уплаты дорожной пошлины, а полицейская машина неожиданно оказалась впереди, зловеще оскалившись стоп-сигналами. На

какую-то долю секунды Джорджу захотелось, не останавливаясь, с размаху врезаться в нее. Показалось даже, что он проедет ее насквозь и помчится дальше, за недостижимым «Шевроле». Но он вовремя одумался, сбросил газ и стал притормаживать, понимая, что даже если он обойдет полицейского, то миновать очередь машин, платящих пошлину, все равно не удастся. Ну все, вот и приехал!

Обе машины остановились на узкой левой обочине. Глядя на бегущего к нему полицейского, на ходу расстегивающего кобуру, Джордж подумал, что, возможно, он специально так глупо попался, чтобы наказать себя за идиотизм сегодняшнего утра. А может быть ему попросту не хотелось снова оказаться на Автобусной Станции? Ближайшие часы он наверняка проведет в участке. Если только его не пристрелит разозленный патрульный.

Действительно, лицо полицейского было перекошено то ли гневом, то ли азартом. Когда он подбежал, держа в вытянутых руках пистолет, Джордж неторопливо подумал, что в него еще никогда не целились из настоящего оружия. И стал медленно опускать стекло. Когда оно опустилось полностью, пистолет придвинулся поближе, как если бы это было частью обязательного ритуала. Кажется, решил Джордж, этому парню совсем не нравится в него целиться. Из-под фуражки полицейского, несмотря на холодный день, стекали капли пота.

– Руки на руль! – по-уставному рыкнул патрульный, но тут же перешел на более человеческий тон. – Вы что же такое творите, а?

– Да вот, еду. А что, нельзя? Вы только скажите, и я перестану. Впрочем, я и так уже перестал, верно?

Патрульный как-то даже смутился. Респектабельный джентльмен в не менее респектабельной машине... Такие обычно не нарываються и, во всяком случае, не пытаются уйти от полиции. А этот... Еще и издевается!

Сейчас ему прикажут выйти из его маленького дома, из машины, наденут наручники и повезут... Даже не так важно, куда именно повезут. Здесь, в этот самый момент, он еще вполне свободный человек, сидящий за рулем своей машины. А еще через секунду в опытных руках полицейского он превратится в совсем другого – подневольного, со скрученными за спиной руками – индивидуума, обязанного выполнять чужие приказы. И граница между этими двумя состояниями – дверь автомобиля, предмета домашнего обихода. Сколько раз он открывал эту дверь у себя в гараже, думая только о том, чтобы не задеть ею о стенку...

Наверное, Джордж превратился в какое-то, неизвестное ему самому, существо: еще не бесправный арестант, но уже и не «благоразумный Джордж». Это было очень сложное и необычное существо, потому что понять его мысли и побуждения Джордж был категорически не в состоянии. Так же, например, время для него невероятно растянулось или исчезло совсем. Полицейский все еще целился в Джорджа, а оно, это существо, сидело и улыбалось – очевидно, своей глупой шутке. И совершенно не желало совершить превращение и оказаться в наручниках. Хватит на сегодня наручников! А пистолет все смотрел на него, и патрульный молчал. Тогда непонятное существо неожиданно испытало жалость к этому растерянному потному парню. Оно неторопливо вылезло из машины и, так же неторопливо, огляделось. Благодаря метаморфозе со временем, полицейский даже не обратил на это внимания: так и стоял, смотря бешеными глазами поверх пистолета на пустую машину.

Джордж так и не понял, как и зачем посадил полицейского в свою машину, положил его руки на руль, а пистолет, чтобы не мешал, сунул к себе в карман. Потом уселся в патрульную машину и помчался дальше, к тоннелю Линкольна.

Очень может быть, что все происходило не совсем так – или совсем иначе. Только, придя в себя, Джордж обнаружил, что летит по заостряющемуся в конце коридору тоннеля в полицейской машине, разбрасывающей синие блики мигалок по белесым кафельным стенам.

Адвокатам, – лихо подумал Джордж, чувствуя непонятную защищенность, как будто этот чужой, пропитанный суровыми запахами автомобиля полицейского давал ему непонятную, но реальную власть, – адвокатам и психиатрам, если они у меня будут, предоставляется право объяснить, как все это получилось.

И засмеялся от неожиданной мысли. Он представил себе, как распинается перед судом присяжных нанятый им защитник, создавая портрет другого человека, выворачивая мелкие черточки его жизни значительной и весомой изнанкой.

– Может быть все это оттого, что я много лет не спал с женщиной. Собственно – никогда не спал. А в обмен приобрел возможность творить чудеса? Как всякие там тибетские монахи... Например, способность превращаться в другое существо, в мистера Хайта. Наверное, прав был тот психолог-любитель: в жизни Джорджа никогда не случилось ничего, абсолютно ничего, что можно было бы обозначить как «форс-мажор». Он даже в школе умудрился не подрасть ни разу. И вот теперь... Кстати, от чего, собственно, он кинулся спасать Бет? От экспериментов старичка-психолога? У Джорджа появилось странное ощущение, что это – только предлог для того, чтобы удобней было выйти из образа «благоразумного Джорджа» – и только. Ему нужна была причина, чтобы отказаться от того, кем он был последние лет сорок! А как же Бет? Уж не предаст ли он ее сейчас? Неважно! Это не главное! И психолог – не главное! Главное – мчаться вперед! Сколько же можно, в конце концов...

Из тоннеля он вывернул на Сороковую улицу, долетел до Восьмой авеню, распугивая мешавшие ему машины, и подкатил к входу в Автобусную Станцию. Что дальше? Привычные ко всему пешеходы лишь слегка косились на полицейскую машину, таксисты безропотно ее объезжали, подруливая к стоянке, но Джордж понимал, что очень скоро угнанной машины хватятся и найдут – и его вместе с ней. Бросить машину в прилегающих переулках он не решился: внезапно ему стало страшно оказаться на улице, без защиты синих мигалок. Поэтому он проехал немного вперед и свернул налево, в узкий коридор – обрубок Сорок первой улицы – между двумя зданиями Станции. Оставленная здесь машина не привлечет лишнего внимания и будет под рукой.

Он медленно двигался вглубь коридора, когда заметил, что там уже стоит машина – запомнившийся ему темно-зеленый «Шевроле». Он аккуратно припарковался рядом и огляделся. Сзади, в прямоугольном проеме, как на экране, плыла Восьмая авеню с пешеходами и автомобилями. В самом же коридоре было тихо и пустынно, как в зрительном зале после сеанса. Впрочем, нет – напротив него, в небольшой нише, кто-то зашевелился. Какой-то бездомный дурачок, немолодой, с длинной грязной бородой, встал на ноги, скользнул невидящим взглядом по лицу Джорджа, потом присел над кем-то, завернутым в одеяло и, вскочив, быстро ушел.

Теперь, когда Джордж попал туда, куда стремился, куда вела его причудливая ниточка логики, неожиданно он ощутил себя прежним Джорджем. И просто не знал, что делать дальше. Все случившееся вдруг показалось ему совершенно невероятным сном.

А машина – ловушкой, материализовавшейся из этого кошмара. Но то, что он принял за пробуждение, было лишь передышкой. Прежний Джордж испуганно вздрогнул и привычно сгорбился. Потому что правая дверь распахнулась, и на сиденье рядом с ним плюхнулось тяжелое пахнущее потом тело. Это была плотная широкая женщина в фуражке, перетянутая армейским ремнем, с кобурой и дубинкой. Она посмотрела на Джорджа мутным взглядом просыпающегося человека и улыбнулась.

– Ты ведь тоже из Транспортной, я смотрю, так будь другом, помоги, ладно? Я из местного отделения, с Автобусной.

Она уверенно откинулась на сидении и поправила фуражку. Судя по всему, она приняла Джорджа за коллегу-полицейского. И он, «благоразумный Джордж», раскрыл было рот, чтобы сдаться и прекратить кошмар. Но... это оказалось нелегко. Значительно проще – просто кивнуть.

– Слушай, тут такие дела, что к своим я и обратиться не могу. Во-первых, не поверят, да и потом... Это секретная операция, я работаю с ФБР, понимаешь? Нужно группу психов взять, а то они такого сейчас натворят, что ... В общем, одной мне не справиться. Дело очень серьезное, и времени нет совсем. Пошли!

Джорджу совсем не хотелось покидать убежище, но тетка в полицейской форме тоже казалась частью этого убежища, легко приняв Джорджа за своего. Поэтому он торопливо вылез вслед за теткой и только вздрогнул, захлопнув дверцу. Все же внутри было уютней! Чтобы не думать об этом, он ринулся вперед, но тут же натолкнулся на тяжелую спину – его спутница стояла, наклонившись над грудой тряпья, под которой кто-то лежал.

– Так вот ты куда слиняла! Я тебя вчера целый день искала, а ты, значит, здесь, под носом прячешься! Ну что, спряталась? Мы с тобой еще не разобрались! Я тебе покажу, суке, как меня разыгрывать! Все! Вставай, пошли!

Она рывком разогнулась, потянув лежащую, в ужасе кутающуюся в старое одеяло женщину. Джордж с изумлением успел заметить, что та, под одеялом, кажется, совершенно голая. Тетка бесцеремонно толкнула ее в глубь ниши, распахнула дверь и обернулась к Джорджу.

– Видел? Совсем ничего не соображает. Это она наверху обдолбалась! Ну, давай!

Они поднимались по полутемной и узкой лестнице: впереди, толчками – женщина в одеяле, за ней полицейская тетка и, наконец, Джордж. Тетка продолжала угрожающе бормотать, непонятно к кому обращаясь; женщина, идущая перед ней, только шлепала босыми ногами по железным ступеням, а Джордж предпочел сосредоточиться на мощном теткинском заде, стараясь не отстать, но и не очень к нему приближаясь. У него временами кружилась голова и подгибались колени. Может быть от усиливающегося по мере подъема непонятного сладковатого запаха.

Когда они, наконец, добрались до ровной площадки, полицейская тетка открыла дверь, ловко толкнула женщину вперед и поощряюще кивнула Джорджу. Он переступил через порог, еще не справившись с головокружением и отдышкой. В таком же полутемном, как и лестница, помещении – очень низком и очень широком – стоял приглушенный гул, от которого слегка вибрировал воздух. Сначала Джорджу показалось, что помещение совершенно пустое, если не считать огромных серебристых труб, проложенных по полу и кое-где изгибающихся вертикально вниз и вверх. Запах стал совсем густым, и Джордж почувствовал, что если он вдохнет поглубже, то немедленно провалится в тяжелый обморочный сон. Это было мучительное ощущение.

Но он тут же отвлекся, потому что на ближайшей к двери трубе шевельнулась фигура, которую он сразу не заметил.

– А-а! – произнес человек, и Джордж с ужасом и удовлетворением узнал психолога-любителя, – какая неожиданная встреча. Это замечательно, что все мы собрались вместе. Даже Джордж с нами. Не ожидал, признаюсь. Но – тем приятнее. Элемент неожиданности, знаете ли, прибавляет всей операции очарования.

Джордж, против желания, отшатнулся. Полицейская тетка, тоже почему-то удивленная, шагнула вперед, принялась и, резко дернувшись, схватилась за кобуру.

– Спокойно, офицер! Не советую делать резких движений! – сказал психолог-любитель. – Сейчас, когда открыты все вентили, это просто опасно. Чувствуете запах? Так что двигайтесь плавно и старайтесь не вдыхать глубоко. А вы, – он демонстративно повернулся к Джорджу, игнорируя направленный на него пистолет, – вы, конечно же, прибыли спасать свою жену. Похвально! Только совершенно незачем. Но, чтобы вам не было обидно, замечу, что, подтолкнув вас к необычным действиям, я никак не ожидал, что вы зайдете так далеко. Молодец!

– Полковник, – прорычала опомнившаяся тетка, – а мне ведь тебя отдали, понял, полковник?

– Дура, – твердо проговорил психолог, не поворачивая головы, – ты лучше скажи, зачем вчера нарушила приказ? Что и кому ты хотела доказать? Только перепугала несчастную девочку. У нее и так было стрессовое состояние – сестра попала в аварию, а ты...

– Так я же думала ... Мне старик сказал... Я как лучше хотела...

– Молчать! – голос психолога сделался еще тверже и в густом, тяжелом воздухе невыносимо давил на уши. Он повернул голову и теперь смотрел прямо на замершую тетку. Голос смягчился, но укоризна в нем все еще звучала.

– Что же ты, Кэт? Совсем тебе плохо? Никого не узнаешь, да? Хотя, что ж я тебя-то виню? Я и сам, кажется, перестал что-либо понимать. Но зачем ты этих людей притащила? Виноваты они только в том, что случайно оказались впутанными в наши дела. Впрочем, – психолог повернулся к Джорджу, – поначалу я был почти уверен, что ваша жена, милая Бет... И, хотя сейчас это уже неважно... представить, что ваша жена окажется на Станции в то самое утро, когда мы с вами так мило беседовали, согласитесь... Слишком много совпадений, не так ли? А тут еще и подружка вашей жены, которую я еле-еле успел выпроводить отсюда... Вот и получается, что случайности все как одна неслучайны, а закономерности почему-то перестали быть таковыми. Я – совсем как царь Мидас – за что не возьмусь... Вчера эти девочки, сегодня – вы... Что же мне теперь, не выходить никуда с этой проклятой Станции?

Он замолчал и растерянно пожал плечами. Потом замотал головой, уронив седые волосы на лоб, как будто и сам не понимал, что происходит вокруг. Но тут же собрался, поправил волосы и глубоко вздохнул.

– Жаль, очень жаль, Кэт, – продолжал он тихим обволакивающим голосом, – Ты все перепутала, милая! Ведь тебе сегодня предстояла самая главная роль в операции. Может быть, лучшая за всю твою жизнь. Ну и подвела ты нас всех! А я тебя готовил, готовил... И вот, пожалуйста! Не могу теперь доверить тебе эту роль. Не могу! Нужна замена – и срочно.

Тетка неожиданно выронила пистолет, опустилась на пол и зарыдала. Психолог помолчал, наблюдая за ней, потом снова повернулся к Джорджу и чуть улыбнулся.

– Похоже, что я был не совсем прав, говоря, что спасти вашу жену незачем. Кажется, у вас появился серьезный шанс ее спасти. Как видите, милая Кэт временно не в состоянии принимать участие в операции. Поэтому, боюсь, нам придется просить вашу жену исполнить этот сольный номер. И, как честный человек, я предоставляю вам великолепную возможность избавить ее от этого.

Джорджу становилось все хуже: в голове звенело, колени дрожали; более всего ему хотелось опуститься рядом с Кэт и тоже заплакать. Вероятно, от жуткого запаха. Только непонятно, почему он совершенно не действует на психолога. Джордж хотел вздохнуть, но не удержался и всхлипнул.

– Э-э, дорогой Джордж, так дело не пойдет! Вы, похоже, совсем скисли. А знаете отчего? Вы ожидаете плохого и боитесь. Потому вас и ведет. Попробуйте расслабиться! Все великолепно, поверьте мне! И сейчас начинается самое интересное. Идите-ка сюда!

Психолог сделал несколько шагов в сторону, встал на колени и поварским движением поднял с пола круглую плоскую крышку. В лицо ему, как пар из кастрюли, ударил яркий свет; он даже слегка отшатнулся и как будто принюхался, снова неуловимо напоминая повара, колдующего над кипящим супом. И плавно помахал Джорджу.

– Вот, смотрите! До готовности осталось совсем немного – пара минут. Смотрите, смотрите, не бойтесь.

Джордж на слабых ногах кое-как дотащился до люка, с облегчением опустился на колени и наклонился над ним. Но тут же в ужасе отпрянул. Внизу, в невероятной глубине, лежал пассажирский зал! Толпа, обычная в этот час, с высоты казалась скоплением круглых пятен-голов, густо разбрызганных по всей поверхности мраморного пола.

– Видите? Присмотритесь внимательно. Ничего не замечаете? Тогда взгляните: вон там, у самых дверей...

Джордж старательно вглядывался, не понимая, о чем идет речь. И только посмотрев туда, куда указывал ему психолог, вздрогнул и начал понимать. Вся эта беспорядочная станционная толпа была совершенно невероятно неподвижна, и только далекая фигурка у дверей, показавшаяся ему знакомой, неторопливо, зигзагами, удалялась.

– Вентили открыты всего-то полчаса, а какой эффект! Тот, что вышел из зала – это местный сумасшедший, на него почему-то не действует. Но остальные! И так, все почти готово. Готовьтесь и вы, Джордж!

Но Джордж окончательно перестал что-либо понимать. Психолог прикрыл люк крышкой, поднялся, искоса посмотрел на застывшую в ступоре тетку, потом на закутанную в одеяло фигуру, стоящую перед ней.

– Ну что же вы, Джордж! Все только начинается!

Джордж не смог подняться с колен, он только неуклюже прополз на четвереньках несколько шагов за психологом и остановился. Бойкий психолог оказался в центре помещения, включил ручной фонарь и показал Джорджу рукой на потолок. На мощной металлической балке висел большой барабан с тонким стальным тросом, соединенный с сиреневым овалом электродвигателя – что-то вроде электрической лебедки. К свободно висящему концу троса были прикреплены какие-то лямки и постромки.

– Вот так вот, – донеслось до Джорджа, причем голос, искаженный странной акустикой помещения, звучал ниже и протяжней, или и тут тоже сказывалось действие отвратительного запаха. – Вот таким образом. Осталось только обвязать женщину

тросом. Что мы сейчас и сделаем. Да, а у вас... у вас будет возможность попробовать уберечь свою жену от наших экспериментов.

– Совершенно непонятно, почему он все время говорит о Бет, – тяжело подумал Джордж, – я ведь даже не знаю, где она.

Он сообразил только, что одну из женщин привяжут к тросу и опустят вниз, в зал. Зачем? Непонятно. Понятно только, что это отвратительно. Пока Джордж соображал, психолог успел подобраться к женщинам и, несмотря на небольшой рост и возраст, легко поднял с пола сидящую тетку. Потом приобнял обеих и неторопливо повел к своей лебедке. Тут Джорджа как будто ударило в голову: он, кажется, узнал походку той, которая была завернута в одеяло! И, не щадя ни ладоней, ни колен, ринулся вперед. И успел вовремя! Психолог все с тем же загадочным поварским видом открыл большой круглый люк под лебедкой и ловко притянул к себе трос. Он посмотрел на вялую, неподвижную Кэт, покачал головой, бросил на почти подползшего Джорджа короткий взгляд и повернулся к неподвижной фигуре в одеяле. Он почти дотронулся до нее, когда она вздрогнула, подалась назад и при этом то ли застонала, то ли взвизгнула. Но пожилой психолог ловко поймал ее за руку, сдернул одеяло, и Джордж увидел, что она и действительно совершенно голая. И хотя она стояла к нему спиной, жуткое понимание пробилось к нему через туман запаха. Он бессильно дернулся, и пола плаща ударила его чем-то тяжелым и твердым. В кармане лежал забытый пистолет патрульного!

Психолог уже закончил застегивать лямки, которые на голом женском теле смотрелись вызывающе бесстыдно и жутко, как атрибуты пытки, когда Джордж поднял пистолет.

– Уйдите! – это было все, что смог прорычать он. – Отойдите от Бет!

Психолог обернулся и совсем не удивился. Он сделал шаг в сторону и довольно улыбнулся.

– Bravo! Bravo, Джордж! Еще сегодня утром я сообразил, что с вами должно быть интересно. Вам не нравится наш эксперимент «Леди Годива»? Ну что ж... Вот вы и спаситель собственной жены! Вы можете гордиться своим мужем, Бет! Только... Вот беда: Кэт, милый офицер полиции, снова приступила к исполнению своих обязанностей. Если вы чуть повернете голову, то увидите, что хоть она и не годится для главной роли, но уж при виде вашего пистолета точно знает, что делать. Кэт!

Но Джорджу не пришлось поворачивать голову. Сзади на него навалилась тяжелая потная масса и совершенно придавила его к полу. Он только чувствовал, как дрожит и тяжело дышит лежащая на нем тетка.

– Хоть этого мне отдайте, – прошептала она прямо в ухо Джорджу, и он почувствовал, как мясистая рука, отдирая пуговицы, полезла к нему в брюки.

– Пустите! Пустите, сволочи! – прохрипел он громче. – Отпустите Бет!

– Да-да, конечно! Кажется, самый подходящий момент, – психолог заглянул в люк и достал дистанционный пульт. Трос медленно натянулся, потащил Бет в сторону и вверх, и через секунду она висела, покачиваясь, прямо над открытым люком. Снизу бил яркий свет и, когда ее развернуло лицом к Джорджу, он на мгновение оторопел, а потом, несмотря на тяжесть лежащей на нем Кэт, приподнялся и истерически захохотал.

– А вот это уже лишнее, дорогой мой, – обеспокоено сказал психолог, – мне и без вас хватает сумасшедших, поверьте. Лучше бы сказали что-нибудь, соответствующее случаю. Ну, не разочаровывайте меня, Джордж! Отпусти его, Кэт: ему нужно предоставить свободу действий. Только пистолет заberi, милая.

Джордж поднялся, поправил брюки у пояса и замотал головой.

- Ничего не получится э-э, полковник! Так ведь? Не буду я ее спасать!
- И почему же, позвольте узнать? Ведь вы же только что...
- Да плохо работаете, дорогой мой полковник. Отвратительно. Все очень просто: вы ошиблись, милый, это совсем не моя жена!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Иногда Кен додумывался до удивительных вещей. Ему казалось, что стоит только по-настоящему напрячься, и верткая, капризная память возвратится к нему. И не в виде отдаленных смутных воспоминаний, а полностью, так что ею можно будет пользоваться. Правда, он подозревал, что при этом на него навалятся горести и беды его прошлой жизни, обязательные, как ощущение боли в онемевшей за ночь руке. А он совсем не хотел испытывать неприятные ощущения. Более того – и это было самым удивительным! – он сообразил, что, оказывается, часто сам не желает помнить кое-что из случившегося с ним недавно – и послушно забывает об этом. Но все-таки было большим утешением знать, что, если он захочет, если напряжется...

Хорошо лежать в своей уютной нишке, слушать недалекий городской шум и думать. Жаль только, что куда-то исчезло его любимое одеяло. Но его легко можно было забыть. Зато он додумался до еще одного великолепного предположения: что, если его беспамятство – не болезнь, а наоборот – замечательное качество, возвышающее его над другими людьми. Ведь может же быть, что помнить-то ничего и не следует! Такая мысль очень понравилась Кену. Он представил себе время в виде длинной ленты – рулетки, вроде той, которую видел у ремонтных рабочих. Нарядная желтая лента с черными черточками с обеих сторон уходила далеко в туман его жизни. Что было бы, если бы он растянулся на всю длину этой ленты? Картинка изменилась, и теперь он сам – усохший, пожелтевший – стал длинным и тонким, и на теле проступили черточки-отметки. Плохо. По ногам, которые где-то там, далеко, может проехать автобус, например. И вообще, все наступают и спотыкаются. Значит, вот-вот найдется кто-то, кто свернет его в рулон, чтобы не мешал. Плохо. Помня себя только в очень коротком промежутке времени, он сжимается настолько, что не просто никому не мешает, но и становится легким и почти незаметным, как полоска-черточка. Хорошо!

Вот только беда – это нужно запомнить! Он ведь умеет запоминать необходимое! В волнении Кен вскочил на ноги. Если он сейчас поднатужится, то, конечно, запомнит замечательную идею, но тогда... Что будет тогда, он не успел додумать, потому что почувствовал, что дальний край мысли стал привычно стираться и исчезать. Нет-нет-нет! Там было что-то важное! Что-то такое, что не просто облегчало его жизнь, как умение устроиться на ночлег или выпросить доллар-другой, а делало ее совершенно иной, новой и удобной...

Ниша, знакомая и обжитая, вдруг стала невыносимо давить на него. К тому же, несмотря на всю его привычку к неприятным запахам, в ноздри неожиданно потекло густое сладковатое зловоние. Кен оттолкнулся от кирпичной стены и побежал. Почему-то это заняло у него много времени. Короткий коридор никак не хотел кончаться. А мысль – какая-то хорошая, утешительная, меняющая его жизнь мысль – почти совсем растворилась. Но, сильно наклонившись вперед, как будто шел против ветра, Кен все-

таки добрался до Восьмой авеню. И сразу же почувствовал сильный голод. Кажется, он ничего не ел сегодня. И солнца совсем не было видно. Нужно было искать какую-то еду.

Спешащие на Станцию пассажиры – серьезные и беззаботные, молодые и не очень, мужчины и женщины – уже начинали терять различия, смешиваясь в густую однообразную массу. Это означало, что наступает час пик, и, следовательно, время, когда можно попробовать стрельнуть денег на обед. Кен отдышался, посмотрел издали на свою нишу, отчего ему стало почему-то тревожно, и деловито направился к главному входу на Станцию.

Внутри, в огромном светлом зале, все было как всегда. По крайней мере, Кен не заметил ничего, что указывало бы на опасность. В толпе даже не мелькали фуражки полицейских – сигналы «дальней опасности». Кен был очень горд тем, что умел узнавать ее, эту опасность. «Ближняя опасность», про которую он тоже всегда знал – оставленные растяпами-пассажирами сумки, уроненные бумажники, другие оказавшиеся без присмотра вещи и еда в киосках – существовала по-прежнему, но Кен умел с ней справляться. Он не так глуп, чтобы воровать. О нет! Ну, разве, когда уж совсем припрет. И все равно, Кен почему-то чувствовал себя неуютно. Противный запах, унесенный им из ниши, прилип к ноздрям и мешал соображать. Но он осознавал, что в зале что-то было неувлочно не так, как всегда.

Новое ощущение следовало хорошенько обдумать – нельзя не доверять ощущениям, когда нужно добывать еду! Кроме того, ощущения заменяли Кену память (это он хорошо понимал) и спасали его от неприятностей. Кен отошел к стене и стал размышлять. Получалось, что никакой предвоступимой угрозы для него в зале не было. Но было что-то другое. Он еще раз внимательно огляделся. Ага! Тут насторожишься! Потому что, оказывается, дело не в том, что происходит в зале, а в том, КАК это происходит. И пассажиры, устремившиеся к своим автобусам, и редкие одиночки, которые шли против потока, и все остальные – звонившие по телефону, покупавшие газеты и бутерброды – двигались необычно медленно. Но не так, как ходят люди, когда не торопятся. А так, как будто все они, незнакомые и не обращающие друг на друга внимания, отправились ловить надоевшую им – каждому в отдельности – муху и теперь подкрадывались к ней, стараясь не спугнуть. Кен даже засмеялся от такого сравнения, но тут же нахмурился. Все это смутно напоминало ему о чем-то, случившемся совсем недавно, что и запоминать-то было совершенно не нужно.

Неподалеку от него шла-кралась грузная женщина, тянущая за собой большой чемодан на колесиках. Ее муха, похоже, сидела на плече у молодого парня в кожаной куртке, который собирался обернуться к киоску с газетами. Женщина даже поднимала свободную от чемодана руку, только Кен сразу понял, что она не успеет, что парень уберет плечо раньше, чем она до него дотянется. А у стены, в нескольких шагах от Кена, серьезный джентльмен средних лет осторожно подносил телефонную трубку к рычажку: его муха сидела именно там.

Кену стало совершенно не по себе. Вокруг летали невидимые мухи, и может быть поэтому воздух был таким неприятно-тревожным. Кен совсем уж собрался обратиться со Станции подальше, но, неожиданно, великая охота на мух закончилась. Ему даже показалось, что он услышал хлопок, с которым проклятое насекомое было прихлопнуто. И сразу все вокруг невероятно ускорилось. Парень в куртке повернулся к киоску, тетка просто махнула рукой, поддерживая равновесие в борьбе с упрямым чемоданом, а серьезный джентльмен, клацнув трубкой о рычаг, снова подносил ее к уху. Именно тогда Кен снова почувствовал опасность. Не «ближнюю» или «дальнюю», как раньше, а

настоящую большую опасность. И самое ужасное было в том, что эта опасность гнездилась не снаружи, и не в зале Автобусной Станции, а внутри, в самом Кене, и убежать от нее не было никакой возможности. В панике он раздумал возвращаться на улицу, а почему-то побежал вперед, обгоняя пассажиров, казавшихся теперь суматошно быстрыми.

В самом центре зала, совсем неподалеку от касс и страшноватых гипсовых скульптур, он споткнулся о невысокую ступеньку и упал, сильно ударившись локтем о мраморный пол. Эта боль в локте даже порадовала его, потому что опасность, притаившаяся внутри, где-то в животе, расплзалась по телу во все стороны, а, главное, в голову. Кену показалось, что острая боль отгоняет ее, и что, может быть, боль и поможет ему спастись. Ему было так страшно, что он тут же с размаху ударил об пол и вторым локтем. И краем глаза заметил, что к нему приближаются чьи-то ноги, очевидно, чтобы помочь подняться. А подлая опасность все равно не отступала, неумолимо подкрадываясь к голове. Тогда Кен, торопясь и боясь не успеть, быстро и сильно ткнулся лбом в холодный мрамор.

Перехватило дыхание, он провалился в сырую и пустую темноту. Но, почти сразу же, увидел выплывающую из нее жутковатую ядовито-желтую ленту, как будто вытягиваемую кем-то из этой тьмы как из рулетки. Только, вместо делений, отмечающих дюймы и футы, по ленте деловито и строго, как кадры киноплёнки – один за другим – надвигались на него какие-то лица, события, имена и даты. Лента безжалостно вонзилась прямо в мозг, неумолимо прокручивая жесткие кадры. Здесь была потерянная им Ты и та, другая, воровка – не просто исчезнувшая, а застреленная озверелой полицейской. И сама сцена убийства тоже была. Кен содрогнулся и поднял глаза, чтобы увидеть, что же там дальше. Но, почти сразу за пуэрториканцем Иисусом, а потом за сценами грязи и унижений полу животного существования на улице, слепившимися в один коротенький кадр, возникло такое... Оказывается, он – никакой ни Кен, а Рудольф Белински – бывший морской офицер, бывший совладелец брокерской фирмы, так и не успевший жениться, потому что Эльза, его невеста... Он увидел, вспомнил и заново почувствовал нечто, отчего даже умильная картинка: маленький мальчик, стоящий рядом с женщиной на бейсбольном поле ранним солнечным утром – он сам и его отец – съезжилась и рассыпалась...

Может быть, слишком сильное, слишком яркое и живое видение было тому виной? А ведь ничего, абсолютно ничего из случившегося в жизни Рудольфа Белински не могло вызвать такого ужаса и паники. Он не был убийцей или насильником. У него не было никаких тайных пороков, он не отличался отвратительной трусостью или жадностью. Но остальные люди – обычные, натершие мозоли на месте особенно неприятных воспоминаний – не видят, не помнят их, хотя и хранят в памяти. Для него же вернувшееся прошлое было убедительно свежим и острым и, кажется, даже припахивало луком и кислым вином. Он увидел и заново пережил смерть любимого пса, раздавленного грузовиком, потом то, как он неожиданно застал занимающихся сексом родителей, потом удар в грудь, подлый и болезненный, полученный от приятеля, потом... Сотни, может быть тысячи всяческих «потом», отживших и ненужных, но, оказывается, существующих. Совершенно невинных, вроде нечаянно распоротого рукава новой куртки, или подловатых, вроде тяжеловесных шуток офицеров над новобранцами или грязноватого бытия бизнесмена-финансиста.

Впрочем, он заново вернул себе и победу в бейсбольном матче, и девочку, которая наконец-то согласилась, и награду за проявленную храбрость, и восторг от первого заработанного миллиона...

Тьма понемногу рассеивалась, а вместе с ней стала исчезать и страшная лента. Кен все еще лежал на холодном полу, только теперь на спине. С разбитого лба на лицо текла кровь, и ему пришлось поднять тяжелую руку, чтобы прогнать с глаз красную муть. Как он и предполагал, опасность, испуганная ударом, хоть и не исчезла совсем, но отступила, оставив только привязавшийся гадкий запах. Ну вот и хорошо! Он повернул голову и увидел ноги в грубых ботинках, а рядом еще одни, женские, в туфельках и прозрачных чулках. Кажется, пора было вставать: Кен не любил и боялся докторов скорой помощи, так же как и полицейских. А сердобольные пассажиры того и гляди позовут на помощь. Подумаешь, лбом стукнулся. Он еще и не так ударялся... Что-о-о?! Это были не его слова! Он, Кен, не мог, не имел возможности помнить о других ударах и ранах! Это раздражало его так же, как прямо поставленные вопросы, например, и он просто давно перестал думать о чем-то, не касающемся настоящего момента. Потому что он – только здесь и сейчас! Потому что он – Кен! И этого достаточно!

Да, нужно было вставать с пола. Он сел, помогая себе все еще ноющей рукой, и поднял голову, чтобы сообщить сердобольным пассажирам, что все в порядке и они могут спокойно двигаться дальше, к своим автобусам. Но оба стоявшие рядом пассажира, он и она, не обращали внимания на Кена, а смотрели вверх, как будто появилась новая муха, и они высматривали ее на потолке. Только теперь это была одна муха на всех, потому что и все остальные пассажиры в зале, замерев, запрокинули головы. Тогда Кен размазал остатки крови на лице и тоже поднял глаза к потолку.

Но это была не воображаемая муха. Это, кажется, вообще была не муха. Вероятно, если бы не кровь, почему-то упрямо продолжавшая затекать прямо в глаза, Кену удалось бы лучше все рассмотреть. А так ему казалось, что под самым потолком парит, немного извиваясь, как в густой воде, очень белая голая женщина. Кен не мог снизу разглядеть ее лица, но ему и так было понятно, что женщина очень красива. Пришлось опустить голову, чтобы как следует вытереть глаза. А когда он снова посмотрел вверх, то обнаружил, что женщина не просто парит под потолком – она медленно снижается и даже машет Кену рукой. Это было приятно. Но, в то же время, он почувствовал, что отступившая было опасность вновь начала приближаться. Неужели летающая красавица и невыносимая желтая лента связаны между собой? Но опасность не может быть ласковой женщиной.

– Ну а та, воровка, – подумал он, – она тоже была ласковой, пока ее не убили...

Желтый расплывчатый свет фонаря, влажное теплое тело, потом выстрел и горячие капли... Проклятая желтая лента все-таки умудрилась пробраться в его голову и свернуться там змеей – подлой, омерзительной змеей!

Кен обязательно бросился бы бежать. Просто от ужаса. Но бежать было некуда, потому что вокруг него плотной стеной стояли люди. И уже одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они его не выпустят. Хотя никто на Кена и не смотрел: все, по-прежнему не отводя глаз, наблюдали за приближающейся красавицей. У Кена сразу ослабли коленки, и он снова сел. Те двое, сердобольные пассажиры, успели раствориться среди остальных, совершенно неотличимых друг от друга из-за напряженных, вздернутых подбородков, которые только и видны были Кену. Снова посмотреть вверх он не решился, но заметил, как медленно и одинаково опускаются эти подбородки, открывая лица, неожиданно тоже одинаковые: сначала – губы, то ли

оскаленные, то ли улыбающиеся, потом – черные глубокие отверстия ноздрей и, наконец, глаза, на которые (как показалось Кену) надеты черные очки. Огромная вечерняя толпа, сбитая стадом вокруг него, в неотличимых черных очках!

Головы опускались все ниже, и Кен сообразил, что они не отрываются от женщины, и сейчас она плывет прямо над ним. Он, наконец, решил и, склонив голову набок, коротко взглянул. Да, он вполне мог бы дотронуться до нее рукой. Но дотрагиваться совсем не хотелось, хотя он успел заметить, что вблизи она еще ласковей и красивей. К тому же ее неестественно белая кожа ослепительно блестела и, не будь она так близко, он бы подумал, что на ней надето что-то, отражающее свет ярких ламп. Но он же ясно видел кажущиеся на этой коже черными и пустыми как дуло, кружки сосков и... и все остальное, такое женское!

Раздался легкий шлепок; Кен вздрогнул и отшатнулся, когда понял, что этот звук издали ее босые ноги, вставшие на пол рядом с ним. Из его разбитого лба снова пошла кровь и опять попала в глаза. Но не густела, стягивая кожу, а, наоборот, как будто разжижалась, не мешая видеть, но только придавая всему неожиданный, желтый с розовым оттенком. Кен знал: так бывает, когда смотришь, не открывая глаз, на солнечный свет... И толпа вокруг, такая плотная, одинаковая и молчащая, что, казалось, ее и нет совсем; и тепло, идущее сверху, как всегда, когда лежишь под солнцем...

– Ну что ты, – услышал он и сразу понял, что это не солнце, а женщина, которая положила руку ему на лоб, – ты зачем разбил голову? Вот дурачок-то! Я ведь тебя помню. Ты – хороший. Ну посмотри на меня, узнаешь?

Ненавистный прямой вопрос вызвал обычное раздражение, но он, округлив запачканные кровью брови, взглянул на нее. И узнал! Это была Ты! Ну конечно! Тот самый немного прикрытый и слезящийся глаз, те же чистые нежные руки... Желтая змея-лента куснула его, но не очень больно. А, может, это просто Ты дотронулась до раны. Ну конечно, это она! Он тогда отправился выполнять ее поручение, а она исчезла, и он тут же забыл о ней. Вспоминать это было совсем не страшно, только немного больно.

– Ты... зачем от меня убежала? – спросил Кен, все еще опасаясь, что он ошибся, и это все-таки не Ты. – Я ушел по делам, а ты... Я тебе тогда поесть принес, – вспомнил он с неожиданной радостью.

– Никуда я не убегала, видишь? Вот она я. Только я теперь летаю. Знаешь, как здорово! А если бы хотела убежать от тебя, то разве бы я прилетела? А поесть... Я бы, наверное, что-нибудь съела сейчас. Только... Ты же видишь...

Она мягко, кончиками пальцев, повернула его голову и заставила посмотреть вокруг. С толпой происходили странные изменения. Только что она была единой массой, плотным куском сырой глины, а сейчас стала распадаться на отдельные песчинки, и эти песчинки двигались, но как-то суетливо, почти не сходя с места. Присмотревшись, Кен увидел, что все почему-то снимают с себя одежду и подумал, что вот сейчас они разденутся догола, и это будет ужасно, ему будет очень неловко перед Ты. Мужчины и женщины снимали с себя плащи, пиджаки и куртки и еще, почему-то, обувь. А потом, не глядя вокруг, передавали свои вещи друг другу и снова одевались. Кен увидел маленькую женщину торопливо натягивающую чужой, не по плечу, мужской пиджак, поданный ей из-за спины, и туфли – скорее, сапоги, большие ковбойские сапоги, доходившие ей почти до колена. И еще одну женщину, уже целиком одетую, только яркая спортивная куртка диковато смотрелась на ее строгом темном

платье, а ноги – в шерстяных носках – были нелепо втиснуты в резиновые пляжные тапки. И еще, и еще!

Карнавальная мешанина все продолжалась и продолжалась, не останавливаясь, и Кен с удовольствием посмеялся бы, глядя на невероятные, разноцветные, собранные из разных частей фигуры, если бы не сосредоточенное молчание и уверенная деловитость, с которой эти ряженные возникали на месте только что вполне обычных пассажиров. Вокруг слышалось только сопение и шорох одежды. У Кена сильно разболелась голова, и ему снова стало страшно. Он уже хотел пожаловаться Ты и попросить ее уйти отсюда вместе с ним в его нишу – там все еще должен лежать ее бутерброд – но вдруг услышал смех. Одиноким голосом весело и звонко смеялся в сосредоточенно молчащей толпе. Кен поискал глазами и увидел неподалеку стиснутого чужими плечами молодого парня, на руках у которого прыгал и хохотал совсем маленький ребенок. Кен знал, что таких детей обычно возят в колясочках. У парня было такое же отстраненное как у всех, но все-таки немного растерянное лицо: видимо, ребенка он получил из толпы так же, как и женский куцый плащ.

А-а-а! Задремавшая было в голове желтая змея вдруг проснулась и заколотила хвостом. А-а-а! Это кричал Кен. Громко и растерянно. Так, что даже Ты вздрогнула и убрала руку. А вернувшая память-змея билась, рвалась изнутри: ребенок... Был, был какой-то ребенок в его прошлом! Из-за этих быстрых и жестоких ударов он не мог рассмотреть, то ли это он сам – малыш, с которым случилось что-то ужасное, то ли какой-то другой ребенок. Кен устал кричать и просто заплакал от боли и непонимания. Змея никак не успокаивалась, и он сообразил, что будет полегче, если он приложит ее к сверкающей коже Ты. И тут же прижался виском и ухом к ее прохладному бедру.

Но почти сразу он почувствовал, как напряглось, затвердело и стало еще холоднее ее тело. Он даже испугался: не превратилась ли Ты в ужасную гипсовую статую? – и снова поднял голову. Но это была Ты, только выражение ее лица изменилось и было не ласковым, а жалостливым и растерянным. И он снова прижался к ней. Ты как-то неестественно выпрямилась, потом встала на цыпочки, и Кен больше почувствовал, чем увидел, что она удаляется от него. Ее кожа приятно, но тревожно зашуршала в прижатом ухе. Ты уплывала от него вверх!

– Ну вот, – сказала она Кену, – сейчас я снова улетаю туда, наверх, потому что... Кажется, потому, что на пустом пляже заколочена дача, а проклятый клей совсем не держит, и все перепутывается. Может быть потом, когда все переменится и снова будет солнечный день, я еще вернусь к тебе. И тогда мы вместе съедим тот твой бутерброд. Или будет что-то получше...

– Но ты же обещала, – Кен встал на колени и обхватил руками ее лодыжки и холодные ступни, – ведь у меня змея в голове, и вокруг эти сумасшедшие...

– Не-ет, это просто картинки, – Ты боязливо посмотрела куда-то вверх, потом снова на Кена и пошевелила ногами, – и никакой змеи ты не бойся. Это только плоские картинки. Я знаю, поверь мне. Оставайся, а мне уже совсем пора. Слышишь?

Она медленно поднималась все выше, и Кену пришлось встать на ноги, потом вытянуть руки и изо всех сил удерживать ее. Лицо Ты исказилось; Кену сначала показалось, что она сердиться, но она чуть изогнула спину, слегка застонала, и он понял, что ей больно. Но разжать руки просто не мог. Он держался за нее, смотрел ей в лицо, но сказать то, что хотел, уже не получалось. Потому что сердце бухало где-то у горла, и уже не хватало воздуха, нужного, чтобы говорить. Он заметил еще, что в ее бедра впились две черных полосы, которых он раньше не видел: впились и глубоко ушли

между ног. А кожа неожиданно потеряла ослепительный блеск, порозовела и пожелтела, почти как мгла, не так давно застилавшая ему глаза.

– Это хорошо, – подумал Кен, – что она перестает сверкать, ее кожа. Может быть, она опять становится обыкновенной. Такой как тогда, когда лежала под его одеялом. Наверное, если она вся порозовеет, то окажется вместе с ним, в его нише. И не будет никакой змеи...

Он снова услышал залиvistый детский смех. Только теперь он раздавался почему-то снизу. Кен, отвлекаясь от Ты, повернул голову и увидел, что и ребенок, и весь мрачный карнавал неторопливо кружились далеко-далеко внизу. Он снова посмотрел на Ты и обнаружил, что ошибался: что кожа ее снова была белой и блестящей. Даже, кажется, еще белее, чем прежде. А лицо стало спокойным, неестественным и чужим. Кен испугался, что он делает что-то не так, совершенно не то, что нужно. Но что именно нужно – это он никак не мог сообразить.

Малыш внизу перестал смеяться, замолк на секунду и сразу заплакал – визгливо и обиженно. Тогда подлая желтая змея прекратила метаться в голове и снова услужливо вытянулась в ленту, заставляя Кена сосредоточиться и вспомнить... Когда-то он прошел по улице мимо ребенка, сидящего в коляске. Ребенок то ли плакал, то ли смеялся – он совсем не разбирался в детях. Коляска почему-то одиноко стояла на краю тротуара. Вероятно, беспечная мамаша заскочила в мелочную лавку рядом, всего в двух шагах. Кен даже, кажется, видел ее спину в раскрытых дверях: она на что-то показывала сонному парню за прилавком, и на пальце у нее поблескивало камнем кольцо, отражая зеленоватый свет слабой дневной лампы.

Кен, вернее, мистер Белински, в тот день был очень занят: его ждали партнеры и другие важные и нужные ему люди, поэтому он только окинул малыша взглядом и устремился к своей машине. Но обратил внимание, что ребенок кричит, машет ножками, и коляска от этого дергается и медленно, очень медленно, сдвигается к самому краю тротуара. Он очень торопился и поэтому сразу завел машину, но успел заметить в зеркало заднего вида, что ничего ужасного не произошло: мамаша выскочила из лавки с какой-то пачкой в руке, ухватилась за коляску и сразу же склонилась над ней. Мистер Белински спокойно уехал, но почему-то, в суете серьезных и неотложных дел, вспоминал этого – на несколько секунд брошенного – малыша с неясным, но щемящим душу чувством. Что было бы, если бы малыш действительно был брошен или – если бы коляска успела сползти с тротуара на дорогу?..

А сейчас, повиснув над залом, Кен сообразил, что все замечательно просто: нужно только остановиться и приласкать чужого и, пусть на мгновение, несчастного ребенка. Как же он тогда этого не понял?! Кен еще раз посмотрел на Ты, виновато ей улыбнулся и разжал руки – они ведь нужны ему, чтобы гладить и успокаивать маленьких плачущих детей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Только-только она остыла от слез. Только-только (правда, еще не перестав плакать) снова ощутила себя женщиной, а не испуганным несчастным существом непонятного пола. Но, когда это произошло, почувствовала, что самое интересное уже

закончилось. Или это ей сейчас только кажется? Так, маленькой девочкой, она ни за что не хотела прыгать в бассейн с небольшого трамплина. От страха сводило пальцы на ногах и урчало в животе. А когда отец, устав уговаривать, легонько подтолкнул ее в спину, и она вынырнула, то задыхалась уже от восторга мгновенного полета, резкого и упругого соприкосновения с водой. Правда, во второй раз прыгать все равно не стала: даже в десятилетнем возрасте она не хотела невольно подтверждать правоту родителей, особенно отца, убеждавшего ее, что это здорово – прыгать с трамплина. Да и странно бы это было: после получасового визжания от ужаса попроситься прыгнуть еще раз. Нелогично. Но ощущение внезапного перехода от почти мистического страха к мгновенному удовольствию осталось в памяти. И сожаление от краткости этого удовольствия. И понимание, что-то «страшное», которое позади, оказывается совсем не страшным, а неожиданно притягательным.

Она еще разок всхлипнула, махнув рукой на окончательно расплзшийся макияж, вытерла салфеткой глаза и нос и, посмотрев через стол, сообразила, что «удовольствие» еще не совсем закончилось. По другую сторону кухонного стола сидела Рита. Она сочувственно поджала губы, но здоровый глаз провоцирующе блеснул: Рита ждала объяснений. Ну конечно – они подруги, Рита уже заранее согласна признать Бет несчастной и встать на защиту, если это потребуется. А, похоже, требуется. Иначе, зачем же Бет прибегать к ней в одном халате и мужниных кроссовках? Но прежде следует насладиться рассказом. Услышать и просмаковать все (очевидно, жуткие) подробности.

Бет не сердилась на Риту за нескрываемое любопытство. Ей и самой не терпелось поделиться. Жаль только, что и Рита не курит... Она вздохнула и начала рассказывать. Сначала про подбравшего ее на дороге паренька.

– Ты идиотка, – авторитетно перебила ее Рита, – кто в наше время садится на дороге в незнакомую машину? Они тебя вообще черт знает куда могли завести! И черт знает, что с тобой сделать!

Второе «черт знает», видимо, живописно представленное самой Ритой, очень ее воодушевило: Рита зашагала по кухне. В домашних джинсах, почти безгрудая и безбедрая, она выглядела бы совсем девочкой, если... если не знать ее близко. Бет пришлось выслушать все очевидные комментарии по поводу своего поведения, прежде чем Рита сообразила спросить: что, собственно, заставило Бет кинуться к ней пешком.

Эта часть рассказа (начатого, на сей раз, со светофора у Автобусной Станции) почему-то не произвела ожидаемого эффекта. Рита морщилась, вяло кивала головой и не перебивала. Бет поведала про старика с его телескопом, гордясь пережитым и собственной откровенностью, хотя помнила себя жалкой и несчастной. Потом – о появлении Джорджа вместе с Макконом в их доме и о своем паническом бегстве.

– Ты что, мне не веришь? – Бет ожидала от Риты чего угодно: всплеска гнева или сочувствия, отвисшей челюсти, может быть даже смеха. Но Рита стояла, прислонившись к кухонному шкафчику, и смотрела куда-то в окно, на свой неухоженный дворик.

– Да верю, конечно. Только ты сама-то убеждена, что все это произошло на самом деле? Ну, хулиган этот, который к тебе в машину залез, был точно. А вот то, что было дальше, внутри... Тебе могло и показаться от страха. А уж появление этого фэбээровца в твоём доме... Не знаю, что и сказать. Я-то думала, что у тебя что-то с Джорджем приключилось. Ну, из-за этого... Может он настаивать стал или... еще чего. На той же почве.

Показалось ли Бет, что Рита смущена? Но она тут же рассмеялась про себя. Заподозрить Риту в связи с Макконом?! Впрочем, можно ли было себе представить, что

с Макконом знаком ее Джордж?! Она внимательно посмотрела на подругу. Больной Ритин глаз слезился, здоровый по-прежнему разглядывал листву за окном. Этот, прикрытый бельмом, глаз слезился почти всегда, но сейчас вызвал у Бет не сочувствие, как обычно, а неприязнь.

– Ты мне вот что объясни: зачем этому Маккону нужно было тебя подбирать на дороге? Чтобы еще раз напугать? Ведь запросто мог увезти, если бы захотел. Так нет же! Это я просто вслух размышляю. Прежде чем позвонить в полицию. Потому что первое, что нужно сделать – получить охранный ордер. Чтобы ни этот тип, ни даже Джордж не могли к тебе и близко подойти, пока все не прояснится. Вот я и думаю: что именно следует рассказать полиции. А вообще-то, я давно тебе говорила, что ты дура, что с Джорджем надо что-то решать! Ну вот и дождалась! Да ладно, не реви. Я просто закаленная: со своим мерзавцем столько времени разводилась, ты же знаешь. Хотя такого, чтобы он людей нанимал меня похищать, конечно, не было!

Бет обиделась. Ее невероятное приключение оборачивалось какой-то телевизионной драмой с наемными злодеями. Рита почувствовала ее внутреннее несогласие и недовольство. Она присела к столу, потянулась к коробке с бумажными салфетками, чтобы промокнуть глаз и, заслонясь салфеткой, сказала:

– Это только тебе кажется, что все случившееся – странно и необычно. Не обижайся, но на самом деле – все довольно просто. Это Джордж. Я уверена. Кому еще нужно тебя пугать? А больше ведь ничего и не случилось, правда же? Маккон или те, в Автобусной, могли с тобой что угодно... А потом они появляются у тебя дома с Джорджем. А ты, конечно, опять пугаешься и бежишь. Вот только я не понимаю одно: зачем ему это? Чего он хочет от тебя добиться? Хотя с мужиками всегда так – непонятно! Ты вот что знаешь о своем Джордже? По-настоящему?

Логика в Ритиных словах, безусловно, была. Но Бет не могла представить, что ее Джордж... Внезапно Джордж, давно привычный и прозрачный, со всеми его «казузами» и моральями, показался ей совсем незнакомым, мрачным и непредсказуемым. Законопослушный гражданин с устоявшимся убеждением: мужчина не должен пройти мимо женщины, к которой пристают хулиганы, он обязан вызвать полицию... Милый Джордж – оборотень?! Это предположение было скорее неожиданным, чем страшным, но все же... И действительно, что она на самом-то деле знает о своем муже? Казалось бы – самое интимное. Но самое ли?

Рита усиленно размышляла. Она совершенно не относилась к романтическим натурам: даже вполне приземленная (и гордившаяся этим) Бет иногда удивлялась ее мрачноватому рационализму. В представлении Бет разведенная и сравнительно молодая женщина имела право на... ну, скажем, на некоторые романтические приключения. Рита обычно смаргивала своим больным глазом и отвечала в том смысле, что хорошо Бет, замужней женщине, фантазировать, а ей надо выживать. Нет, мужик хорош только в лежачем виде. Да и то не всякий. А терпеть его в вертикальном положении... Вот и приходится пробиваться самой. Что она имела в виду, Бет не очень понимала, потому что Рита получала с бывшего мужа вполне приличные деньги, позволявшие ей, не работая, нормально существовать в собственном доме. Бет только сейчас сообразила, что за все время общения они, как правило, обсуждали ее брак с Джорджем, редко – детали Ритинога развода и почти никогда не говорили о самой Рите, о ее нынешней жизни.

– Знаешь, – вдруг сказала Рита, – если все так и есть, как я думаю, то непонятно только одно: зачем они отняли у тебя машину. Для чего-то ведь она им понадобилась?

А, может, им не машина нужна, а нужно было, чтобы ты никуда не смогла уехать. Поди тебя поймай, если ты за рулем. Получается, что история еще не закончилась?

Бет совсем забыла про свою «Вольво», оставшуюся в том мрачном тупичке. И опять в Ритиных словах проглянул жутковатый смысл, превращающий может быть страшноватую, но совершенно бессмысленную историю в направленную против нее, Бет, невероятную акцию. А ей – сидящей на теплой (хоть и не очень уютной) Ритиной кухне – показалось было, что занятное и загадочное приключение осталось в прошлом! И она запаниковала бы снова, да только... Как странно: Рита говорила ей пугающие вещи, но вела себя... Она хорошо изучила Риту! Та даже про полицию упомянула вскользь, между прочим. У Бет появилось ощущение, что ее оставляют одну в темной комнате, полной непонятных шорохов и теней.

Но тут Рита вынырнула из необычной задумчивости, снова напористая и деловитая.

– Мы сделаем так. Я сейчас поеду в Манхеттен, на Автобусную Станцию!

– Ты с ума сошла!

– Да нет, это как раз поможет не сойти с ума ни тебе, ни мне. Постараюсь выяснить, что там происходит и, заодно, узнать, где твоя машина. А что? Поставлю свою на стоянку, а твою пригоню сюда. А завтра утром, когда поедешь на работу, захватишь меня... В общем, это мелочи! Я сама хочу разобраться с этой историей. Пусть меня голыми мужиками попробуют испугать! Я совершенно ничем не рискую! Потому что, если все это подстроено Джорджем против тебя, то мне бояться нечего.

И, не давая Бет времени ответить, Рита кинулась в комнаты одеваться. Слишком решительно кинулась. Как показалось Бет, судорожно и возбужденно. И через пару минут появилась на кухне в молодежной, несерьезной какой-то курточке прямо поверх домашней майки.

– Я тебя на всякий случай запру в доме, ладно? Сиди тихо, на звонки в дверь и по телефону не отвечай! В самом крайнем случае звони в полицию. Но – только в крайнем случае. Мне совсем не хочется, чтобы эти обалдуи выломали дверь! Располагайся и жди меня. Часа за два-три постараюсь обернуться. Все! Я ушла!

Бет услышала, как загудела, поднимаясь, дверь гаража. Забормотал, прогреваясь, двигатель, и Рита уехала. Наступила тишина. Но Бет совсем не чувствовала себя уютно и защищенно. Все-таки, несмотря на дружеские отношения с хозяйкой, она была одна в чужом доме. И ей нужно было как-то скоротать эти несколько часов без Риты. Она с удивлением заметила, что почему-то совсем не волнуется за подругу. То, что та вела себя необычно, каким-то образом делало ее то ли соучастницей Маккона (бред, конечно!), то ли... Рита намеренно лезла в историю по каким-то своим, неизвестным мотивам. Ну и ладно! Бет даже испытала какое-то мимолетное злорадство: посмотрим, как и что удастся выяснить Рите. Да и машину хорошо бы получить обратно, тут Рита права.

У Бет затекли ноги, и она встала. Хлопнули забытые кроссовки – кроссовки Джорджа! Вот еще – не хватало ей мозолей! Она быстро скинула предательскую обувь и сразу же поморщилась. Не очень-то аккуратная, Рита, очевидно, не каждый день метет пол на кухне: под ногами – какой-то песок, а может быть крошки! Бет, брезгливо поднимая ноги, направилась в комнаты – там хоть ковер.

В гостиной она уселась в кожаное кресло перед телевизором, но включать его не торопилась: ей не хотелось нарушать устоявшуюся тишину. Оказывается, эту тишину она довольно напряженно слушает. И еще, оказывается, ей снова нужно в туалет. Для

этого придется идти в спальню Риты, туда, где Бет никогда не была. И не потому, что Рита ее не пускала, а просто... как-то не случилось. Это даже любопытно – взглянуть, как живет Рита, да еще в ее отсутствие. Бет вспомнила, что уже искала туалет в чужом доме – сегодня утром. Б-р-р! Ну, в спальне у Риты вряд ли прячутся старые маразматика.

Она неторопливо поднялась наверх. На втором этаже одна из дверей – открытая – вела в Ритину спальню. Бет увидела неубранную постель со смятыми простынями и наполовину вылезшей из наволочки подушкой. Вторая дверь была закрыта: за ней находилась маленькая, неиспользуемая комната. Когда-то Ритин муж переделал ее во что-то, напоминающее бар – со стойкой и высокими табуретами. Так рассказывала Рита. И она же говорила, что со времени развода ничего там не трогала: спиртного она почти не пила, да и просто – терпеть не могла эту отделанную в духе Среднего Запада фантазию мужа.

Бет быстренько проскользнула, стараясь не замечать неопрятной постели, в ванную и, не закрываясь (дом-то пустой!), уселась на унитаз. И сразу насторожилась. Слева от нее, на широкой мраморной доске с раковиной, в беспорядке валялась масса Ритиных вещей, и среди них – откровенно женских и поэтому привычных – большая, наполовину открытая опасная бритва. Конечно, ею могла пользоваться и сама Рита, но... Бет поискала глазами и тут же наткнулась на другую бритву – безопасную, с плоской и широкой пластиковой ручкой – точно такую же, как у нее самой... У Риты (хоть она и не признается), похоже, есть мужчина. Любопытно, зачем ей скрывать это от Бет? Вот если бы Рита хотела казаться несчастненькой... Но она, наоборот, скорее выступает в роли опекуниши.

Она хмыкнула, вышла в спальню и сразу же наткнулась на неожиданный предмет. На кровати лежал открытым альбом с фотографиями. Вернее, из-под цветной простыни высовывался его край. В таких альбомах обычно хранятся фотографии родственников или быстрые бездарные снимки – свидетельства давних поездок вдвоем, сделанные равнодушной рукой официанта или просто прохожего. С чего это Рите смотреть на них в постели? Бет наклонилась поближе и ахнула. Такого она не видела давно! А может быть никогда. Сумасшедший день никак не хотел заканчиваться!

Она присела на край кровати. Не от любопытства, а просто от удивления. И стала перелистывать альбом. Конечно, ей приходилось видеть порнографию. Но там, в журналах, это были глянцевые, отпечатанные типографским способом и почти несуществующие на самом деле красотки, с безразличным азартом взнуданные огромными мужиками с фаллоиммитаторами вместо членов, которые погружались в такие же ненастоящие резиновые влагалища... Похоть – совсем не страсть! Бет не знала, как объяснить разницу, но сама отлично чувствовала ее. А в альбоме были настоящие, живые люди! И от них, от фотографий, иногда даже нечетких (фотограф и сам, вероятно, был возбужден до предела) колдовски несло страстью и необъяснимой, но понятной, как движения любовников в последнюю секунду, глубокой естественностью. И простота поз только подчеркивала эту естественность. Или фотограф-любитель был гением, или сами, меняющиеся от фотографии к фотографии, любовники вдыхали в кусочки фотобумаги режущую глаз невероятную реальность!

Постепенно у Бет вспотели ладони, и кровь запульсировала внизу живота... Еще несколько страниц... Надо же! В чужом доме, на чужой кровати... Но она вдруг поняла, что и неопрятные простыни, и плохо вычищенный ковер под ногами – как раз то самое место... Что они жизненней ее вылизанного дома с Джорджем в качестве мужа...

Ритина спальня так же отличалась от ее собственной, как лежащий перед ней альбом – от глянцевого «Пентхауса»! Еще чуть-чуть, и она бы взвыла в голос, забыв о нежелании нарушать тишину. Никогда, даже у себя в ванной, под душем, она не чувствовала себя такой естественной, такой правой, такой...

Но... Свободной рукой она перевернула страницу, и жар превратился в озноб. Ей показалось, что она катится головой вперед по наклонному желобу, который и не желоб совсем, а жерло пушки. На фотографиях, незатейливо разложенных одна под другой и заботливо прикрытых прозрачным пластиком, была запечатлена она сама! Лица мужчин были нечеткими, но себя она узнала сразу – и, хотя это были фотографии, они показались плохо нарисованной карикатурой. Что это были за снимки! Она даже не успела сильно удивиться, как сообразила, что это грубая подделка. Ее голова и шея были вырезаны и наклеены на лица настоящих участниц... И, чем больше она всматривалась, тем более очевидным становилось несоответствие поз. Да и свет падал по-разному... Но выражение ее лица невероятно совпадало с тем чувством, которое испытывало приписываемое ей тело! Откуда у Риты ее фотографии?! И почему она никогда не замечала ни на одном из своих снимков столь чувственного и жалко откровенного лица?!

Она перевернула еще несколько страниц. Снимков было много, наверное, десятка два. Она потрогала пальцем неровную поверхность – бумага была толстой – и подумала, что снимки сделаны полароидом. Но все равно не помнила где, когда и кем...

Чем больше она всматривалась, тем больше и больше, странным образом, чувствовала себя участницей изображенного на фотографиях. Как будто это действительно случилось с ней когда-то давно, а сейчас воспоминание неожиданно прокралось к ней и воскресило все-все... Фантастическое ощущение! Бет застонала, сама, не понимая, что это – восторг или отвращение. Рита или кто-то еще сотворили чудо, приклеив ее голову к чужим телам: ей передавались все чувства этих ничем не скованных, откровенных и уверенных в своем праве женщин!

Как обезьянка с вживленным прямо в мозг проводком, – подумала она иронично, чтобы хоть как-то приостановить кружащуюся комнату с неподвижным альбомом у нее на коленях. И перевернула последнюю страницу. Увиденное уже не произвело на нее сильного впечатления в том состоянии эротической полуистерии, в котором она находилась... На последних трех фотографиях лежали, стояли и сидели, переплетаясь друг с другом, две обнаженные женщины. Две грубо наклеенных головы...

Так вот оно что! А она никогда не догадывалась, что Рита... Нет, вообще-то она вполне сочувственно относится к лесбийской любви. Когда-то она даже подумывала попробовать сама. Только было непонятно, где и с кем. Но Рита! И, главное, странная затея – разрезать фотографии... В этом есть что-то от Вуду, от Черных Месс! У Бет даже волосы на руках встали дыбом. И сильнее запульсировало внизу живота. Она согнулась, просунула ладонь между вспотевших колен и из всех сил сжала ноги. Она не понимала, хорошо ей или отвратительно...

– Момент, когда адреналин всерьез вскипает в крови – это момент нашей близости к дьяволу. И чем больше адреналина, тем ближе дьявол.

В любом другом случае Бет потеряла бы сознание от испуга и неожиданности. Но не сейчас. Сейчас она просто подняла голову и увидела его – стоящего со смущенной улыбкой в дверях спальни.

– Сентенция, впрочем, не моя, – сказал он виновато, – я услышал ее от одного бездомного, довольно любопытного типа. Он считает, что бороться с дьяволом можно и

нужно только максимально к нему приближаясь. Что, по его мнению, мир усердно и делает вот уже много веков. И инстинкт самоуничтожения – более древний, чем инстинкт самосохранения. Иначе – зачем бы Адаму срывать запретный плод? Это, конечно, не великая новость, есть теории и позанятней, но...

Маккон говорил так, как будто они давно ведут беседу за чашкой кофе. Причем, Бет прекрасно понимала, что он и сам не придает своим словам никакого значения. Просто ему, наверное, нужно было обнаружить свое присутствие, вот он и болтает успокоительным тоном невесть что. Он выглядел так мирно в своей смешной вязаной кофте, с такой неловкостью переминался с ноги на ногу у двери, что Бет даже почему-то не рассердилась на него всерьез. Она только вытащила руку, поправила халат и захлопнула альбом. А Маккон сделал вид, что со своего места не заметил фотографий.

Гад, подумала Бет, неотвязный гад! Пробрался за ней в закрытый дом. А что, если я сейчас скину халат и продемонстрирую ему кое-что, почерпнутое из замечательного альбома?! Этого он не ожидает, может смутится, сволочь! Жаль, что он так немолод...

И, неожиданно для себя, непристойно выругалась. Мысленно, конечно. А Маккон засуетился, пригладил рукой волосы и торопливо сказал:

– Да что же это я болтаю! В первую очередь я хотел извиниться за своего отца. Понимаете, он часто капризничает, и я не могу оставлять его одного надолго. Вот и приходится возить за собой.хлопотно, но ему веселее. Только поймите правильно: случившееся оказалось для меня совершеннейшей неожиданностью. Ну согласитесь: кто мог ожидать такой прыти от глубокого старика? Я очень надеюсь, что вы уже оправились от испуга и не станете затевать дело против восьмидесятисемилетнего человека. А водителя, поверьте, я сам накажу за то, что потворствует старику. Хотя он утверждает, что просто растерялся; он и сам не ожидал, что отец полезет к вам с руками. А если вы обещаете не сердиться и забыть о случившемся, я расскажу вам много интересного. Договорились?

Бет уже хотела произнести свое ругательство вслух, но, едва открыв рот, передумала. Было ли это колдовство альбома или просто взвинченные нервы, но она ощутила себя совсем другой женщиной. Да, именно женщиной, а не человеком! Сейчас ей незачем было ревниво сравнивать себя со своей машиной. И ее невидимые, но постоянные слушатели, обязывающие и подталкивающие, несмотря на молчаливость, к выводам, к определенным манерам, к нужным ощущениям, исчезли, истаяли к черту! Поэтому она кивнула головой и даже улыбнулась: ну что уж теперь, пусть выкладывает. А старика можно и забыть. Действительно, не выставляя же себя на посмешище, засуживая маразматика за то, что он тебя слегка облапал!

Она почувствовала облегчение. И без всякого отворачивания откинулась на Ритину кровать, не заботясь о том, что ее поза может быть истолкована Макконом превратно. Что бы там не врал Маккон, но, благодаря дурацкой истории со стариком, заставившей фэбээровца извиняться, ситуация совсем перестала казаться мрачной.

Маккон покосился на нее; он, видимо собирался попросить разрешения присесть на кровать, но теперь передумал. (Ага! – мысленно взвилась она, – Смущаешься!) Бет закинула ногу на ногу и поощрительно ему кивнула.

– Ну вот, – начал Маккон бодро, но с темпа явно сбился, – для начала о вашей машине. С ней все в порядке, стоит на стоянке возле Автобусной Станции, на десятой авеню, там открыто круглосуточно, вот талончик – пожалуйста!

Он положил желтый кусочек картона на кровать, рядом с Бет, и удовлетворенно потер руки. Получалось, что главный вопрос на сегодня, в общем-то, решен, осталось

только несколько мелочей. Но развалившаяся в чужой постели Бет нашла, что сыграл он довольно неубедительно. Она взяла талон с простыни, надкусила краешек и задумчиво посмотрела в пространство.

– Милая Бет! – у Маккона раздувались ноздри, но он улыбался (чем-то все-таки она его достала. Ха!). – Если говорить о случившемся с вами, то вы просто не представляете себе, о чем идет речь и, возможно, думаете, что я вас мистифицирую. Поверьте, у меня есть более важные дела! И вообще: то, что вы оказались вовлечены во все эти странные игры – дурачество одного из сотрудников Станции, хотя и, некоторым образом, моего подчиненного. Всю историю я, к сожалению, рассказать вам не могу – это связано с высокой секретностью – но ту часть, в которой замешаны вы и ваш муж, объясню. Легче, наверное, начать с конца. С вашим мужем я познакомился только сегодня, сразу же после того как вы уехали домой. Кстати, хочу извиниться за свое поведение там, у меня дома, когда я мне пришлось вас выпроводить. Видите ли, дело, которым я занимаюсь, столь сложно и запутанно, что подобные накладки невозможно предусмотреть. Ну и в тот момент мне показалось, что... Ну, что вы не случайная жертва, так сказать, а совсем наоборот, активная участница игры. Ну и повел себя соответственно. Так вот, о вашем муже. Я беспокоился за вас: вспомните, какой вы были сегодня утром! По своим каналам нашел его рабочий телефон, ну и... Объяснил ему как мог, что у вас нервный срыв, в общих чертах рассказал про нападение. Совершенно не ожидал от него такой реакции! Даже растерялся. Он почти впал в истерику. Поэтому, раз уж я ввязался в это дело, пришлось привезти его домой самому, исключительно для того, чтобы убедить его, что вам ничего не угрожает, и пообещать, что мы будем вас охранять. Он даже подписал бумагу, что не возражает... Ну а тут вы выкинули неожиданный фортель... Да еще мой отец, которого в тот момент я отослал домой: теперь ведь нужно было искать вас.... Хорошо еще, что Джордж вспомнил о вашей подруге Рите. Ну вот, собственно, и все.

Похоже, он и не рассчитывал, что Бет ему поверит. Слишком уж много откровенных нестыковок выплывало в его рассказе. Но все равно, перестав его бояться, она перестала и воспринимать его всерьез. Поэтому только презрительно хмыкнула в ответ.

– Я понимаю, все это звучит очень неубедительно для вас. Но я действительно не имею права посвящать посторонних в подробности...

– Ну конечно! Эти голые психи, гуляющие по коридорам – дело сверхсекретное! А если забравшийся ко мне в машину кретин – еще и агент ФБР... Это делает честь вашей организации! Вы их что, прямо из психбольниц на работу берете?

– Послушайте, Бет, люди, которых вы видели, действительно больны, в каком-то смысле. Мы помогаем их лечить, а они помогают нам в очень ответственном деле.

– Значит, там, на Автобусной Станции, с помощью обнаженных шизофреников, вы отлавливаете особо опасных преступников. Хорошо еще, что вы не догадались дать им оружие: среди таких агентов могли затесаться и параноики. Представляете, сколько преступников они бы вам перестреляли!

– Вы совершенно напрасно иронизируете! – похоже, Бет действительно удалось его разозлить. Маккон забегал между кроватью и стеной, от двери к окну и обратно. – И дело совсем не в преступниках! С некоторых пор на Станции творятся очень странные вещи! Могу вам сказать, например, что кто-то перемонтировал систему вентиляции. А это означает, что автобусные выхлопы, собирающиеся в подвальных этажах, да и не только там, не выбрасываются наружу, а, вместо свежего воздуха, нагнетаются в

пассажиры залы. Конечно, в таких огромных помещениях удушить ими людей невозможно – концентрация невелика, но отравить вполне реально! И если бы вы могли наблюдать действие, которое этот газ производит на сотни и сотни людей, вы бы поняли серьезность всего дела. По сравнению с этим, то небольшое неудобство, которое было причинено вам... Это все что я могу сказать!

Он окончательно рассердился (не оттого ли, что, наоборот, рассказал больше, чем хотел?), на щеках выступили пятна, одна рука сжимала другую, и выглядело это так, как будто он прикрывал пятно на брюках. Бет стало совсем неинтересно. Ей не нравились такие детективные истории. А она-то... на секунду поверила, что ее Джордж – монстр! Но где-то, на периферии сознания, скрывалась занятая идея: воспользовавшись случаем, не спешить возвращаться к милому Джорджу... И, может быть, пожить у Риты?

Бет вспомнила о Рите и сказала проходящему в себя Маккону:

– Получается, что моя приятельница, эта самая Рита, зря потащила в Манхэттен за моей «Вольво». Ведь без этого билетика ей машину не выдадут. Жаль. Но, может, вы и тут поможете?

– Так она поехала искать вашу машину?!

Невинное, в общем-то, заявление как будто испугало Маккона. От неожиданности Бет даже приподнялась на локте. Он смешно скривился, взмахнул все еще сцепленными руками и выбежал из комнаты. Через секунду до Бет донеслось бормотание – Маккон говорил по мобильному телефону.

– Ну и правильно, что испугался, – удовлетворенно подумала Бет, – Риту они так просто не купят! Она... Она из другого материала!

Бет погладила закрытый альбом и смутилась. Тьфу ты! И тут же в дверях опять возник Маккон.

– Вы напрасно так разлеглись! – он почти рычал, как пьяный капрал. – У вас есть фотография вашей подруги? Вот в этом альбоме? Это же ее альбом, верно? Давайте его сюда!

Ну, это он ошибается! Он не на родном плацу! Да и эти фотографии, ее и Ритины... Бет схватила альбом и спрятала его у себя на груди, намеренно пренебрегая тем, что халат распахнулся.

Но Маккон переиграл ее. Старый фэбээровец переиграл миссис Вильсон, лежащую на несвежей постели в обнимку с сомнительным альбомом.

– Вы не понимаете, – сказал он медленно и устало, оставив приказной тон, – операция переходит в самую опасную, завершающую фазу. Ну и... фотография вашей подруги мне нужна для того, чтобы успеть ее задержать. Задержать и, возможно, спасти.

Он бросился вниз, бормоча что-то бессмысленное о царе Мидасе, и исчез так же неожиданно, как появился.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У Бет была неприятная ей самой привычка: «застрывать» на только что увиденном или почувствованном и прокручивать это в памяти бесконечное количество раз. Срабатывала эта привычка далеко не всегда, но уж когда срабатывала... Однажды

Бет чуть было не попала в аварию просто потому, что «застряла» на том моменте, когда молодой и наглый продавец в «Север-Элевен», куда она часто заезжала за утренним кофе, не ограничился обычным откровенным, раздевающим ее взглядом, а умудрился еще коснуться ее ладони большим, не очень чистым пальцем. Вроде бы невинный жест. Но сопровождался он столь двусмысленной улыбкой, что... Да и само движение было странным и бесстыдным: он не просто коснулся ее, передавая сдачу, а, скорее, дважды коротко ткнул пальцем в ладонь. Намек был столь очевидным, что ее как будто прожгло насквозь! Особенно обидным показалось то, что Бет сразу поняла этот намек. В машине она возмутилась настолько, что выбросила прямо на дорогу стаканчик с кофе. Пить его, непонятно почему, означало согласиться на гнусное предложение. От отвращения у нее побежали мурашки по коже, ну и... Ну и тот внезапно появившийся впереди грузовичок, был совсем не к стати.

Вот и сейчас она снова «застряла». Маккон давно уже ушел, вернее, убежал, чертыхаясь, бросив на прощание растерянный и как будто обвиняющий взгляд. А она все «прокручивала», как будто скатывала в комок, увиденное в альбоме. А по скользкой горячей поверхности этого комка тонким слоем понеслись мысли. Рита, которая никогда даже намеком... даже не дотрагивалась до нее. Если они и говорили о сексе, так только о ее проблемах с Джорджем, не более. А потом – эта мужская бритва в ванной... И этот злополучный альбом... О-о, альбом! Мысль оборвалась, провалилась куда-то внутрь, и Бет поняла, что пора усилием воли отвлечься, остановить идиотское «прокручивание».

Она спустилась вниз, в гостиную и попыталась сосредоточиться. Да, обвиняющий взгляд Маккона! Как будто она по собственной инициативе влезла во всю эту непонятную авантюру, да еще подругу в нее втянула! С Маккона слетела вся его галантность, как только он услышал, что Рита отправилась за ее машиной. Что-то там у него из-за этого пойдет не так. Да если бы он не валял дурака и сразу отдал ей ее «Вольво», ничего бы не было! А, может быть, Рита права, и они не хотят, чтобы Бет свободно передвигалась? Но, кто «они»? И зачем? Что вообще связывает Джорджа и Маккона? Бет, конечно, ни на секунду не поверила в сказку о неожиданно заботливом фэбээровце. Да и Джордж, узнав, что она поехала домой, попросту бы позвонил ей туда, а не стал бы срывать с работы и тащить с собой незнакомого человека. Но это факт: Джордж вернулся домой, и вернулся не один. Можно, конечно, предположить, что Маккон сказал ему что-то такое, что заставило Джорджа бросить работу и помчаться ее выручать. Однако она слышала их разговор...

Бет опять оказалась у телевизора и долго стояла, уставившись в темный экран. И вдруг разозлилась на себя – вялую какую-то и безынициативную. Все, на что ее хватило с самого утра – дважды в ужасе убежать. Ну, со Станции – это еще более или менее понятно. А вот из собственного дома! Откуда у нее, современной неглупой женщины, такой панический страх? Может быть все значительно проще, чем это ей представляется. И уж, во всяком случае, делать из Джорджа мистическое чудовище – совершеннейшая глупость. Тут, правда, еще и Рита со своей «умной» подозрительностью и (похоже, только на словах) отвращением к мужикам... Вот дурабаба! И сама она тоже – дура!

Главное, разобраться, что следует делать, а чего не следует. Вот, например, сидеть и ждать Риту, строя чудовищные догадки и сходя с ума наедине с этим альбомом – совершенно ни к чему. А у нее еще промелькнула была мысль пожить у Риты!.. К черту! Самое простое – оно и есть самое правильное. Значит, нужно просто плюнуть на все страхи и пойти обратно домой. Хотя бы для того, чтобы просто поговорить с

Джорджем! Ну что может быть проще? Кроме того, Маккон, очевидно, уехал в Манхэттен. Если бы ей действительно грозила опасность, то Маккону ничего не стоило разобраться с ней здесь, у Риты. Нет, домой, сейчас же домой!

Бет решительно пошла к двери, потом вспомнила, что Рита ее закрыла, хмыкнула и направилась на кухню, к выходу во двор. Ну конечно, как она и подозревала, мудрая и предусмотрительная Рита запереть эту дверь в спешке забыла. Бет выскользнула наружу и пересекла унылый двор. Интересно, – подумала она, – зачем нужно огораживать дом таким вот высоченным забором, если калитка не запирается даже на простую щеколду? Чтобы создать иллюзию уединенности? Впрочем, водятся еще всякие старички с телескопами, сволочи, и чем выше забор, тем лучше.

Вспомнив о старике, она невольно огляделась, но все вокруг было безмятежно пустынным. Бет вздохнула (проклятые кроссовки!), собралась с духом и отправилась домой. Правда, на шоссе она не вышла, а пошла между домами, вспугивая дремлющих собак. Этот путь оказался длиннее, чем она предполагала. Несколько раз она совершенно терялась между беспорядочно разбросанными однотипными коттеджами. Попетляв наугад и изрядно натерев ноги, она неожиданно вышла прямо к своему дому. Площадка перед гаражом была пустой: Джордж уехал. Бет позволила себе облегченно вздохнуть и признаться, что ей все же не очень хотелось с ним встречаться. Ну конечно, он уехал ее искать! Только для чего? Монстр он или любящий муж? Вот, опять! Ну уж нет! Она идет домой! Хватит с нее!

Бет храбро вошла в дом и уселась на диван. Все! Она даже не пойдет проверять, есть ли кто на втором этаже. Честно попыталась расслабиться и даже прилечь: хлопотный был денек!.. Но получилось это у нее плохо. Тишина, последовавшая за ней от Риты, принесла с собой и недоброе напряжение. Как будто она не у себя дома! Ей даже показалось, что если она поднимется в спальню, то, вместо привычного «раздавленного слона», обнаружит грязноватую Ритину постель. Черт знает что! Кстати, она ведь сегодня почти ничего не ела. Не пойти ли на кухню и не приготовить ли чего-нибудь пожевать?..

Бет открыла холодильник, вытащила масло и собралась было сделать бутерброд. Эх, если бы Джордж оказался дома, можно было бы все сразу расставить на свои места. Ну да, – сказала бы на это Рита, – расставить! Если Джордж не соврет, конечно. А может ли он соврать? – и Бет тут же поняла, что и отвечать незачем.

Поход на кухню, кажется, оказался очень полезным, несмотря на отсутствие аппетита. Бет подержала в руке блестящий нож, потом отодвинула коробку с маслом и вспомнила. Когда-то, очень давно, еще в самом начале замужества, Джордж подарил ей маленький дамский пистолетик. Таковую блестящую никелированную игрушку.

– Это чтобы тебе не было страшно одной в доме, – сказал он и был очень горд своей заботой о ней. Может быть, ему тогда показалось, что его убитое «казусами» мужество можно компенсировать таким вот подарком. Бет полюбовалась на изящную вещицу и сунула ее куда-то в ящик. Она редко оставалась дома одна... к сожалению.

И вот теперь блеск кухонного ножа высветил этот забытый подарок. И очень кстати! Держа нож в руке – ну, конечно, по рассеянности! – Бет кинулась наверх, мимоходом хмыкнула, увидев аккуратно застеленного «слона», и выдвинула нижний ящик прикроватной тумбочки. Пистолет должен был лежать здесь. На секунду Бет показалось, что не может его найти, и она чуть не заплакала от разочарования. Но пистолет – в красивой замшевой кобуре – был на месте. Бет вытащила его, примерила к ладони и сразу почувствовала себя лучше. По фильмам она знала, что следует

проверить, заряжен он или нет, но не помнила, как это делается. Да это было и не важно. Уверенная тяжесть оружия сразу восстановила хрупкое равновесие, которое Бет тщетно пыталась удержать внутри себя. Она почувствовала себя значительно спокойней. Хотела положить пистолет в карман и обнаружила, что все еще разгуливает в халате на голое тело. Это совершенно не соответствовало ее новому «вооруженному» состоянию, и она кинулась переодеваться.

Хорошая все-таки штука – джинсы! Она застегнулась, подумала и надела легкий свитер. Теперь еще лучше! Только вот карманы джинсов не приспособлены для ношения оружия. Бет спустилась в подвал, быстро нашла старую кожаную куртку, и рука с пистолетом удобно и спокойно поместилась в глубоком кармане. Теперь Бет была готова к встрече с Джорджем! Она зашнуровала свои собственные кроссовки, легко попрыгала на месте и сама себе понравилась.

Оставалось дожидаться Джорджа. Она поднялась в гостиную и снова уселась на диван. Сидеть в тяжелой и жаркой куртке было не очень приятно, но новое чувство защищенности компенсировало все неудобства. Бет поерзала, устраиваясь поудобнее. Ну вот, – сказала она и удивилась, обнаружив своих обычных собеседников и судей, которые, оказывается, вернулись к ней вместе с уверенностью в себе, – что мне теперь делать с Ритой и ее альбомом? Дрянь конечно, но... ладно, это потом!

Она почувствовала себя совершенно разбитой, ужасно захотелось спать. Настолько, что даже мысль о злополучном альбоме не вызывала больше никакой реакции. Действительно, это – завтра. Сегодня предстоит разобраться с Джорджем. Интересно все-таки, где же он?

Наверное, она все-таки задремала. Поэтому громкий переливчатый звонок у входной двери застал ее врасплох. Ага! Бет резко, как от удара, подбросило, она оказалась у входа и распахнула дверь раньше, чем успела хоть что-то сообразить. Это все нервы и проклятая привычка открывать, не спрашивая «кто там?!»! Сколько раз Джордж ругал ее за это! А за дверью, конечно, полицейский – кто же еще? Она даже не взглянула на человека, стоявшего на пороге, и слегка расслабила вспотевшую руку в кармане.

– Извините, мэ. Вы Элизабет Вильсон, верно? И ваш муж – мистер Вильсон? Тут вот какое дело...

Бет несколько не удивилась и, по-прежнему глядя себе под ноги, скорее для порядка спросила, в чем, собственно, дело. У Джорджа проблемы с полицией? А у нее проблемы с Джорджем! У всех проблемы со всеми! Но не надо доводить ее до предела! И вообще – все гады!

Видимо, на ее лице отразились все эти мысли-чувства, потому что она услышала обеспокоенный и сразу ставший неофициальным голос полицейского:

– Да не волнуйтесь вы так, не случилось ничего ужасного для вас, поверьте мне! Кроме того, насколько мне известно, вы женщина умная, инициативная и не истеричная...

Стоп! Это что еще за полицейский?! Странный для полиции лексикон, да и что это значит: «насколько мне известно»? Она, наконец, подняла глаза, вздрогнула и тут же внутренне рассмеялась с облегчением. Во-первых, у нее теперь пистолет, а, во-вторых: ну и везет же ей сегодня на стариков! Перед ней стоял не офицер полиции, как она подумала с самого начала, а невысокий сухонький старичок крайне интеллигентного вида. К счастью, совсем не похожий на Макконовского папашу. Да и пахло от старичка

разве что пылью. Бет снова рассмеялась, на сей раз почти открыто, в лицо старичку, и вытерла о джинсы вспотевшие ладони.

– Мадам, – печально и торжественно сказал старик, приподняв над редкими пушистыми волосиками смешную соломенную шляпу-канотье, – я рад, что не ошибся в вас. Равно как и в вашем муже, мадам. А то, что все получилось из рук вон плохо... не корите себя за это, прошу вас! Я, конечно, попытаюсь все исправить, если... если это еще возможно. Но и в противном случае – поверьте, вашей вины нет никакой.

Старичок сложил тонкие невесомые руки на запавшей груди и стал похож на оголодавшего печального тушканчика. Его трагикомичный вид почему-то сгладил тот подозрительный факт, что этому тушканчику явно что-то известно о Джордже, да и, похоже, о том, что творится на Автобусной Станции. Кроме того, старик выглядел таким беззащитным, почти ненастоящим, что ей даже пришлось сделать над собой усилие, чтобы заговорить с ним всерьез, а не как с куклой или собакой. Но, все равно, получалось неестественно и потому не слишком серьезно.

– Я не совсем поняла вас. Простите, но... В чем нет моей вины? Не помню, чтобы я что-нибудь натворила.

– Ну как же, – старик занервничал и потер ладонь о ладонь, все еще держа их на груди, – вы ведь еще не знаете, что на Автобусной Станции все пошло отвратительно и совсем не так, как предполагалось. Это ужасно – то, что уже случилось... И непонятно, что будет дальше... Но если вы и сами думаете, что не виноваты, то... Что ж, в таком случае... Но ваш муж, он проявил себя как настоящий герой, слышите!

Чем дальше и чем невнятной говорил старик, тем больше он казался Бет смешным и нереальным. Но на Станции что-то случилось, а там Джордж и Рита! Как бы там ни было, это самые близкие ей люди... Внезапно Бет по-новому увидела весь сегодняшний день и ужаснулась целой веренице невероятных совпадений, собственной глупости, какому-то мелкому горькому и сладкому страху, всему-всему, такому же нелепому, как затертое канотье... В итоге, где-то там, на Станции, что-то происходит. А она, Бет, совсем недавно – несчастная, как ей казалось, жертва этой интриги – сидит себе дома с пистолетом в кармане, и у нее все, в общем-то, хорошо и спокойно.

Старичок, заметив, что Бет его не слушает, замолк и смотрел на нее все так же печально и немного растеряно. Бет подбадривающе-бессмысленно улыбнулась. (А как еще себя вести с этим старикашкой?) Ей вообще показалось, что он настолько хрупкий и засушенный, что стоит ей только нахмуриться, и он рассыплется на кусочки, просто от негативной энергии.

– Я еще хотел сказать... – начал он и приостановился, как бы желая убедиться, что Бет его слушает, – собственно, я хотел сказать, чтобы вы не волновались. И предупредить, что сейчас к вам приедут гости. Вместе с вашим мужем. И я подумал, что будет правильно, если вы заранее к этому приготовитесь.

Какие еще гости?! Бет открыла рот, чтобы все-таки сказать старику, что он несет чушь, но тут же услышала, как загудела, поднимаясь, гаражная дверь – это мог быть только Джордж! – и, сразу забыв о старике, быстро пошла в гараж. К ее удивлению, старик увязался за ней и продолжал бормотать ей в спину предупреждения о каких-то китайцах, песнях и свадьбах, и еще что-то, чего она уже не слушала. Потому что в маленьком коридорчике, соединяющем гараж с подвальной комнатой, вспыхнул свет, и появился Джордж. А за его спиной Бет увидела странные – полусонные, как ей показалось – физиономии гостей. Но в первый момент она даже не очень разглядела их, потому что во все глаза смотрела на Джорджа.

Конечно, это был Джордж! Но... Под глазом и дальше по скуле расплывался довольно свежий, начинающий припухать синяк. А его одежда! Правда, пиджак – один из тех, в которых он ходил на работу – был на месте. Но надет он был прямо на голое тело, перехваченное по груди какими-то странными черными лентами. А где же брюки? О, Господи! Ноги Джорджа были обернуты грязным и местами порванным байковым одеялом!

Но Джордж совершенно не смутился. Увидев Бет, он с веселым и уверенным видом взмахнул руками, улыбнулся ей, как бы говоря: «А вот и мы, ты уж не обижайся!». Потом он повернулся к стоящим за ним людям и бодро, по-хозяйски предложил всем подниматься в гостиную и располагаться как кому удобно. И все двинулись по лестнице наверх. Их было много, человек пятнадцать. Несколько женщин, но, в основном, мужчины. Они приветливо и чуть смущенно кивали головами, проходя мимо Бет, оглядывались друг на друга и, в общем, вели себя так, как и положено неожиданным гостям.

И это было так естественно, что Бет, совершенно непроизвольно, тоже им улыбалась и вежливо кивала. Она только отметила, что одеты эти люди странно, как будто с чужого плеча. А некоторые из мужиков были еще и в подозрительно женских куртках. Впрочем, по сравнению с Джорджем... Когда гости, наконец, оказались в комнате, Бет повернулась к нему, сама не очень-то понимая, что ей сейчас следует произнести. Но ничего не успела сказать, потому что из гаража появился еще один, последний гость в длинном плаще, и Бет сразу узнала Риту. Физиономия у той, так же как и у Джорджа, была веселой (она в жизни не видела Риту такой веселой!) и очень довольной. Кроме того, Бет узнала и плащ, в который Рита буквально завернулась. Это был плащ Джорджа! Интересно, брюки он ей тоже одолжил?! Тут уж у Бет нашлось бы, что сказать. Но она опять не успела. Рита, увидев ее, подмигнула здоровым глазом, вытянула губы и подняла ладонь с предупредительно вытянутым указательным пальцем. А Джордж уже ходил по комнате и что-то громко и непринужденно говорил гостям.

– Милая, – сказала Рита, так и не опустив руку, – чего ж ты хочешь? Конечно, все это очень неожиданно. Но ведь здорово! Я, кстати, говорила Джорджу, чтобы он позвонил тебе, предупредил. Да, только... Ну ведь прямо оттуда... Сама видишь!

И она легко распахнула плащ. Прямо на голое тело была надета какая-то упряжь с застежками, проходящая под грудью и между ног. Да что же это! – успела подумать Бет и с непонятым удовлетворением заметила сеточку растяжек на груди и животе у подружки. Рита, не пускаясь в дальнейшие объяснения, снова закуталась плащ и быстро юркнула наверх. Гости громко разговаривали и смеялись. Так сослуживцы после тяжелого рабочего дня собираются вместе, болтают и шутят, просто для того, чтобы сбросить напряжение. Только никакие это не сослуживцы!

– Ну вот, видите, – оказывается, Бет совсем забыла про старичка, все еще стоявшего у нее за спиной, – я же вам говорил: для вас, по крайней мере, все закончилось благополучно; вы – молодцы. А что будет со всеми остальными... Я не знаю. Что я могу? Я могу предупредить вас о приходе гостей. Да и то, видите, только-только успел.

Старичок огорченно вздохнул. И снова вздохнул, когда наверху странный, дребезжащий голос запел что-то на непонятном языке. Потом на секунду замер, поднял глаза к потолку и извиняющимся голосом сказал:

– Это свадьба началась. Так вы уж не расстраивайтесь и гостей не расстраивайте, ладно?

Бет снова почувствовала, что сейчас просто взорвется, и этим взрывом разнесет несчастного старика в клочья. Поэтому она перевела дух, нащупала в кармане согретый пистолет и тихо, невыносимо спокойно обратилась к нему.

– Будьте так добры, объясните мне, пожалуйста, что здесь происходит. Какая свадьба, кто все эти люди? Да и вы сами... Откуда вы меня знаете?

Старик, похоже, обрадовался вопросам. Он оживился, зачем-то снял с трясущейся головы канотье и улыбнулся.

– Да как же, мадам! Неужели вы совсем ничего не знаете? Ну, милая... Ни за что не поверю! А-а, это вас, наверное, полковник Маккон ввел в заблуждение! Он может! Он и сам запутался, и всех остальных запутал. А все очень даже просто! Сейчас я вам в двух словах объясню.

Бет подкупили успокаивающие интонации его голоса, и она почти начала верить. Тому, например, что на Автобусной Станции появилась преступная организация, банда из местных работников, которые, воспользовавшись неполадками в воздухоочистной системе Станции, сначала сами дышали отвратительной смесью автомобильных выхлопов с какой-то еще гадостью. А потом решили испытать эту смесь на пассажирах, нагнетая ее в зал, зачем – можно только догадываться. Отец полковника Маккона – его, старика, старинный друг и коллега – с которым Бет знакома, неожиданно вычислил банду. Но Маккон-старший умер, а младший, занимаясь бандой, увы, тоже попал под действие этой смеси и пристрастился... И решил поставить совершенно бессмысленный и ужасный эксперимент. В общем – остановить Маккона и его людей не удалось, хотя он и пытался. Пришлось, например, рисковать жизнью одного из посторонних, вернее – одной...

Дальше почти прозрачный старичок понес что-то совершенно невразумительное о плохом клее, бритве и черной рамке, и Бет, уже не таясь и не сдерживаясь, чертыхнулась, кляня себя за доверчивость. Еще один впавший в маразм идиот! Но старик не рассыпался от ее гнева, как она опасалась. Он только поджал тонкие губы, неторопливо уселся в старое продавленное кресло и произнес:

– Вы не верите в мою черную бумагу... Прекрасно! Тогда объясняйте себе сами, почему в вашем доме появились люди, празднующие чужую свадьбу! А я вообще отказываюсь принимать во всем этом участие! У меня и так все руки в клею, и никаких других фигур я вырезать не собираюсь! Даже если вы меня об этом попросите!..

Он продолжал что-то бурчать, но Бет уже не слышала его. Она кинулась в гостиную с твердым намерением выдворить всех этих людей, послать к черту Риту и разобраться с Джорджем. Разобраться с Джорджем, в конце-то концов! Но, поднявшись наверх, она неожиданно оробела. Не испугалась, а именно оробела. Все гости сидели на полу, по-восточному поджав ноги, образуя полукруг, а в центре стоял незамеченный ею раньше китаец и, закрыв глаза, пел что-то заунывное.

Но оробела Бет не из-за этого. Отдельно от остальных сидели ее Джордж и грузная некрасивая женщина в странном белом платье и нелепом полицейском ремне поверх него с прицепленной дубинкой и еще какими-то служебными штуками. И эта баба грубой толстой рукой с короткими пальцами и не очень чистыми ногтями обнимала Джорджа за плечи, смущенно (ну надо же, смущенно!) улыбаясь, шептала ему что-то интимное, прижавшись губами к щеке. А Джордж сидел прямо, смеялся и, кажется, даже слегка терся щекой об эти противные, наглые губы! Но, в то же время, вся эта картинка – веселящиеся, прихлопывающие в ладоши гости, китаец, торжественный и отстраненный, да и Джордж с отвратительной бабой – все они выглядели так

естественно, так безмятежно, что... Бет вдруг почувствовала себя лишней, вторгшейся на чужой непонятный праздник. Казалось, сейчас ей правильнее всего уйти, скрыться, чтобы не помешать, не испортить...

Но было еще одно: все это действительно походило на какую-то дикую невероятную свадьбу (ведь именно о свадьбе что-то говорил и старичок-тушканчик!), и место жениха занимал ее собственный муж! Броситься к нему за объяснениями означало для Бет и самой включиться в это сумасшествие, от которого она с самого утра старалась убежать! Да и какая, к черту, свадьба? Не верила она в это! Почему же тогда оробела? Э-э, нет! Это не совсем правильное слово. Она представила себя со стороны, глупо переминающуюся с ноги на ногу, в дурацкой теплой куртке. С некоторой растерянностью она поняла, что присутствие на идиотской свадьбе Джорджа ей почему-то еще и приятно. Ну а при мысли о предстоящей «молодоженам» брачной ночи (если, конечно, дело до этого дойдет) она злорадно посмотрела на «невесту» и улыбнулась. Потом, представив себе всю картинку, прислонилась к стене и расхохоталась во весь голос.

Может быть, смех перешел бы в истерику, но откуда-то (вероятно, из кухни) появилась запыхавшаяся Рита. Она была все в том же плаще. Когда Рита кинулась обниматься, плащ распахнулся, и Бет почувствовала чуть запоздавший запах свежего пота.

– Ты что, – удивленно сказала Рита, – разве не здорово? Ведь свадьба же! Ты ничего не знаешь, что ли? Ах, да! Тебя же там не было. Ну-у, сейчас везде такое твориться! Понимаешь, сначала что-то вроде ритуала: одеждой поменялись, документами... Вот теперь и свадьбы пошли. Мы сейчас здесь отыграем и к другим поедем. Сегодня много новых свадеб будет. Представляешь?! Но самое интересное не это! Самое интересное сейчас у тебя под домом стоит!

Рита, не обращая внимания на разгулявшуюся свадьбу, потащила Бет к окну. Бет еще раз взглянула на возбужденную Риту: если бы не больной глаз, то ее было бы не узнать. Даже многочисленные растяжки сейчас ее не портили. Может, потому, что она их не скрывала? Но Бет взглянула вниз, на площадку перед домом, и тотчас забыла и о переменившейся Рите, и Джордже с его «невестой». Прямо у ворот гаража, рядом с «Лексусом» Джорджа, приткнулся старенький Ритин «Шевроле», а чуть поодаль стояла большая черная машина с матовыми стеклами на окнах удлиненного торжественно-мрачного кузова. Вид ее не оставлял сомнений, что в машине есть пассажир. Ужасный пассажир.

Веселый идиотизм, весь день подбиравшийся к ней, и, наконец, утвердившийся в ее доме, дошел до своей крайней точки; Бет почувствовала себя нехорошо: такие машины обычно возглавляют похоронные процессии и везут гроб с покойником.

А рядом учащенно дышала Рита. Казалось, эта гробовозка приводила ее в полный восторг. Она повернулась, и Бет увидела, что вблизи ее разгоряченное лицо выглядит странно и страшно: улыбающийся здоровый глаз и затекший слезами – больной... Бет отшатнулась, но Рита схватила ее горячей рукой и зашептала что-то успокаивающее. Бет честно попыталась сосредоточиться и вникнуть в этот ее шепот. Но не могла. Она увидела, как из открытых дверей гаража к страшному автомобилю подскочили четверо гостей-мужчин, распахнули заднюю дверцу и выкатили тяжеленный блестящий черный гроб. Потом один из них приподнял распиленную напополам крышку (у Бет все оборвалось внутри) и что-то весело сказал трем другим. Те рассмеялись и замахали

руками Бет и Рите. Рита тут же сорвалась с места и убежала, а четверо мужиков, поднатужившись, приподняли гроб и быстро понесли его в дом.

Бет в панике оглянулась на оставшуюся компанию. Свадебный ритуал, похоже, закончился, но гости по-прежнему сидели на полу и переговаривались. Их было так много, а Бет совсем одна... Вдруг ей показалось, что не только эти люди, но и все вокруг – вся Америка, весь мир – сошли с ума, а она почему-то осталась нормальной и даже не понимала, чего ей хочется больше – присоединиться к остальным или...

Из-за плеча вынырнула Рита и снова сжала ей руку (на этот раз сильно, почти больно), пытаясь отвести от окна. Бет вырвалась и прижалась лбом к стеклу. И тут же раздался тяжелый глухой звук – гроб опустили на пол. Разговоры за спиной стихли, но Бет чувствовала, что это не от страха, а, скорее, от любопытства.

– Да что я, – почти не скрывая раздражения, прошипела Рита, – с тобой возиться должна?! Чего ты психуешь? Не понимаешь, что ли? Меняться так меняться. Все должно быть по-настоящему. Абсолютно все! Иначе, я что ли зря, как дура, голая летала? И еще – я тут одного полюбила, который в гробу... Его Кеном зовут, он и тебе понравится. Пойдем, я тебя с ним познакомлю. Ну! Слушай, ты лучше не порти нам ничего своими истериками, поняла!

Она хотела добавить еще что-то злое, но отвлеклась и отскочила в сторону. Судя по звуку, гроб уже открыли, и началось самое ужасное. Бет, почувствовав, что не выдержит и сойдет с ума, медленно обернулась. Она увидела на полу пустой гроб с откинутой крышкой – такой нелепый в ее гостиной... Она увидела всех этих людей – сидящих или стоящих на коленях – и с ними еще одного, прислоненного спиной к креслу – того, кого раньше не было... Рита снова вцепилась ей в запястье, и руку обожгло как огнем... Только сейчас Рита уже ничего не говорила, а тащила Бет все ближе и ближе к открытому гробу. Бет оттолкнула ее так, что та чуть не упала, и опять услышала ее шипящий голос, от которого перехватило дыхание.

– Нет уж, – клокотало у Риты в горле, – если все, то все, теперь уж обратно не повернешь, поздно! Что ж, ты одна такая будешь? Давай, ложись!

Бет показалось, что она не испугалась. Что-то металлически щелкнуло в голове, потом щелкнуло еще раз, но теперь в кармане, и она сообразила, что это пистолет – маленькая блестящая игрушка для одинокой боязливой дамы. Но Бет не боялась и была совсем не одна в доме. Она вытянула руку с пистолетом, взмахнула им и... Пистолет стал стрелять! Бет стояла с закрытыми глазами, а пистолет – кровожадная сволочь – сам водил ее рукой. И так как стрелял он очень долго, то Бет, в темноте крепко сжатых век, привиделся оставшийся в подвале старичок-тушканчик, который скорбно кивал ей, как будто говоря: вы ни в чем не виноваты, мадам! Уверяю вас, вы вели себя просто молодцом!

А потом старичок стал рассыпаться, рассыпаться... И исчез совсем. А вместе с ним исчезли и Джордж с его «казусами», и изменившаяся Рита, и остальная компания вместе с покойником, домом и всем остальным миром, принимавшим участие в нелепом безумии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Он вообще не очень-то любил смотреть телевизор. Скучно. Это в настоящей жизни можно придумывать все разговоры самому, но с телевизором так не получалось. Им – тем, которые на экране – было все равно, они жили своей, непонятной и оттого неинтересной ему жизнью. Даже если на экране бегали и стреляли, кого-то спасали, а кого-то, наоборот, убивали. Неинтересно. Вот только постельные сцены... их он любил смотреть. Но не так, как его молодые соседи – ухая и хихикая – нет. Просто в постели обычно молчали, занимаясь сладким делом. Ну и потом: хотя он и понимал, что перед ним актеры, и что это не по-настоящему, но все же занятно было поглядеть, как они это делают, как представляют. Да и смешно тоже. Потому что в жизни это бывает совсем не так. Он-то хорошо помнит. Но такое по их телевизору показывали редко; соседи даже хотели скинуться и купить какой-то кабель. Потом, правда, почему-то, раздумали. Но все равно, каждый вечер включали телевизор и не отрывались от него до поздней ночи. Куда ему было деться? Он тоже смотрел.

Все-таки самым интересным он считал то, что, как ему объяснили, называлось рекламными перерывами. Хотя он часто путал фильм с этой самой рекламой. И там, и тут улыбались и плакали, и там, и тут все заканчивалось хорошо, просто замечательно. Но в рекламе все было короче и понятней. Вот хозяин толстой собаки что-то накладывает ей из банки. Собака, ясно, рада: ест и улыбается. Хозяин тоже улыбается, но как-то с горчинкой, что ли. Тут легко сообразить: дурак-хозяин разбаловал собаку. Она работать должна, а не жрать столько. Тогда не будет такой толстой. А то получается, что она умней хозяина. Перед людьми, которые смотрят, неудобно. Он, хозяин, наверняка потом одумается, собаку выпорет. Или вот, например, женщина, худая как... ну как та собака, если ее не кормить месяц. Улыбается и не знает, что ей в магазине выбрать. И того ей хочется, и этого... Ну это уже муж виноват! Да, женщине только волю дай! А заканчивается, опять же, правильно: продавец, хоть и вежливый, а толково дает ей понять – нечего тут выбирать! В магазине ведь как? Зашла, взяла то, что нужно, заплатила, вышла! У нее же семья, дети!

Но особенно ему нравился один, тоже китаец, приблизительно его лет. Стоит он на солнышке, греется. Правда, одет в какую-то распашонку, не солидно в его возрасте! Но, главное, улыбается хорошо и готовится выпить из чашки что-то горячее. Вроде как чай, но по его виду понятно, что это неправда – другое в чашке. Иначе почему ему так спокойно, тепло и уютно, даже и не верится, что так может быть. А самое важное: на его лице написано ожидание и это, как его... Предвкушение, вот. Предвкушает он, но не глоток из чашки – кого этим проведешь? – а что-то другое, невероятное и прекрасное. А потом – раз! И оказывается, что это не настоящий китаец, что нарисован он на картонной коробке. И чашка нарисована. Вот это-то он и предвкушал! Сильно сделано! Как тут Конфуция не вспомнить? Конечно, такого в жизни не бывает! Хотя... Слышал он в детстве от стариков, что можно вот так: выпил особой смеси и стал как нарисованный. Где-то в монастырях, которые еще уцелели, это умеют. Выбираешь самый замечательный момент, когда тебе хорошо, тепло и не беспокоит ничего, а потом как в телевизоре: хлебнул из чашки – и все! И в таком своем хорошем состоянии хоть триста лет можешь прожить нарисованным. Но для этого, там, в Китае, нужно было найти тот самый монастырь, да еще долго всякому непонятному учиться. А здесь... Ну надо же, обычный человек – почти такой же, как он сам... Ну просто двойник! Только улыбается.

Старик смотрел на это превращение часто. И каждый раз пытался поймать тот момент, когда на экране живой становится нарисованным. Самый-самый момент. Но ни

разу это ему не удалось. Слишком быстро все происходило. Вот только что из чашки парок поднимался, и тотчас – уже и не парок, а белые линии. Если вдуматься, страшный момент! Но и интересный, завораживающий даже. Соседи все смеялись над ним, когда он к телевизору, к самому экрану нос прижимал. Но – ничего, только в носу покалывало. Почему-то ему казалось, что если удастся ухватить глазом, как это получается, то тогда сможет и сам... Глупость, конечно! А может и не глупость. Молодые соседи хохочут, дураки, а сами ведь тоже не очень понимают, как там, в телевизоре, все устроено. Техника, говорят, техника! А сами ничего объяснить не могут. Какая тогда разница между этой техникой и чудесами? Никакой. Может быть то, что в монастырях, тоже для кого-то техника... Но сколько он не старался, ну никак ему этот переход уловить не удавалось. Превращается живой человек в картинку, и все!

...Старик трясся на жестком сидении микроавтобуса, вспоминал экранного китайца и немного ему завидовал, хотя и понимал, что может и не надо всерьез к этому относиться. Но все же... Молодой друг жениха, который, как показалось старику, говорил по-кантонийски, молчал, да и все остальные тоже. Они проехали несколько улиц, автобус приостановился, и невеста о чем-то спросила у старика, указывая рукой за окно. Он попытался сосредоточиться и подумал, что она решила дать ему возможность не присутствовать на свадьбе, если у него есть более важные дела. Но он-то понимал, что это невежливо, и отрицательно покачал головой. Автобус еще немного покрутился по Бруклину, затормозил, и невеста опять обратилась к старику. Может у них обычай такой, – подумал он, снова качая головой, – зазывая почетного гостя на свадьбу, дать ему предлог отказаться от приглашения. Хороший обычай!

Они останавливались еще несколько раз, но старик, успевший понять красоту этой традиции, только благодарно улыбался. Невеста с женихом быстро переговорили о чем-то, пожали плечами, а молодой расхохотался и покрутил пальцем у виска. Ну и пусть смеются, на свадьбу же едем! Жених тоже заулыбался, сказал что-то водителю, и больше они не останавливались. Автобус выскочил на какой-то мост, потом застрял в скопище машин, потом снова прибавил ходу. Неожиданно старик встревожился, что, напросившись ехать с этими людьми на неведомую свадьбу, впутался в чужие дела. Если вдруг окажется так, что он сам придумал эту свадьбу, то скоро все выяснится, и тогда ему будет стыдно... и еще неизвестно, как вернуться назад на работу. Но, тут же возразил он себе, зачем раньше времени волноваться? Меня с уважением пригласили, везут с почетом. Да и этот худой подтвердил, что на свадьбу едем. Нет, все хорошо, и у меня ответственная роль: шутка ли, петь Главную свадебную песню!

Поэтому не будет он волноваться. Пусть жених волнуется! А он будет спокоен, как тот, на экране; жаль только, что в руках нет чашки, путь даже и с чаем. Будет сидеть и улыбаться, а потом просто превратится в нарисованного. Не по-настоящему, конечно, превратится, а только для себя. Что с нарисованного взять? А он так и застынет в ощущении предвкушения. Так и застынет! Даже если его будут ругать. А он вернется назад, к велосипеду, и тогда уж станет нормальным. А, если захочет, то никогда нормальным не станет. Это он потом решит.

Пока же все шло хорошо: они ехали на свадьбу, чинные и немного взволнованные. Как и полагается в такой день. Старик чуть привалился плечом к стеклу и начал подремывать. А тем временем микроавтобус снова запетлял по городу, застревая у светофоров. Кажется, они находились на Манхэттене, но старик не следил за дорогой и не был в этом уверен. Наконец автобус нырнул в гулкий коридор, проскочил его и,

повернув налево, остановился у стеклянных дверей. Их было много – штук пять или шесть. А перед ними толпился народ.

Ай-ай-ай, встрепенулся старик, неужели свадьба будет здесь, в этом замечательном дворце? Вон сколько людей... И хватит ли у него голоса, чтобы всем было слышно? В таком месте совсем нельзя опозориться!

Но он мужественно преодолел свои страхи и уже хотел встать, чтобы идти вместе со всеми, но заметил, что ни жених, ни невеста не шевельнулись, а смотрят из окон автобуса. И только молодой и высокий, друг жениха, вскочил, согнувшись, пробрался по салону к выходу и, подмигнув старику, побежал к стеклянным дверям.

Невеста говорила с женихом, что-то спрашивала, а жених качал головой и усмехался. Как-то нехорошо усмехался. А потом отвечал, показывая пальцем на часы. Невеста замотала головой, бросила на старика непонятный взгляд и замолчала. Он поежился. Получалось, что она спрашивала у жениха, как быть с этим старым китайцем, а жених отвечал: поздно что-то менять, вон – люди ждут, да и вообще, раньше надо было думать. Старику все это очень не понравилось. Сначала сами пригласили, даже под руки вели. А теперь... Вот он сейчас, действительно, превратится в того, нарисованного... И кто им тогда будет петь?..

Жених с невестой снова заговорили и теперь совсем уж грозно смотрели друг на друга и на него тоже. Старик почувствовал накалившуюся обстановку. Все ясно: в последнюю секунду она передумала. То ли свадебный зал ей не понравился, то ли гости. Или просто решила не выходить замуж за этого. Наверное, правильно решила: старику он тоже не понравился. Да и не поймешь их, женщин! Ну, не хочет, так не хочет. Тогда нужно просто уйти. И его, старика, с собой взять. Он ведь, как-никак, с ее стороны. Но не уходит. Сидит, ругается. И на него посматривает зло, как на чужого. Плохо. Совсем плохо! Зачем он только с ними поехал? А может быть ему, как старшему, следует вмешаться, как-то ее уговорить, успокоить? Но тут из зала, полного гостей, донесся сильный и странный звук. Сильный, потому что слышно было через стеклянные двери и окна автобуса, а странный... И не объяснить почему. Как будто кто-то вздохнул тяжело и коротко, как собака во сне. «Молодые» услышали этот вздох и замерли. И испугались. И от этого старик испугался еще больше: ему ведь и до того было не по себе. Только он не хотел в этом признаваться. А сейчас стало совсем худо.

Ну и хорошо, ну и ладно... Он с напряжением извлек из памяти двойника с чашкой – вспомнил, как тот стоит, как улыбается... И вдруг почувствовал, что уловил этот самый проклятый ускользящий от него момент. На какую-то долю секунды ему показалось – от страха, наверное – что и он становится по-настоящему плоским и безразличным. Он улыбнулся такой удаче и понял, что и улыбка совсем плоская, как бы приклеенная. И сразу же успокоился. Ведь теперь какая ему разница, что тут у них происходит? Он – сам по себе.

В это время кто-то открыл дверь автобуса снаружи. Старик подумал, что вернулся молодой, убежавший в зал до ссоры. Но в салон медленно влез еще один старик – совсем уж древний дед, намного старше его самого. И, не смотря на свое нарисованное состояние, китаец округлил припухшие глаза и схватился рукой за отвалившуюся челюсть. А дед пристально посмотрел на него и, не обращая внимания на жениха с невестой, которые тоже казались удивленными, пробрался поближе и сел напротив. Выглядел дед вполне прилично – в костюмчике и даже в соломенной шляпе, но... Старик больно прикусил непослушную губу. Дед был совершенно плоский! По-настоящему! Старик несколько раз видел в Бруклине, перед лавками, такие фигуры:

фотография в человеческий рост, наклеенная на картон. От живого не отличишь. Он даже пугался поначалу. Но там была фотография, а здесь... человек ходит, улыбается, вон даже ногу на ногу положил!

На каком языке говорил с ним этот дед, старик не разобрал, да и не вдумывался. Просто понимал и все. Тем более, что дед обращался к нему уважительно и с симпатией. Это было так приятно, что старик даже бояться перестал, только важно кивал головой и улыбался. Конечно, а как же иначе! Дед-то его за своего, за плоского принимает. Значит, он плоский и есть. Только не неподвижный, а как этот дед: и двигается, и разговаривает! Правда, пока дед говорил, он старался молчать. Во-первых, он привык уважать старших, не то что нынешние, ну и потом... все-таки боязно рот открывать: а вдруг не получится ничего сказать – горло-то плоское и сухое. И язык сухой, точно бумажный. Хотя в основном молчал потому, что чем больше слушал, тем больше ему казалось, что дед его за кого-то другого принимает. Не за того ли экранного китайца? Непонятно, хорошо это или плохо. В общем, лучше пока помалкивать.

– Молодец ты, молодец, – говорил ему дед. – А я тебя ждал! Ремонтников этих вызвали на Станцию чинить систему очистки воздуха, кондиционеры всякие... Ну а я вызвал тебя! Хорошо, что ты приехал. У нас тут неожиданная картинка получилась... Только двое нас с тобой и осталось таких. Эх-хе-хе! Ну и что же нам с тобой теперь делать? Может, бросить все? Как думаешь? Или нет, ты же на свадьбу приехал. Будет тебе большая свадьба, громкая. И Главную песню ты будешь петь, больше никому.... А надо бы взять да и разрезать все на куски. Или именно так все и должно быть? Возможно, возможно... Вот такие у нас с тобой дела. Ну, пойдем, покажу тебе гостей.

Он взял старика за руку, и они вместе легко проскользнули в автобусную дверь. Старик сначала очень удивился, что может ходить, но скоро сообразил, что ведь и дед как-то двигается – и ничего. Сила какая-то была у этого деда, которая и ему передалась. Старику показалось, что в зал они попали, даже не открывая дверей, не останавливаясь, как будто никаких дверей и не было совсем. А в зале... В зале было много народу. И само помещение было огромным. Тут не свадьбы справлять, тут в футбол играть можно! Только праздничного стола старик не заметил. Люди стояли так плотно, что ничего не разглядеть.

– Видишь, – дед придержал его за руку, – гости у нас какие. Только ты не торопись, ладно? Когда садиться за стол и когда петь нужно будет, я тебе скажу, обещаю. А пока, иди-ка ты сюда, мы с тобой здесь подождем.

И потянул старика куда-то в сторону. Тот сначала не понял, куда это они попали: маленькая комнатка – то есть по сравнению с залом, конечно! – стены кафельные и свет яркий. Похоже на кухню или туалет. Но дед не позволил ему оглядеться и легко подтолкнул в угол, где стояло невысокое кресло. Хоть и уважительно со стариком разговаривал, но чувствовалось, что он здесь самый главный. Может быть, отец жениха, а, может, и главнее. Не зря же он плоский такой. Зачем с ним спорить?

Старик опустился в кресло и покорно стал ждать. Правда, когда дед исчез, он почувствовал себя хуже, значительно хуже. И сидеть было неприятно, и вообще, нехорошие мысли опять полезли в голову. Все: невеста, свадьба, плоский уважительный дед – все это начинало сильно ему не нравиться. В конце концов – он же не сошел с ума! Стоило ему только представить себе, что превратился в нарисованного, в изображение, как тут же появился этот дед, как будто из бумаги вырезанный. Конечно, мало ли что на свете бывает, но все же...

Почему-то старик все никак не мог сконцентрироваться и всерьез поразмыслить о том, что же есть на самом деле, а все время сбивался на то, чего быть не может, хотя и происходит. Он рассердился, вскочил и стал расхаживать по комнатке. Но сразу же отвлекся, потому что на дальней стене увидел большое зеркало и несколько фарфоровых раковин под ним. Ага! Он подошел поближе и стал рассматривать себя в зеркало. В ярком свете его лицо смотрелось обыкновенно, и даже морщины казались заслуженной возрастом наградой. Он был достойным пожилым человеком, спокойно ожидающим, когда закончится суэта в зале, и ему предложат занять почетное место за столом. На этой приятной мысли старик хотел задержаться подольше. И поэтому отказался от желания повернуться к зеркалу боком и проверить, не стал ли он тонким куском разрисованного картона. И в самом деле, ну какая разница? Это, может быть, толстому хозяину его ресторана важно, есть ли у него профиль. А ему совсем не важно. Это ведь понимать надо. Вот он повернется, глянет в зеркало, а там... Не-ет! Лучше он будет веселиться и петь Главную свадебную песню. Старик сам себе улыбнулся и покачал головой, репетируя свой выход к гостям. Хорошо получалось – мудро и со значением. Именно так, как ему сейчас и положено.

В этот приятный и важный момент он снова услышал странный звук, который так удивил его в автобусе. Но сейчас это был скорее стон, а не вздох. Такой сильный, что, казалось, его изображение в зеркале замутилось, пошло рябью и прибавило ему морщин. Он и сам не понял, как случилось, что, даже не успев по-настоящему испугаться, он заплакал. Громко, в голос. Так он, наверное, не плакал с самого детства. Да и тогда, чтобы не получить от матери шлепок по голове, старался делать это тихо. Что это с ним?!

Старик смотрел в зеркало, как он плачет и постепенно успокаивался. Хитрый он, старик, очень хитрый! Вернее даже – мудрый. Как Конфуций, наверное. Или мудрее. Например, вот он сейчас испугался – и сразу заплакал. Потому что, если кто-то увидит такого старого и умного китайца испуганным каким-то там звуком, то может решить, что он не такой уж и умный, хотя и пожилой. А если он плачет, то, наверное, у него есть для этого очень серьезная причина. Он задумался и вдруг сообразил, что дед, который привел его сюда, исчез, оставив в этом унылом туалете и заставляя ждать непонятно чего. Сколько старик себя помнил, он всегда подчинялся. Но не чьим-то приказам – кто ему мог приказывать? Он всегда был гордым и независимым! Старик подчинялся необходимости. Всегда ведь возникала какая-нибудь необходимость, с которой не поспоришь. Сначала это была необходимость-мать, потом, спустя некоторое время, необходимость-жена, потом – необходимость-начальство. А сейчас – давно уже – просто необходимость-жизнь. Может быть поэтому он такой хитрый. Настолько хитрый, что поверил в этого плоского деда и сам стал плоским. Люди, которых он сегодня встречал, каждый раз оказывались именно такими, какими ему хотелось их видеть, какими он их сам себе придумал. Зачем он это делал? Из-за раздавленного и испорченного обеда? Из-за того, что сам почувствовал себя раздавленным и униженным? Возможно, возможно. Он и сам не очень осознает всех глубин своей мудрости. Только он – не холодный и безразличный Конфуций, стоящий в Чайнатауне, он – живой и еще будет петь Главную свадебную песню!

Старик набрался смелости и решил, не дожидаясь деда, выйти в зал и посмотреть, все ли там готово к свадьбе. Пора, пора, сколько можно ждать! Он повернулся спиной к зеркалу и направился туда, где, по его мнению, должен был находиться выход. Но он ошибся, потому что попал в другую, более темную, комнату. Слева была гладкая

кафельная стена, а справа – узкие кабинки с закрытыми дверями. Тогда он подумал, что выход где-то там, за кабинками. Но никакого выхода там не было, зато дверь в последнюю кабинку оказалась распахнута настежь, а на голом холодном унитазе сидела толстая женщина в синем халате.

По лицу женщины – черному, выпуклому и гладкому – не останавливаясь, текли слезы, халатик неприлично задрался, а между широко расставленными блестящими коленками, глубоко врежаясь в них, белела туго натянутая полоска трусов. Старик страшно смутился: оказывается, он находится в женском туалете – и хотел сразу же убежать. Но женщина, увидев старика, взвыла и, не вставая с унитаза, протянула к нему свои большие руки. Жест был такой странный и, в то же время, такой понятный, что старик даже решил, что с женщиной, пока она справляла нужду, что-то случилось, и она просто не может встать. Он остановился и шагнул к ней поближе, хотя тут же подумал, что ему, маленькому и немолодому, будет просто не под силу помочь этой крупной женщине. И поэтому остановился у входа в кабинку так, чтобы она не могла до него дотянуться. Но женщина и не думала подниматься с унитаза. Даже наоборот: сделала странное движение, как будто хотела втиснуть поглубже в хрупкую посудину свой огромный зад – и взывала еще громче.

Старик совсем растерялся перед этой непонятной черной женщиной и решил уйти. Раз он не может ей помочь, зачем ему стоять и смотреть на ее неприличное положение? В зале он найдет кого-нибудь из женщин и попросит прийти сюда и разобраться с этой несчастной. Он отступил на шаг, но негритянка, увидев, что он собрался уходить, заплакала еще сильнее и стала говорить что-то сквозь слезы, жестами прося старика не оставлять ее. Она здесь совсем одна, рыдала женщина, и ей очень страшно. Так страшно, что она боится выйти из кабинки. И это хорошо, что старик набрел на нее, пусть он не обращает внимания на ее вид – что поделаешь, иногда не до приличий. Дело в том, что она работает здесь и сегодня, в день большого торжества, с самого утра убирала зал, а потом вот этот туалет. Она замечательно все вычистила и уже готовилась переодеться, чтобы присоединиться к гостям, когда, в последнюю минуту, ей понадобилось зайти в кабинку. Но когда она уже собиралась встать, вдруг появился ужасный призрак: из стены вынырнул человек в соломенной шляпе. Он был не толще туалетной бумаги! Но стоял прямо, смотрел на нее, а потом поднял руку и указал пальцем вверх и на унитаз. Что он хотел сказать, она не поняла, но, на всякий случай сидит теперь здесь одна и боится пошевелиться, чтобы не нарушить приказ жуткого призрака. А у нее уже затекли ноги. И она не знает, что же ей делать!

Старику стало очень жаль эту славную женщину. Конечно, деда, если к нему не привыкнуть, можно здорово испугаться, он знает. Но пусть она не волнуется, потому что дед совершенно безвредный: он вообще отец жениха – и самый главный на этой свадьбе. На нем сегодня большая ответственность! Это тоже нужно понимать и не обижаться. А уж бояться и совсем нечего. Абсолютно! Ну плоский этот дед почему-то. Так что ж? А на унитаз он указал для того, наверное, чтобы она его тщательней почистила. В такой день важна любая мелочь. Тем более, что на свадьбу приглашены уважаемые люди... Если вдуматься, так и он сам не просто старый китаец, а...

Поскольку он и сам не дошел еще до глубин понимания, кто же он такой, то и объяснить это было непросто. Наверное, поэтому он забылся и подошел к негритянке поближе. Глупая женщина, уже не слушая его, схватилась за рукав его куртки, и он сразу понял, что вырваться не стоит и пытаться.

– Ну, милая, – сказал он, стоя перед ней, – ну не бойся. Честное слово, бояться нечего. Это тебе я говорю. А мне ты можешь поверить.

Он погладил женщину по заплетенным в бесчисленные косички волосам, а она уткнулась своей большой головой ему в живот и, подрагивая, заговорила прямо туда, глухо и влажно.

– Ах, нет, – сказала она, – ты ничего не понимаешь! Я потому и боюсь, что это отец жениха. Мало того, он – отец всех женихов! И если я его послушаюсь, то он не позволит ни одному из своих сыновей жениться на мне. А я, хоть большая и пышная, но некрасивая, и мне очень хочется, просто необходимо, выйти замуж! Обязательно! Иначе я не могу жить, понимаешь?

Она еще крепче обхватила старика обеими руками и подняла голову, чтобы взглянуть на него. От этого ее подбородок больно уперся ему под ребро и он, не в силах отодвинуться, как-то изогнулся, скрючился и замер. Но тут же снова пошевелился: к нему пришло простое решение.

– А знаешь, – сказал он женщине, – пожалуй, я могу на тебе жениться! Да! Я старый, конечно, но жениться еще могу... наверное. Хочешь? Мы поженимся, и я обещаю тебе, что не буду тебя обижать... Только не прижимайся ко мне так сильно, пожалуйста! Ты, видно, чисто плотная, это хорошо... Так вот, я согласен взять тебя в жены, если только... если ты сейчас меня отпустишь! Потому что я же тебе объяснил: опасности нет никакой, да и не следует так прижиматься к жениху до свадьбы. Нехорошо! Вот после свадьбы... Когда станешь необходимостью-женой...

Но она ничего не хотела понимать, а только еще крепче сжала руки; он почувствовал, что сейчас задохнется и пожалел, что предложил стать ее мужем. И вообще пожалел, что затеял весь этот разговор, что не ушел сразу, как только ее увидел. А женщина уже не говорила, только мычала несуразно и мотала головой, и ему стало еще больнее. И тогда он сделал ужасное – такое, чего не делал никогда: он ударил острым сухим кулачком прямо в пробор между косичками. Сильно ударил. Подождал немного – она не ослабляла хватку – и забарабанил по ее голове изо всех сил. Голова поникла под его ударами, хотя он и подозревал, что ей не так уж больно, а просто обидно, что ее бьет жених. А может быть она просто устала его держать и прижимать свою голову к его животу. Хватка ослабла, он даже немного отодвинулся и снова пожалел ее – толстую, некрасивую, сидящую на унитазах. Он чуть-чуть отодвинулся и хотел заговорить: утешить, сказать, что теперь обязательно женится, пусть, ему не жалко. Но не успел. Потому что сзади услышал знакомый плоский голос.

– Ай, – сказал дед, – оставь ты ее! Не видишь разве? Я ее уже предупреждал сегодня. Так нет, не помогло. Забилась, дура, в кабинку, а здесь вон, посмотри, в потолке дырка решеткой прикрыта. Это вентиляция. Ну и, конечно, одно дело – большой зал, а другое – туалет. Понимаешь? Нет? Ну, не важно. Что уж теперь... Пойдем отсюда, там люди ждут, гости. Сегодня, наверное, будет много свадеб, и тебе придется потрудиться.

Негритянка все-таки умудрилась наполовину засунуть свой непомерный зад в отверстие унитаза, и от этого показалась старику меньше размером. К тому же лицо ее посерело, а глаза вылезли из орбит. Именно в этот момент старик осознал – да-да, именно так! – подлинную глубину самого себя и понял, что никакая это была не мудрость, а самая настоящая трусость, которая и есть необходимость! Это означало: все, что произошло с ним сегодня – начиная с момента, когда он забыл адрес невесты и заканчивая встречей с вот этой глупой женщиной – результат его трусости, потому что он – старый глупый китаец, не говорящий по-английски развозчик обедов из китайского

ресторанчика, полуслепой к тому же. И вот он трусит, для храбрости улыбаясь и сочиняя невероятные истории. Никогда он не женится на этой несчастной – и такой же трусливой – женщине. Никогда не сплетет Главную песню, потому что и свадьбы, наверное, нет никакой... Но женщина все еще сидела на унитазе, рядом стоял плоский, как газетная бумага, дед, а зал по-прежнему был полон народу. Старик-китаец быстро освоился со своим удивительным знанием, которое, оказывается, не глубина даже, а просто – полная свобода. Одной рукой придерживая деда под локоть, другой он снова погладил голову с косичками и вышел – прямо сквозь стену – в зал, где его ждали, теперь уже не могли не ждать, гости – женихи и невесты.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Теперь это уже не имеет значения, но оказалось, что за третьей частью плана следует еще одна, не предусмотренная заранее. Судя по тому, что произошло, происходит и, вероятно, будет происходить, эта неожиданная последняя часть плана считает себя независимой и действует совершенно самостоятельно, как подросток, взбунтовавшийся против власти родителей. Для того, чтобы хоть как-то вернуть ее под контроль, нужно самому вернуться назад. Но не во времени, нет. Это, увы, невозможно! Он еще отдает себе отчет в том, что сделать в состоянии, а что нет. Вернуться следует домой, в надоевшую спальню, в проклятый «Макдональдс», и отыскать оставленную там картонку и бритву. А как же иначе? Ведь сейчас он только суетится, всем мешает и сбивает с толку, но ни изменить, ни остановить ничего не может. Ну откуда в нем эта неумная страсть режиссера, стремящегося в последний момент самому выскочить на сцену и если не поучаствовать в спектакле, то хотя бы поправить неверной рукой складку на платье примадонны или кружевной платок героя-любовника? А занавес уже открыт, и неведомая нелепая фигура, мечущаяся между актерами, неуместна и только мешает действию.

Да, действие... Пока он уныло бредет к своему дому, все участники, начиная от Лоринды и заканчивая его маленьким капризом – старым китайцем, живут своей единственной жизнью: надеются, влюбляются, испытывают страх или разочарование, совершают поступки, кажущиеся в эту секунду важными и нужными, сами порой не очень понимая – зачем, горько и бессмысленно вкладывая в эти действия и переживания душу. Когда-то, очень-очень давно, они с матерью приняли приглашение ее приятельницы Синтии погостить несколько дней на даче на Лонг-Айленде. Он так никогда и не узнал, что случилось в тот день с хозяйкой, почему сама Синтия не смогла туда приехать, но они застали маленький домик на берегу океана заколоченным. Во всяком случае, ему этот дом показался именно таким: заколоченным, брошенным и, до обидного, нищенским. И он, и мать – оба одетые по-дачному, с яркими сумками и пляжным зонтом в руках – долго не могли понять, почему конечным пунктом их праздничной, яркой и солнечной поездки оказалась эта покинутая развалюха. Мать отправилась выяснять у неблизких соседей, не ошиблись ли они адресом, а он – уже зная, что не ошиблись – угрюмо слушал монотонно рокочущий прибор и смотрел на спящие дюны, на то как мать, совсем молодая тогда женщина, с сандалиями и зонтиком в руках быстро идет, почти бежит, обратно по песку, смешно потряхивая

босыми ногами и чувствовал себя ненужным и нелепым на этом бесконечном пляже, перед пустой дачей. Ему даже показалось, что на нем не белые летние брюки и куртка, а тяжелые зимние вещи, ватные и удушающие.

Мать долго повторяла, что это невозможно, что Синтия не могла так ее подвести и даже не предупредить... Синтия была недавно разведенной и, по его мнению, легкомысленной теткой, с которой мать любила делиться собственными невзгодами. А еще она была некрасива, с больным, вечно слезящимся глазом. Он не то чтобы не любил ее, просто волей-неволей часто слышал, как мать рассказывает ей об отце, которого он никогда не видел... Конечно, он сидел в другой комнате и делал вид, что поглощен книгой. Но вывороченная интимность деталей заставляла его сжиматься в кресле от непереносимого стыда и тихо ненавидеть и отца, так никогда и не женившегося на матери, и саму мать, и любопытную Синтию. Естественно, тогда он не смел вмешиваться и только все сильнее и сильнее подозревал, что такого человека – его отца – просто не существовало на свете. Несмотря на то, что в семейном альбоме сохранилось несколько отцовских фотографий.

...В тот солнечный день они с матерью могли бы просто сделать несколько шагов к океану и провести время на великолепном пустынном пляже. Ведь, казалось, именно за тем и приехали. Но предвкушение замечательного отдыха, расписанного предательницей Синтией, так переполнявшее и его, и мать в вагоне поезда, такое солнечное и поскрипывающее песком на зубах, скукожилось и вылиняло как тряпка, бывшая когда-то нарядным платьем. Всю обратную дорогу им было неловко друг перед другом. Матери, вероятно, из-за Синтии с ее неисполненными обещаниями моря, солнца и веселья. А ему – из-за своих хлопотливых приготовлений, из-за неиспользованных купальных костюмов и всяких мелочей, обязательно сопровождающих поездку на дачу. Казалось, что он вложил в эти сборы всю радостную душу этого дня и теперь везет ее обратно в город, так и не достав из сумы...

...Он остановился перед своим домом и сразу же почувствовал знакомый запах перегоревшего масла. Конечно, все можно объяснить, абсолютно все. Как, наверное, объяснилась и их неудачная поездка. Да разве это важно? Почему же запомнился тот далекий день? Ведь неожиданностей и разочарований и до, и после него было достаточно. Направляясь к себе в спальню, он привычно прошел мимо стойки с кассовыми аппаратами. Было еще сравнительно рано – только-только начало смеркаться – и за столиками «Макдональдса» сидело всего несколько посетителей. Обычно в это время он собирался на прогулку. А сегодня вернулся в этот дом, который не так давно покинул навсегда, вместе с привычными запахами, старым одеялом и надоевшими воспоминаниями. Когда он нарушил устоявшееся, но хрупкое равновесие? Может быть все началось с того дня, когда – шутки ради – он вырезал из картонной коробки из-под чая изображение старого китайца? Славный старик обязан своим появлением на свет тому невероятному обстоятельству, что именно в это время усердный мэр города приказал арестовывать всех, кто ездит на велосипеде по тротуару. Ну а кто чаще всего снует по улицам на скрипящих полуразвалившихся велосипедах? Вот и пропали в один вечер все развозчики из китайских ресторанов! Случившееся показалось занятным, и он решил присоединить к этому абсурду еще один. Просто так, забавы ради. Почему бы персонажам из его альбома не получить своего собственного китайца-развозчика? А может быть равновесие было нарушено раньше? В момент, когда он нашел в старом журнале портрет какого-то храброго полковника и разрезал отцовскую фотографию?.. Он уже не помнит. Или не хочет помнить?.. Может быть, потому, что чувствует свою вину?

...Он постоял перед своей кроватью, покачал головой, как будто раздумывая, не наказать ли себя за все свои нелепые ошибки, но решил не наказывать и лег. Толпа представляет собой только сумму совпадений и, если к ним прибавить еще несколько, то... Сколько еще повторять: объяснение можно найти всему! Значит, то, что он затеял – совершеннейшая бессмыслица? Почему в тот день они с матерью сразу уехали с Лонг-Айленда в душный город? Люди время от времени совершают нелепые, продиктованные необъяснимой логикой поступки...

Возможно, бессмыслица началась тогда, когда толпа распалась, в ужасе от самой себя? А может быть в тот момент, когда упал и расшибся маленький бездомный, которого он создал, вырезав из старого журнала фотографию преуспевающего бизнесмена, и прикормил? Тот только сильно ударился, но обезумевшей толпе хотелось, чтобы он умер, и она застонала от страха и восторга. И даже положила несчастного в гроб... Зачем, откуда взялся этот гроб? Почему его персонажи ведут себя совсем не так, как он предполагал?..

Мысли путались и уходили в черную пустоту. Но пустота была совсем не такой, как его рамка: она ничего не охраняла и ничего не обещала. Только напоминала. Когда-то, задолго до неудавшегося дня на Лонг-Айленде, когда солнце через закрытые веки казалось совсем желтым и глубоким, мать подарила ему такую игрушку: нарисованные на плотных листах бумаги фигурки – мужские и женские – в купальных костюмах. А к ним прилагались такие же нарисованные комплекты одежды. Бритвой – той самой прекрасной бритвой, принадлежавшей, по словам матери, еще его отцу – он аккуратно вырезал и фигурки кукол, и их гардероб. Когда мать спросила, почему он не возьмет обычные ножницы, он только пожал плечами. Ведь объяснить ей, что бритва, которой пользовался отец – единственный реальный предмет, доставшийся ему от несуществующего человека, он все равно не мог. У него были только бритва да старый альбом с фотографиями...

Так вот: новая игра казалась красивой и прочной, пока лежала у него на столе. Играть в нее можно было только в горизонтальном положении, не отрывая от других листов бумаги с нарисованными комнатами, улицами и пляжем. Но стоило ему оторвать кукол от этих плоских декораций, поставить их вертикально, как они тотчас сгибались, увядали и показывали пустую белую изнанку. Кроме того, с них сразу же слетали праздничные бумажные наряды, и изящные женские фигурки, так же как и солидные мужские, превращались в жалких, нелепых и бесстыдных уродцев... Может быть потому и запомнилась ему неудавшаяся поездка на Лонг-Айленд. Поставленная на ноги, плоская кукла не может плескаться в безмятежном типографском море и загорать под нарисованным солнцем. Но зато он сообразил, что может добавлять к своим куклам новых, вырезанных, например, из альбомных фотографий или просто из журналов и газет.

...Он заворочался, и одеяло снова сползло, возвращая его к душевной кухне и отвратительному запаху фреона, вытекающему из старых холодильников. Он постарался отвлечься и настроиться на философский лад, но тут его рука натолкнулась на бритву. И совершенно напрасно! Хотелось хотя бы на время отодвинуть процедуру отсекания последней, отбившейся от рук, части плана. Не так уж она и приятна, эта процедура! Но бритва неумолимо блестела – тяжелая и холодная как хирургический инструмент. Он напрягся и отбросил от себя эту опасную игрушку.

И обнаружил, что, вероятно, довольно долго проспал. Потому что сразу же услышал странное кряхтение и заметил старую знакомую – гаитянку, вечную ночную

хозяйку проклятой кухни. Она сидела на корточках у его кровати – там, где у них располагались подносы с готовой едой – и, казалось, внимательно что-то разглядывала.

Выражение ее лица было не сонно-простодушным, как обычно, а изумленным и почему-то удовлетворенным. И сама поза была странной: широко расставленные мощные ляжки, а между ними – руки и трясущаяся грудь. Она сложилась так, что ягодицы упруго вдавились в чуть оторванные от пола пятки. В этой лягушачьей позе она, наверное, не могла ни говорить, ни кричать и поэтому только кряхтела и постанывала. Но при этом прижимала к уху плечом телефонную трубку.

После похода к колдуну она успокоилась, тем более, что пугающие ее ночные звуки и движения прекратились, и даже ненасытный менеджер предпочитал проводить ночи в своей подсобке, которую гордо именовал кабинетом. Правда, обнаружились и неприятные последствия того посещения. Она бы пошла к врачу, но медицинской страховки не было, а потратить триста долларов на визит просто не решалась. Оставалось утешать себя мыслью, что все-таки колдун – святой человек и, значит, как-нибудь обойдется. Вот только временами, когда там, внутри, не просто чесалось, а особенно сильно, невыносимо жгло, ей приходилось присаживаться на корточки, поднимая колени выше головы и отставляя зад. Это помогало, хотя и не надолго: жжение успокаивалось. Вот и сегодня она еле добежала до «Макдональдса», чувствуя, что еще чуть-чуть, и она не выдержит: присядет, примет совершенно неприличную позу прямо на улице.

Проклятый колдун, которому она все-таки решила позвонить, долго не брал трубку, потом откликнулся недовольным голосом. Ей пришлось изменить позу и слегка разогнуться, чтобы заговорить. Колдун послушал ее жалобы вперемешку со стонами, хихикнул и стал думать. Она слышала, как он шумно и прерывисто дышит, как поскрипывает его широкая тахта, но терпеливо ждала. Колдун рыкнул, что-то сказал в сторону, раздраженно и нетерпеливо, а ей, в трубку, заявил, что сейчас он занят, а вообще-то она должна понимать, что если он ввязался в ее темное дело, то уж знал, что делает; избавив ее от одного сильного и страшного духа, он просто дал ей взамен другого – менее сильного и страшного. А иначе невозможно. Впрочем, – сказал он после паузы и шумно выдохнул, – если она хочет, то он может снова обменять ей своего духа на того, с которым она к нему пришла. Она вспомнила, как стояла, согнувшись, над унитазом и решила, что не хочет. А нельзя ли заменить поселившегося у нее под юбкой духа на совсем слабого и не такого злого? Который не заставлял бы ее по несколько раз в день прятаться от людей, чтобы усесться, как курица на яйцах.

Колдун какое-то время соображал; она услышала звонкий шлепок, получающийся обычно, если сильно хлопнуть ладонью по голому заду. Потом в комнате у колдуна раздался еще один голос – она не разобрала, мужской или женский, – а сам колдун снова рыкнул и сказал, что это был самый слабый дух из находящихся в его распоряжении. И, если у нее нет ничего более важного, пусть оставит его в покое, так как он слишком занят. Колдун отключился, но она еще успела услышать, как он снова зарычал и похлопал по чьей-то заднице.

...И опять эта проклятая девица! Нужно было вставать, искать бездумно отброшенную бритву и приступать к делу. А гаитянка все сидела, бессмысленно прижимая к уху молчащую трубку. Он вспомнил, как неторопливо вырезал ее фотографию из «Нью-Йоркера», чтобы наклеить ко всем остальным: она, глупая и несчастная, со своими гамбургерами, молитвами и большим гибким телом – стала частью его жизни... И он заколебался. Потому что, одно дело – нарезать на мелкие

кусочки Автобусную Станцию со всеми ее отбившимися от рук обитателями, и совсем другое – когда отдельно взятое изображение сидит у тебя перед глазами, тяжело дышит и покрхтывает...

Жжение стало проходить, и гаитянка собралась было подняться – ныла спина и затекли ноги – но телефонная трубка, которую она все еще держала прижатой к уху, внезапно заверещала так, что ей показалось: вибрация пошла по всему телу, добираясь до больного места. Освободившийся колдун, видимо, все-таки решил ей помочь. Он сказал, что, хоть и не в состоянии избавить ее от зловредного духа, может немного успокоить его. Приходить к нему для этого не обязательно, он переговорит с духом по телефону. Она плохо поняла, как это возможно: ведь телефон – пусть даже такой старый, как у них на кухне, обмотанный клейкой лентой – все-таки техника, а злые духи... Но колдун захихикал и сказал, что это не ее дело, что главное – дать ему возможность переговорить с самим духом. Когда же она сразу не сообразила, как это сделать, колдун рассердился и закричал, что она дура: достаточно вдавить телефонную трубку в больное место. Тут он снова рассмеялся и сказал, что хорошо ее помнит и уверен, что проблем с этим не будет: пусть засовывает поглубже. И приказал начинать сейчас же, а то потом он снова будет занят.

...Увлеченный поисками бритвы, он и не заметил, как гаитянка разогнулась и подошла к своему столу. Он вообще обратил на нее внимание только тогда, когда в ушах неожиданно раздался странный, ни на что не похожий шорох – как будто кто-то посадиistically медленно водил острым гвоздем по барабанным перепонкам. Он растерянно оглянулся, стараясь понять, откуда к нему пробралось это ощущение. И увидел, что гаитянка стоит, прислонившись к столу и распластав по нему свой зад. Согнутую в колене правую ногу она подняла повыше, как будто собиралась завязывать шнурки на ботинках. Но, вместо этого, делала нечто совершенно непонятное: болезненно скривившись, обеими руками производила странные манипуляции у себя под юбкой, куда уходил длинный покачивающийся телефонный шнур.

Гаитянка глубоко вздохнула, дернулась и затихла, изумленно прислушиваясь к происходившему у нее внутри. Там что-то смачно хлюпнуло и в ушах у него зашуршало еще сильнее. А потом он услышал Голос, шедший прямо из сырого нутра гаитянки. Сначала Голос спросил: «заснула?», потом громко и раскатисто рассмеялся. Так, что даже закашлялся. И этот кашель, царапнув по перепонкам, скользнул сначала ему в горло, а потом в грудь и вызвал приступ ответного кашля. Гаитянка, услышав это сиплое карканье, вздрогнула и подняла на стол левую ногу. Короткая юбка задралась, и он увидел жеваную полоску трусов и нижний кругляш телефонной трубки, сжатый увесистыми ляжками. Голос, наконец, заговорил и он, удивительным образом, тоже перестал кашлять. А гаитянка покорно сидела, скорчившись на столе и бездумно смотрела в пространство.

– Ну вот, – сказал голос, – теперь можно и поговорить. Разговор будет короткий, потому что эта дура от страха и кайфа внутри вся мокрая, а я только что сделал новую прическу и уже чувствую, как волосы начинают слипаться.

Голос снова захохотал – натужно, но радостно и безжалостно – как смеются знающие, что останутся безнаказанными, подонки. А он почувствовал, что этот наглый Голос, вторгшийся в его сознание, как телефонная трубка в глупую черную девицу – неожиданный и нелепый – неведомо как связан и с тем далеким солнечным днем, и с пропавшим куском картона, и с альбомом, и со всеми персонажами, которых он создал и безуспешно пытался сделать счастливыми... Более того, Голос, не имеющий никакого

права вмешиваться в его дела, тем не менее, именно это и делает. И от вмешательства голоса с ним самим что-то происходит. Он вдруг ясно осознал, что находится вовсе не в своей спальне, а на кухне «Макдональдса» и ищет совершенно неуместную старую бритву там, где ее никогда не было, да и быть не могло. И стоит гаитянке прийти в себя, как она выгонит его – постороннего здесь человека – на улицу, и это будет другая улица и другой город, в котором находится настоящая Автобусная Станция, и где давно уже никто не пользуется опасными бритвами и не носит канотье.

– Так, – сказал Голос, – я, бля, колдун, как-никак! И сейчас буду бить в бубен. А чем буду бить, попробуй догадаться.

Голос закричал, скрипнула молния и, после небольшой паузы, действительно раздался удар – тонкий и не очень уверенный. Голос прошипел что-то невнятное, похожее на ругательство, и снова, еще сильнее, ударил в бубен. От этого жесткого вибрирующего звука закружилась голова, и он вдруг почувствовал себя хлипкой бумажной куклой, оторванной от привычной и удобной поверхности. Чужая бездумная рука схватила его, сминая края и оборачивая пустой беззащитной изнанкой. Грязный дурак-колдун со своим бубном, сам не понимая, что делает, вторгся в него и тащил-вытаскивал куда-то наружу, возможно, в настоящую непридуманную жизнь. Нужно было уходить. Привычный, казавшийся спасительным и глубоким, как космическая темнота, мир больше не хотел его, и затея с возвращением, похоже, была бессмысленной.

Он еще немного постоял на пропитанной однообразными запахами кухне – там, где когда-то, бесконечно давно, стояла его кровать и был его дом. Потом покачнулся, чувствуя непривычную тяжесть, оперся рукой о стол, на котором сидела растерянная черная женщина, преодолел себя и вышел в пустой вечерний зал «Макдональдса». За спиной он услышал смех и удивленный издевательский голос, но не понял, колдун ли это. Да, нужно было уходить. Но торопиться не хотелось: слишком уж невероятный мир ждал его за дверью. Поэтому он присел за столик, покрытый грязными разводами, оставленными безразличной тряпкой уборщицы. Ни одеяла, ни бритвы, ни альбома больше не было. Зато внезапно появились ощущения: он чувствовал жесткость сиденья, влажность холодного воздуха и пустоту в желудке.

– Эй, ты! – услышал он обращенный к нему оклик и даже не удивился, хотя уже давно привык, что говорят с ним только те, с кем говорит он сам. – А ну вали отсюда, дедок! Вали, вали, здесь не ночлежка. Ну, кому я сказал!

К нему приближался довольный неожиданным развлечением менеджер. Он увидел себя глазами этого развязного мальчишки: унылый старик в нелепом канотье, бездумно сидящий за пустым столиком. Оставалось только пожалеть себя. Он встал на нетвердые ноги и привычно пошел к выходу из дома. К сожалению, владельцы «Макдональдса» перенесли дверь ближе к углу, он совсем забыл об этом.

– Э-э, да ты совсем уже ничего не соображаешь! – менеджер мутно улыбнулся, подошел поближе и подтолкнул его жестким пальцем в бок. – Давай, думай – где тут выход? Там же, где и вход, понял?!

...Фонари на восьмой авеню все еще светили в полный накал, но людей на тротуарах почти не было. Ежедневное шумное шоу под названием «Большой город» почти закончилось, и бумажную толпу, наверное, сложили до утра обратно в коробку. Или он опять запутался? Сверху слегка накрапывало, совсем чуть-чуть, так что будь у него зонт, было бы трудно решить, стоит ли его открывать. Но зонта не было, как не было и ни малейшего представления о том, куда теперь идти. Можно ли заблудиться в

городе, который знаешь с детства? Но знаешь ли? А бумажный хлам в переполненных урнах и вокруг них? Что это? Может быть он поторопился с выводами, решив, что публику убрали в коробку? Похоже, что ее просто выбросили за ненадобностью, а завтра отпечатают новую, пахнущую свежей типографской краской толпу. Может быть...

Он пошел вниз, к югу, просто потому что ветер подталкивал его в спину, и не требовалось придерживать рукой надвинутое на самые глаза канотье. Но все равно, когда он переходил Сорок девятую улицу, канотье сорвалось с головы и покатилося к дверям ярко освещенного магазинчика, в дверях которого оживленно беседовали несколько неряшливо одетых людей. Он кинулся вдогонку за шляпой, споткнулся и, наверное, упал бы, если бы его не подхватил один из них – огромный зловещего вида пуэрториканец.

– Оп-па! – сказал пуэрториканец, удерживая его тяжелой рукой. – Вот не ожидал! Ты-то что тут делаешь, а? Или с Автобусной ушел? Ну и напрасно! Я тебе что говорил?

Пуэрториканец внимательно посмотрел на него, оскалил зубы, оглянулся на своих собеседников и стал рассказывать им, что этот тип не помнит его, Большого Иисуса; впрочем, он вообще ничего не помнит, забавный затраханный придурок! Он чем хорош? Ему что хочешь говори – никогда никому не выболтает, никого не выдаст, просто потому, что сразу все забывает, идиот! Да он все секреты Большого Иисуса знает! Только ни хера не помнит! Здорово, правда?

Вся компания расхохоталась, и ее смех напомнил ему смех отвратительного колдуна. Он подобрал канотье и, не оглядываясь, торопливо пошел дальше, даже не стараясь объяснить себе странного происшествия. И эту фигуру он тоже не вырезал. Но ведь существует много чего, не предусмотренного его планом. Кроме того, у него все равно не было ни одеяла, чтобы укрыться, ни бритвы чтобы... Оставалось идти вперед.

На углу Сорок второй улицы он остановился. Напротив, как будто перечеркивая его легкие бумажные замыслы своей тяжелой стальной арматурой, затаилась затихшая на ночь Автобусная Станция. Оказывается, он шел по своему привычному вечернему маршруту. И вот, пожалуйста! Получалось, что все это долгое время он жил как человек, уверивший себя, что купил выигрышный лотерейный билет, привыкнув к этой мысли и ведя себя так, будто он уже миллионер. Но в последнюю секунду жалкая действительность доказала, что его билет ничего не стоит, что он нищ, а потому жалок и смешон. Как должен выглядеть бездомный оборванец, ленивым жестом достающий из-под своих лохмотьев обрезки бумаги и уверенный, что это пачка денег?..

Ну вот, опять он пускается в никому не нужные рассуждения! Главное, непонятно: из-за того ли, что пытается найти объяснение случившемуся или, наоборот, потому что никакого объяснения этой бессмыслице знать не хочет? Вероятно, следует сконцентрироваться на фактах. Вот он стоит напротив Автобусной Станции, совершенно не понимая, куда идти, что делать дальше и чем все это закончится. Точно так же, как и в его бумажном мире – совершенно невозможно понять ни причин, ни следствий.

– Полковник, – услышал он низкий женский голос, – поздравляю вас. Хотя, могли бы и раньше сообщить о таком событии. Но все равно – счастья вам! Серьезно, от души – всех радостей!

Он, не успев обернуться на этот голос, почувствовал прикосновение руки к своему локтю. Рядом стоял невысокий полноватый седой мужчина, чуть застенчиво

поглядывая на здоровенную тетку в полицейской форме. Полицейская тетка смотрела на них обоих и фальшиво улыбалась.

– Да и вас, мадам, – сказала она, обращаясь к нему, и он увидел, как почему-то плотоядно шевелятся ее ноздри, – я тоже сердечно поздравляю. Кстати, миссис Маккон, что это у вас за духи такие замечательные? Напоминают мне что-то знакомое, а что – понять не могу. Откройте секрет, а то бегать по магазинам и принохиваться у меня времени нет – сами знаете, работа такая.

Человек в кофте прижал его локоть к себе и принужденно рассмеялся. Понятно было, что разговор этот сильно ему неприятен, но он сдерживался и пытался не замечать язвительного тона. Полицейской он ответил, что поздравлять-то собственно еще рано, так как формально они с Бет пока не женаты. Да и свадьбы – он имеет ввиду настоящую свадебную церемонию – скорее всего, не будет из-за недавней смерти его отца.

– Вы должны гордиться полковником, миссис Маккон, – интимно сбавив голос, продолжала полицейская тетка, как бы не заметив сказанного ей, – если бы вы знали, как он проявил себя во время беспорядков у нас на Станции... Слышали, конечно: несколько негодяев пытались отравить пассажиров какой-то дрянью, и если бы не полковник... Да что я вам рассказываю, он и сам, наверное, уже все выложил. Кто бы на его месте не похвастал? Он, оказывается, настоящий мужчина. Поверьте мне. Мы-то с полковником давно знакомы. Очень давно.

Седой мужчина неожиданно выпустил его локоть и повернулся к остановившемуся у края тротуара черному лимузину. Из недр роскошной машины легко выскочила худая женщина в дорогой одежде и с неаккуратным макияжем, совсем не скрывающим ее большого, чуть слезящегося глаза. Она что-то защебетала, потом чмокнула седого в щеку и сообщила, что у Кена сегодня разболелось колено, и потому он из дома не вылезает, но просил передавать всем привет; как только ему станет лучше, они обязательно соберутся где-нибудь вчетвером. Она махнула рукой с массивным перстнем, снова чмокнула на прощанье воздух и юркнула обратно в лимузин. Через открытое окно была видно, как, бросив короткий взгляд на стоявших на тротуаре, она величественно кивнула водителю.

Вот ее он прекрасно помнил, потому что несколько раз переклеивал голову Синтии с места на место: то к телу унылой домохозяйки, а то – роскошной обнаженной красавицы из отвратительного журнальчика... Может быть он слишком увлекся мстью этой любопытной и говорливой материнской подружке, и оттого все перепуталось и пошло вкривь и вкось? Он создал очень неаккуратный мир!

В смятении он кинулся через улицу к знакомому зданию. Реальная жизнь жестоко и нахально наезжала на него. Было бы не так страшно, если бы она оказалась совершенно не похожей на ту, к которой он привык или, наоборот, являлась абсолютно идентичной. Но все его неуклюжие и часто нелогичные поступки продолжали существовать и в этом мире...

Трижды он чуть не попал колеса автомобиля, пока, наконец, не обнаружил себя стоящим на тротуаре перед входом на Станцию. Раньше, переходя улицу, он как-то не замечал такого густого и опасного потока машин. Он смерил глазами расстояние, которое пробежал, потом ширину тротуара и решил отступить от края еще на шаг. Но не успел он опустить ногу, как почувствовал сильный толчок в спину. Он услышал вскрик и упал рядом с чьим-то велосипедом, переднее колесо которого все еще медленно вращалось в воздухе.

Немолодой китаец с плаксивой физиономией потерявшегося щенка посмотрел на него и быстро заговорил. Возможно, китаец говорил по-английски, но с таким невероятным акцентом, что ему пришлось самому додумывать, что означает это горячее бормотание, прерываемое кивками и короткими взмахами рук. Китаец указывал на лежащий между ними велосипед и бумажный пакет, из-под которого по асфальту растекалось жирное пятно, и говорил, что он очень старый и плохо видит, что теперь ему придется самому платить за не доставленный по адресу обед. Но, конечно, виноват он сам, вернее, не он, а проклятый велосипед, который он сейчас же накажет.

Старик продолжал говорить, но он уже не замечал несчастного китайца – ему показалось, что он опять слышит смех наглого колдуна, который   никуда не исчез, а только на время притаился в нем. А прямо перед ним улыбался беззубым ртом вход на Автобусную Станцию.

Все еще лежа на холодном тротуаре, он зачем-то обмакнул палец в теплое варево, вытекающее из размякшего китайского пакета. Потом облизнул этот палец и, не обращая внимания на усиливающийся внутри хохот, посмотрел вверх. Морось, ставящая в тупик обладателей зонтов, прекратилась, небо неожиданно расчистилось и стало черным и глубоким. Он, ограничивая свое детище рамкой, так и не смог добиться такого глубокого черного цвета. А сейчас, если отбросить обступивший Станцию город, она была окружена именно той великолепной космической рамкой.

Он торопливо поднялся и почти бегом кинулся в светящееся нутро Станции. Только стеклянные двери почему-то не поддались под его ладонями. Он толкнул сильнее. Двери не хотели открываться! А смех внутри него – наглый и бесстыдный – становился все громче. В отчаянии он изо всех сил стукнул худым кулаком по стеклу. И смех внутри оборвался, как оборвался и привычный шум города. Потому что кулак с сухим треском прорвал туго натянутую поверхность и, когда он одернул руку, на месте удара была дыра, наполненная так восхитившей его глубокой чернотой. А по краям – лохмотья бумаги, простой, плотной бумаги! Он ухватился за эти лохмотья, потянул в разные стороны, и бумага податливо разошлась в стороны, все больше обнажая черноту и светясь на ее фоне белой немой изнанкой. Он громко расхохотался в этой тишине и пустоте – почти так же, как неведомый колдун – и стал разрывать бумагу все дальше и дальше. Вот это игра! В ней все логично и нет ошибок. И ничего не зависит от его пристрастий и умений. Ему больше не хочется быть тем, кто принимает решения! А бумажных кукол пусть переклеивает по своему усмотрению кто-нибудь другой. Вряд ли получится лучше и разумней, но, по крайней мере, ему не нужно будет пачкать руки клеем и бесконечно и беспомощно работать бритвой...

Он рвал бумагу до тех пор, пока она окончательно не смялась и не превратилась в бессмысленные обрывки, пока от нее не осталось ничего: по сторонам, сверху и снизу... Совсем ничего. Абсолютно ничего. Можете быть довольны!

КОНЕЦ

Нью-Йорк, июнь 2002 г.